

17
A-43

Aug 6th

N 58.

4. 750

17
N 43

55 days - 7289.

18/ii 791

26/ii 480

6

3

13

Сиб. 49289.
15

8
0 1 ф
Л 43.
17
1-48

ЛЕКЦІИ ПО ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭТИКѢ

Профессоровъ Вольнаго Университета Общественныхъ Наукъ.

Переводъ съ французскаго А. Ф. К—Ш.

подъ редакціей В. В. Битнера.

9
Читальня

„Вѣстника
Знанія“.

Муд. 35 п. 10
Ж. 1407

Dr. n. № 1711

С. ПЕТЕРУРВГЪ
Издание „Вѣстника Знанія“
(В. В. Битнера).
1905.

Муниципальное казенное учреждение
культуры Муниципального
образования город Ирбит
«Библиотечная система»

Содержание № 10 „Вѣстника Знания“ 1905 г.

М. И. Ильинский. Земскій соборъ	3
Сергѣй Одинской. Шесть, одинъ и тридцать	13
Проф. Куртъ-Гротевицъ. Растенія—живыя существа	16
А. А. Николаевъ. Политическія задачи текущаго момента русской жизни	23
Примъ. О вѣкоторыхъ измѣненіяхъ на поверхности луны	38
Проф. Георгъ Адлеръ. Начало современнаго рабочаго движенія въ Германіи	49
М. фонъ-Брандтъ. Будущность восточной Азіи	49
А. Д. Вальфуръ. Наше современное мировоззрѣніе	53
ЛѢТОПИСЬ ТЕКУЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА.	59
1) М. Абардсъ. Отзвуки мужицкихъ страданій	70
2) С. М. Гувиковъ. Финскій художникъ—Альбертъ Эдельфельтъ	82
ВОПРОСЫ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.	
Ан. Эльвещій. Крахъ средней школы	89
Лео Велькомтъ. Конгрессъ эсперантистовъ	97
С. И. Васюковъ. Консерваторъ	106
Д-ръ Эвъ. О современномъ положеніи бактериотогін	121
В. Вразоленко. Двѣнадцать лѣтъ	127
БИБЛИОГРАФІЯ. Л. Аксельродъ. «О проблемахъ идеализма». —А. Бебель. Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ. М. Р. Гершенштейнъ. Национализация земли, крестьянскій банкъ и выкупная операція.—Ричъ Робеспьера. Всеобщая полача голосовъ.—Л. Зайденманъ. Правовое положеніе евреевъ въ Россіи. Лео Мотиль. Стачки рабочихъ въ Западной Европѣ	137
НАУЧНОЕ СВОЗРѢНІЕ. Научная хроника. Францъ Коверій Претеръ.—Г. Пьеръ графъ де-Враша.—Извѣстный полярный мореплаватель капитанъ Джонъ Виггинсъ.—Новая океанографическая экспедиція. Международный съездъ дѣятелей по обученію и воспитанію глухонемыхъ въ Льежѣ.—Международный союзъ.— <i>Научныя новости.</i> Археологія. Древній туннель въ Иерусалимѣ.—Доксторическій городъ.—Древніе папирусы въ Египтѣ.—Древнія монеты.—Віологія, физиологія и медицина. Искусственыя клѣтки.—Вліяніе соленой воды на рыбъ.—Вліяніе погоды на человѣка.—Анестезія свѣтомъ.—Вопросъ о вліяніи искусственнаго вскармливанія на смертность дѣтей.—Форсированное выращиваніе цвѣтовъ. Техника, сельское хозяйство, статистика. Сверх-микроскопъ.—Симпсонскій туннель.—Примѣненіе беспроволочнаго телеграфа въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ.—Горячіе консервы.—Перевозка нефти моремъ.—Культура хлопца въ Италіи.—Статистика нищеты въ Берлинѣ.—Народонаселеніе Индіи.—Производство шевелы на земномъ шарѣ въ 1904 г.	144
<i>Отъ Мониторы Редакціи.—Отвѣты подписчикамъ.</i>	
Взаимопомощь читателей «Вѣстника Знания». Отчетъ о Московскомъ съездѣ подписчиковъ.—Программа дѣятельности союза подписчиковъ «Вѣстника Знания». О конкурсахъ почетныхъ подписчиковъ и др. вопросахъ.—Въ единеніи сила.	
Отвѣты подписчикамъ.—Списокъ книгъ для отзыва.	
СЛОВАРЬ НАУЧНЫХЪ ТЕРМИНОВЪ, ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ И ВЫРАЖЕНІЙ.	

Приложенія къ № 10.

1. „Общедоступный Университетъ“.—**ЖИЗНЬ ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ**. Ч. IV. Австро-Венгрія и ея народности.—Румыны.—Турки.—Албанцы.—Греки.
2. „Энциклопедическая Библіотека для самообразованія“.—**ГЛАВНѢЙШАЯ ТЕЧЕНІЯ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**. Проф. Ж. Пеллиссъ.—Французская литература XIX вѣка. Ч. II.
3. „Читальня Вѣстника Знания“.—**ЛЕКЦІИ ПО ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭТИКѢ** профессоровъ Вольнаго Университета Общественныхъ Наукъ.

117
л-43

Читальня

147
л-43

„Вѣстника Знанія“.

ГРЪБЕРЕНО

ЛЕКЦІИ

ПО ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭТИКѢ

профессоровъ Вольнаго Университета Общественныхъ Наукъ.

Переводъ съ французскаго А. Ф. К—III.
подъ редакціей В. В. Битнера.

3199
Шиб. 7289

Г
И
З
Д
А
Н
И
Е
П
Е
Т
Е
Р
Б
У
Р
Г
С
К
И
Й
У
Н
И
В
Е
Р
С
И
Т
Е
Т
С
К
И
Й

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Вѣстника Знанія“ (В. В. Битнера).
1905.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе къ французскому изданію Эмиля Бутру	3
I. Докт. Э. Дэльбэ: Общіа разсужденія	9
II. Проф. А. Дарлю: Классификація моральныхъ идей настоящаго времени	17
III. Проф. Марсель Бернесъ: Моральное единство	28
IV. Пасторъ Вагнеръ: Какъ ориентироваться въ нравственныхъ понятіяхъ нашей эпохи	43
V. Патеръ Винцентъ Моюсъ: Справедливость и право	57
VI. Проф. Ж. Бело: Состраданіе и естественный отборъ	62
VII. Проф. Ж. Сорель: Этика социализма	79
VIII. Проф. Шарль Жидъ: Справедливость и Милосердіе	95
IX. Проф. Леонъ Бруншвиγγъ: О радостяхъ	107
X. Проф. Рус. Школы Э. де-Роберти: Мораль и политика	115
XI. Проф. Р. Малапертъ: Индивидуальная и социальная мораль	127

Лекціи по общественной этикѣ.

Предисловіе къ французскому изданію.

Когда «Свободный коллежъ социальныхъ наукъ» рѣшилъ предложить ученымъ самыхъ различныхъ философскихъ направленій прочесть рядъ лекцій о принципахъ социальной морали, предоставивъ имъ полную свободу выбора темъ и философскаго освѣщенія предмета, то рѣшеніе это было встрѣчено, какъ будто, съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Къ чему, говорили себѣ нѣкоторые, обнаруживать передъ публикой разногласіе, которое царитъ между ученіями и касается самыхъ принциповъ нашего поведенія въ жизни? Мораль прежде всего дѣло практики. Она больше нуждается въ авторитетѣ, нежели въ теоріяхъ, и зрѣлище этихъ разногласій можетъ лишь дискредитировать ее и ослабить ея престижъ въ глазахъ присутствующихъ. Противорѣчіе, говоритъ Паскаль, является плохимъ признакомъ истины. Присутствующіе при жаркомъ диспутѣ обыкновенно не принимаютъ стороны ни одного изъ спорящихъ.

Но если, поборовъ наше естественное пристрастіе къ предвзятымъ мнѣніямъ и общимъ сужденіямъ, мы подвергнемъ безпристрастной критикѣ содержаніе этой книги, то замѣтимъ, что хотя каждый изъ авторовъ помѣщенныхъ здѣсь статей и не слушалъ лекцій остальныхъ своихъ коллегъ, но тѣмъ не менѣе всѣ они оказались согласными между собой болѣе, чѣмъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ.

Прежде всего всѣ они питаютъ одинаковое уваженіе къ человѣческой душѣ и ея достоинству, одинаковое чувство серьезной отвѣтственности, которое беретъ на себя всякій, кто беретъ трактовать вопросы морали; всѣ они проповѣдуютъ терпимость, свободу мысли, открытость, искренность, идеи долга, добродѣтели, человѣческаго братства; всѣ они питаютъ одинаковое отвращеніе къ парадоксамъ и софизмамъ, которые подъ предлогомъ тонкости и научной безстрастности, затемняютъ самыя ясныя понятія и ослабляютъ волю.

Всѣ эти люди, столь различные между собою, поразительно сходятся другъ съ другомъ въ моральномъ отношеніи. Это не виѣшняя черта, нестоящая вниманія. Что составляетъ, въ самомъ дѣлѣ, главное орудіе нравственности? Само ученіе? Да, конечно; но прежде всего человѣкъ. Воспитаніе, совершающееся подъ руководствомъ такого человѣка, какъ Сократъ, лучшей частью своей практической полезности обязано самой личности Сократа. Моральное воздѣйствіе совершается въ сферѣ духовнаго общенія.

Впрочемъ, было бы несправедливо сводить согласіе между авторами настоящихъ статей лишь къ сходству ихъ намѣреній и общихъ взглядовъ. Сами ученія также имѣютъ между собою много точекъ соприкосновенія.

Къ числу ихъ прежде всего относится признаніе тѣсной связи между индивидуальной и социальной моралью, убѣжденіе въ томъ, что невозможно одновременно искать самоудовлетворенія и выполнять свой долгъ, и что нравственность составляетъ общественную сторону нашей жизни, даже всего нашего существа.

Сюда же относится и тотъ взглядъ, что понятіе морали не должно быть смутнымъ и общимъ, не зависящимъ отъ времени и мѣста. Мораль, несомнѣнно, имѣетъ общіе принципы. Но принципы эти, особенно въ настоящее время, недостаточны. Мы хотимъ знать точно, въ чемъ состоятъ наши обязанности въ связи съ культурнымъ прогрессомъ и въ тѣхъ частныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы находимся. Съ этой цѣлью, не пренебрегая высшими данными совѣсти и разума, мы обратимся къ исторіи, къ наукамъ о физической и моральной природѣ, къ наблюденію современнаго общества и почерпнемъ отсюда всѣ элементы, которые они могутъ доставить намъ для того, чтобы конкретизировать моральные понятія, согласно нашимъ настоящимъ потребностямъ.

Но главнымъ общимъ пунктомъ является то убѣжденіе, что въ настоящее время для индивида меньше, чѣмъ когда бы то ни было возможно передать обществу или его представителямъ заботу о поддержаніи и прогрессѣ человѣческой культуры. Въ наше время человѣчество это—уже не нѣсколько людей, это—мы всѣ. Каждый изъ насъ имѣетъ свою, значительную долю власти и вліянія. Нравственное паденіе индивидовъ неизбежно поведетъ за собой крушеніе социальнаго организма. Каждый изъ насъ долженъ носить въ себѣ, въ глубинѣ своей воли и совѣсти, этотъ внутренний принципъ повиновенія долгу, который составляетъ самый существенный признакъ морали.

Сюда же относится, наконецъ, и та преимущественная роль, которая отводится дѣйствию. Всякій чувствуетъ, что мораль, какъ наука, совершенно бесполезна, если она не претворяется въ практическіе результаты: воспитаніе разсудка и воли, уменьшеніе эгоизма и извращеннаго самолюбія, прогрессъ справедливости и братства въ человѣческихъ обществахъ. Но въ дѣйствиіи нужно видѣть не только объектъ морали. Оно представляетъ собою, въ извѣстномъ смыслѣ, ея двигатель и орудіе совершенствованія. Подобно тому, какъ научные методы найдены были при отыскиваніи законовъ природы, такъ точно, работая надъ осуществленіемъ добра, мы приходимъ постепенно къ его опредѣленію. Бытіе во всемъ предшествуетъ познанію, хотя познаніе, въ свою очередь, воздѣйствуетъ на бытіе.

Во всѣхъ этихъ пунктахъ и во многихъ другихъ существуетъ поразительное согласіе между авторами всѣхъ статей, помѣщенныхъ ниже. И согласіе это приобретаетъ всю свою цѣнность именно въ виду полного отсутствія предварительной организаціи.

Было бы, однако, нелѣпо утверждать, что въ сравненіи съ этими общими пунктами, различія не заслуживаютъ вниманія, и мы не могли бы назвать иначе, какъ дѣтской игрой, всякую попытку объединить между

собой всё эти учения при помощи тонких и сложных толкований. Подъ серьезной и научной формой, присущей всѣмъ этимъ авторамъ, безъ труда можно открыть довольно несходныя направленія; и если слѣдовать имъ въ практическихъ примѣненіяхъ, то они привели бы къ трудно примиримымъ выводамъ.

Какъ относиться къ этому? Слѣдуетъ ли пожалѣть о такомъ результатѣ? Напротивъ, онъ очень цѣненъ. Дѣйствительно, въ моральной проблемѣ, ясно встающей передъ нашимъ обществомъ, современное состояніе наиболѣе образованныхъ умовъ составляетъ одно изъ существенныхъ данныхъ. Ихъ разногласіе, поскольку оно существуетъ, должно быть измѣрено и принято въ расчетъ. Опасно не знаніе этого разногласія, а преднамѣренное игнорированіе его, потому что подобное отношеніе къ вопросамъ морали можетъ привести къ тому, что мы будемъ принимать наши личныя мнѣнія за приобретенныя истины, достойныя практическаго примѣненія. Напротивъ, дѣйствительный авторитетъ будетъ принадлежать тѣмъ правиламъ, которыя будутъ установлены просвѣщеннымъ сотрудничествомъ всѣхъ умовъ.

Какъ же должно совершаться это сотрудничество, чтобы имѣть серьезные шансы на успѣхъ?

Прежде всего, необходимо разграничить, какъ двѣ весьма различныя области, воспитаніе въ чистомъ смыслѣ, въ особенности, элементарное воспитаніе, отъ научнаго изысканія.

Никто не воспитываетъ, никто не имѣетъ права воспитывать дѣтей для себя,—даже отецъ. Мы воспитываемъ ихъ для поддержанія и прогресса чловѣчества, для общества и родины, для исполненія обязанностей, ожидающихъ ихъ въ жизни. Отсюда слѣдуетъ, что никто не имѣетъ права прививать дѣтямъ свои убѣжденія, даже самыя дорогія, только потому, что это его убѣжденія: это значило бы подъ прикрытіемъ морали расширить права своей личности за ея естественныя предѣлы. Но единственное средство для того, чтобы быть застрахованнымъ отъ смѣшенія собственныхъ идей съ голосомъ разума и безпристрастной совѣсти, состоитъ въ томъ, чтобы держаться правилъ, принятыхъ среди достойнѣйшихъ людей того общества, часть котораго мы составляемъ. Правила эти, несомнѣнно, не всегда очень точны и связаны. Если приложить всё старанія къ тому, чтобы собрать эти правила, такъ, какъ они есть, въ ихъ наиболѣе совершенной и прекрасной формѣ, то они представляютъ собою весь моральный опытъ нашей расы. И только этотъ опытъ можетъ служить, вообще говоря, въ дѣлѣ воспитанія, которое мы даемъ нашимъ дѣтямъ. Воспитатель не долженъ стремиться къ новшествамъ и производить надъ своими воспитанниками ради своихъ индивидуальныхъ взглядовъ опытовъ для измѣренія могущества своего вліянія. Настоящая роль его въ дѣлѣ моральнаго воспитанія заключается въ примѣрѣ и самоотверженности.

Впрочемъ, не нужно забывать, что дѣло идетъ о дѣйствительной, а не о воображаемой жизни въ средѣ идеальнаго общества. А въ области дѣйствительности не только сложныя и спорныя истины, но и самыя элементарныя; самыя обыденныя изъ нихъ оспариваются на каждомъ шагѣ. Не нужно ни особенной глубины ума, ни знаній, почерпнутыхъ изъ высшихъ источниковъ, чтобы понять, что алкоголизмъ представляетъ собою порокъ гибельный, ведущій къ вырожденію. А какую огромную услугу оказалъ бы обществу тотъ учитель, которому удалось бы уберечь отъ этого порока своихъ воспитанниковъ! Конечно, низкій моральный уровень множества людей имѣетъ глубокія и серьезныя причины. Но онъ проистекаетъ также и отъ лѣности, отъ страсти къ удовольствіямъ, отъ

эгоизма, вспыльчивости, жестокости, преклоненія передъ деньгами, отъ тщеславія, зависти; словомъ, отъ всѣхъ гибельныхъ страстей, опасное вліяніе которыхъ признается всѣми. Возьмемъ хотя бы наиболѣе интеллигентныхъ людей, развѣ они руководствуются въ своихъ обыденныхъ поступкахъ настоящими принципами, рациональными и философскими взглядами на направленіе человѣческой жизни? Развѣ и имъ не случается опираться въ своихъ рѣшеніяхъ даже по поводу очень серьезныхъ вопросовъ на самые элементарные мотивы, лишь очень слабо возвышающіеся надъ тѣми мотивами, которыя управляютъ ограниченными умами. Развѣ не случается иногда, что замысль, требующій огромнаго умственного напряженія, большихъ и подробныхъ знаній, громаднаго труда, тяжелыхъ и упорныхъ усилій, внушающій столько удивительныхъ комбинацій, развѣ не случается, что въ конечномъ счетѣ, если строго отличать дѣлъ отъ средствъ, онъ представляетъ собой мелкій, эгоистическій расчетъ, очень похожій на диктуемые честолюбіемъ и завистью поступки перваго встрѣчнаго. Такой взглядъ на жизнь и на міръ не отличается большой глубиной, и для оцѣнки его законности, повидимому, достаточно лишь морали здраваго смысла. Когда воспитателю удастся предохранить вѣрнѣйшихъ ему дѣтей отъ всѣхъ пороковъ, осуждаемыхъ обыденной моралью, тогда, воплнѣ естественно, онъ долженъ будетъ искать въ болѣе глубокихъ теоріяхъ средства для того, чтобы повести своихъ воспитанниковъ въ высшему совершенству.

Но ясно, что практическое воспитаніе юношества не имѣетъ ничего общаго съ научнымъ изысканіемъ. Тѣ самыя правила, которыя нынѣ, санкціонированныя человѣческимъ опытомъ, встрѣчаютъ наше признаніе, являются плодомъ свободнаго и смѣлаго размышленія, которое, съ своей стороны, служитъ хорошимъ урокомъ. То, что сдѣлали наши предшественники, должны въ свою очередь сдѣлать и мы, и такъ какъ человѣчество въ томъ или другомъ отношеніи непрерывно мѣняется, то мы должны разсмотрѣть, какія спеціальныя проблемы встаютъ въ данное время передъ нами и какія рѣшенія лучше всего отвѣчаютъ нашему человѣческому достоинству. Мораль, какъ мы это ясно видимъ въ настоящее время, не есть и никогда не будетъ законченной наукой. Она представляетъ собою определенную потребность человѣческаго духа, раскрывающуюся по мѣрѣ того, какъ мы работаемъ надъ ея удовлетвореніемъ, и толкающую на новыя изысканія по мѣрѣ своего опредѣленія.

Можно ли сказать, какимъ образомъ и въ какомъ направленіи должны вестись эти изысканія?

Одно, прежде всего, несомнѣнно, что они должны быть совершенно свободны. Это воплнѣ очевидно, потому что дѣло идетъ объ изобрѣтеніи, въ нѣкоторомъ родѣ творчествѣ; а условіемъ всякаго оригинальнаго творчества является полнѣйшая свобода.

Изъ этого замѣчанія вытекаетъ тотъ выводъ, что мы должны при выкинуть къ обсужденію принциповъ практической жизни, подобно тому, какъ обсуждаются и гипотезы естественныхъ наукъ. Борьба мнѣній въ первомъ случаѣ не должна удивлять и возмущать насъ больше, чѣмъ во второмъ. Развѣ моральныя проблемы легче проблемъ физическихъ; и развѣ кто-либо изъ насъ имѣетъ въ этомъ отношеніи достаточное право обвинять въ недобросовѣстности всякаго, кто думаетъ не такъ, какъ онъ?

Въ области моральныхъ изысканій свобода является условіемъ, главнымъ образомъ, отрицательнымъ. Можно ли указать въ этой области кромѣ того какія-либо условія болѣе положительнаго характера?

Моральныя проблемы, можно сказать, представляются обыкновенно

въ одной и той же формѣ: въ формѣ конфликта, нарушающаго покой человѣческой совѣсти и приводящаго ее въ смущеніе тѣмъ болѣе тягостное, что дѣйствіе не ждетъ. Происходящій при этомъ конфликтъ между различными принципами и стремленіями чаще всего возникаетъ между традиціями, привычками, освященными временемъ правилами жизни, съ одной стороны, и между новыми потребностями и жаждой самоусовершенствованія—съ другой. Какъ долженъ разрѣшаться этотъ конфликтъ? Опытъ и разсужденіе учатъ насъ, что въ большинствѣ случаевъ, когда дѣло идетъ о принципахъ дѣйствительно положительныхъ и человѣческихъ, бываетъ опасно или, во всякомъ случаѣ, ошибочно жертвовать тѣмъ или другимъ изъ принциповъ, между которыми наблюдается противорѣчіе; либо ограничиваться образованіемъ общаго и мало объясняющаго понятія, могущаго охватить ихъ обоихъ; либо, наконецъ, просто - на - просто подставлять одинъ вмѣсто другого, какъ если бы ихъ противорѣчіе было лишь видимымъ или воображаемымъ. Необходимо ихъ примирить между собою; но это примиреніе можно совершить лишь тогда, если найденъ не компромиссъ, а новый, высшій принципъ, въ которомъ оба принципа, до сихъ поръ боровшіеся между собою, становятся согласными средствами для осуществленія одной общей цѣли. Такъ, напримѣръ, мы вступили бы на ложный путь, еслибы передъ лицомъ того противорѣчія, которое наблюдается, повидимому, между благомъ личности и благомъ общества, старались бы пожертвовать однимъ или другимъ. Личность это—конкретная реальность человѣчества, общество же представляетъ его естественную и необходимую форму. Слѣдовательно, нужно искать такой высшей цѣли, въ преслѣдованіи которой личность и общество, развивая каждый свои собственные добродѣтели, будутъ чувствовать себя все болѣе и болѣе солидарными между собою.

Не затрагивая спорныхъ вопросовъ, можно, кажется, дать одно или два указанія.

Первое касается мѣста морали въ человѣческомъ обществѣ.

Античная мораль была моралью привилегированныхъ. О мудрости, которую она считала конечной цѣлью, она составила себѣ такое представленіе, которое не было и не должно было быть осуществимымъ для всѣхъ людей. Созерцаніе и безстрастность требуютъ специальныхъ условій: чтобы чисто духовная жизнь однихъ опиралась на матеріальную жизнь, всецѣло возложенную на плечи другихъ, а въ политическомъ отношеніи—чтобы свобода однихъ покоилась на рабствѣ другихъ.

Современный умъ не можетъ допустить этихъ аристократическихъ понятій. Безъ сомнѣнія, онъ не могъ бы отказаться рисовать себѣ идеалъ человѣка настолько совершенный, насколько позволяетъ человѣческая природа. Но въ то же время онъ хочетъ, чтобы всѣ люди были равны передъ моралью. Кантъ, въ одномъ изъ его посмертныхъ отрывковъ, рассказываетъ, что до того, какъ онъ прочелъ Руссо, онъ презиралъ народъ за его невѣжество и недостатокъ умственной культуры. Руссо раскрылъ ему глаза и научилъ его уважать человѣчество даже въ самомъ ничтожномъ изъ людей. И онъ принялъ въ принципъ, что всякое правило, которому нельзя придавать всеобщаго характера, не представляетъ собою настоящаго моральнаго правила. Эта точка зрѣнія сама собой напрашивается нашей совѣсти. Мы ищемъ въ морали средства осуществить во всякомъ, это носить на себѣ человѣческій образъ, достоинство, равное тому, какого можетъ достигнуть человѣкъ, наиболѣе одаренный природой, и притомъ въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Слѣдовательно, какъ бы мудры и глубоки ни были моральные умозрѣнія, они дѣйствительно достойны этого имени лишь

въ томъ случаѣ, если приводятъ къ очень простымъ заключеніямъ, доступнымъ для всякаго ума и воли.

Современный умъ требуетъ отъ морали еще другого характернаго признака, а именно конкретной формы. Мы видимъ на каждомъ шагѣ, что люди легко соглашаются между собою, когда говорятъ въ общемъ смыслѣ о долгѣ, о родинѣ, о мірѣ и братствѣ, но лишь только дѣло доходитъ до средствъ осуществленія этихъ священныхъ цѣлей, какъ между ними наступаетъ разногласіе. Наша жизнь чрезвычайно сложна, число нашихъ связей возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Намъ нужна мораль, входящая въ подробности, которая говоритъ намъ не только то, что нужно дѣлать добро, но и въ чемъ состоитъ оно; которая трактуетъ не только о цѣляхъ, но и о средствахъ. Иными словами, мораль не можетъ болѣе оставаться изолированной отъ фактическихъ наукъ, которыя указываютъ намъ какъ нашу солидарность по отношенію къ прошлому, такъ и тѣ направленія, въ которыхъ въ настоящее время проявляется человѣческая дѣятельность. Къ морали человѣчества должна присоединиться мораль отдѣльнаго человѣка, въ зависимости отъ нашего положенія въ мірѣ и обществѣ.

Но, вступая въ подобную связь съ положительными науками, не измѣнить ли мораль своей природы? Не станетъ ли она наукой о фактахъ? Не измѣнить ли она своего идеалистическаго характера? До сихъ поръ еще не было ясно доказано, что это должно случиться. Положительныя знанія могутъ и должны оказывать морали величайшія услуги: они дадутъ матеріалъ для ея принциповъ, они переведутъ ея идеи на языкъ формулъ. А формула, говоритъ идеалистъ Фихте, является чрезвычайно цѣннымъ благомъ для человѣка. Но положительныя знанія не должны поглотить мораль. Не наступилъ еще и, быть можетъ, никогда не наступитъ тотъ моментъ, когда проблему нашего долга можно будетъ разрѣшить съ помощью эмбриологіи или термодинамики. Мораль должна сохранить свою оригинальность, должна попрежнему пользоваться присущими ей методами, и, не подчиняясь другимъ наукамъ, заимствовать отъ нихъ вспомогательныя средства. Если она прибѣгаетъ для своего выраженія къ формуламъ, какъ къ условію строгой точности и полезности, то она не можетъ быть закована въ нихъ навсегда. Она безпредѣльна, какъ человѣческая душа.

Таковы, мнѣ кажется, должны быть первые штрихи теоріи изслѣдованія въ области морали. Развѣ взгляды эти идутъ въ разрѣзъ съ общимъ духомъ статей, собранныхъ въ этой книгѣ? Скорѣе напротивъ. А если такъ, то не служить ли это доказательствомъ правильности идеи, которою руководились организаторы этихъ лекцій? Разногласія, которыя могутъ здѣсь обнаружиться, имѣютъ меньше значенія, чѣмъ сходства. При видѣ того, какъ нѣсколько вполне независимыхъ умовъ, безъ предварительнаго согласія, оказываются согласными между собою во многихъ существенныхъ пунктахъ, все мы можемъ лишь укрѣпить въ себѣ увѣренность въ полезности свободнаго изслѣдованія и надежду на постепенное осуществленіе той гармоніи между единствомъ и разнообразіемъ, между всеобщимъ и индивидуальнымъ, въ которой вся жизнь и которая составляетъ конечный идеаль.

Элли Бутру.

I.

Позитивная мораль. — Искусство и наука.

Общія разсужденія.

(Докт. Э. Дэльбе, директоръ «Свободнаго Коллежа соціальныхъ наукъ»).

Пригласивъ людей науки, охотно изъявившихъ свое согласіе прочесть рядъ лекцій о морали, нашъ коллежъ рѣшилъ, чтобы каждый лекторъ былъ совершенно свободенъ въ выборѣ темы и въ ея трактованіи. — Впрочемъ, это лишь частный случай примѣненія того общаго правила, которое лежитъ въ основѣ нашего преподаванія.

Я воспользуюсь этой свободой, чтобы прибавить лекцію общаго характера о *позитивной морали* къ ряду лекцій о позитивизмѣ, которыя я читаю здѣсь съ основанія коллежа. Поступая такъ, я повинуюсь глубокому убѣжденію, живущему во мнѣ уже болѣе полувѣка. Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, когда я познакомился съ Огюстомъ Контѣмъ и приступилъ къ изученію позитивизма. Съ тѣхъ поръ ученіе это не переставало служить для меня интеллектуальнымъ и моральнымъ проводникомъ; я чувствовалъ, какъ крѣпнуть съ каждымъ днемъ убѣжденія, привязывающія меня къ нему: я обязанъ ему умственнымъ и душевнымъ миромъ, обязанъ неопредѣлимому преимуществу быть въ состояніи понимать все въ прошедшемъ и настоящемъ, обсуждая все безъ ненависти и страстности, съ относительной точки зрѣнія. Я былъ бы поистинѣ слишкомъ неблагодарнымъ, если бы не посвятилъ всей своей жизни на пропагандированіе этого великаго ученія, въ основѣ котораго лежитъ относительность познанія, этотъ единственный дѣйствительно абсолютный принципъ.

Позитивизмъ охватываетъ все человѣческое знаніе въ его цѣломъ. Огюсть Контъ сопоставилъ различныя части его въ своей знаменитой классификаціи наукъ, основанной на двойномъ принципѣ убывающей общности и возрастающей сложности явленій. Начинаясь съ явленій матеріальнаго порядка, она восходитъ къ порядку жизненному и человѣческому, общественному и личному. Вершину этой грандіозной лѣстницы, въ качествѣ седьмой и послѣдней науки, занимаетъ мораль. Менѣе общая и болѣе сложная, чѣмъ всѣ другія, она заключаетъ въ себѣ ихъ всѣ; она представляетъ собою цѣль и вѣнецъ всѣхъ другихъ знаній, которыя являются, такъ сказать, лишь предварительными и подготовительными. Дѣйствительно, развѣ она не представляетъ собою науку о самомъ человѣкѣ, который въ своей

недѣлимой сущности составляет конечный объектъ всякой человѣческой теоріи?

Удѣливъ морали это выдающееся мѣсто среди всѣхъ другихъ наукъ, Огюсть Контъ не успѣлъ написать тотъ трактатъ, который онъ хотѣлъ посвятить ей; но онъ оставилъ планъ, и преемникъ его, Пьеръ Лафитъ, развилъ этотъ планъ въ рядѣ замѣчательныхъ лекцій, читанныхъ имъ въ Сорбоннѣ въ видѣ открытаго курса. На основаніи этихъ-то работъ и нѣсколькихъ своихъ собственныхъ очерковъ, я и постараюсь развить передъ вами общіе взгляды на мораль и на ея эволюцію къ позитивному состоянію. Область эта неизмѣрима, я смогу коснуться лишь вершины вещей и буду очень счастливъ, если мнѣ удастся разъяснить всю важность рѣшеній, которыя даетъ позитивизмъ великимъ проблемамъ о назначеніи человѣчества.

I.

Отправнымъ нашимъ пунктомъ является человѣческая природа: мы принимаемъ ее такою, какова она есть, съ ея достоинствами и недостатками, ограничиваясь указаніемъ того, что она имѣетъ добрые инстинкты, альтруистическія стремленія, способныя противостоять стремленіямъ эгоистическимъ и обезпечить торжество общественности надъ личностью, въ чемъ и состоитъ великая моральная проблема.

Согласно своей этимологіи, слово *мораль* (правственность) заключаетъ въ себѣ одновременно понятіе привычки и мѣры. Слово это составлено хорошо, такъ какъ оно объясняетъ происхожденіе морали, зародившейся отъ привычекъ, саморазвивающихся подъ давленіемъ необходимости въ человѣческихъ группахъ, главнымъ образомъ, въ наиболѣе естественной изъ этихъ группъ—семьѣ, и обязанныхъ также воздѣйствію этихъ коллективностей на составляющихъ ихъ индивидовъ. Здѣсь передъ нами явленіе столь же произвольное, какъ и необходимое, такъ какъ оно наблюдается у животныхъ съ того момента, когда среди нихъ появляется различіе половъ. Развѣ не избито утвержденіе, что у животныхъ имѣются нравы? Ни одно общество животныхъ, временное или постоянное, не можетъ существовать безъ начала порядка. Еще болѣе справедливо это по отношенію къ человѣческимъ обществамъ, въ какія бы формы они ни были облечены. Хотя бы оно состояло даже всего лишь изъ двухъ первобытныхъ существъ, все равно, между ними устанавливается извѣстная степень согласенія и возникаетъ потребность въ регулирующихъ его правилахъ. Эти правила и вытекающая изъ нихъ привычка и составляютъ зародыши морали.

Порожденная необходимостью, обогащенная непрерывными наблюденіями, мораль образуется мало-по-малу, главнымъ образомъ благодаря воздѣйствію цѣлокупности человѣческихъ группъ на составляющія ихъ части. Группы эти образуютъ *коллективныя существа*, семьи, трибы, кланы, городскія общины, націи, отечества, государства, безъ участія которыхъ человѣческая эволюція оставалась бы необъяснимой.

Въ самомъ дѣлѣ, изолированный человѣкъ не доступенъ нашему представленію: мы можемъ понять его лишь въ обществѣ, т. е. какъ часть болѣе или менѣе многочисленной коллективности, въ которую онъ входитъ, какъ членъ, и которая господствуетъ надъ нимъ, и оказываетъ воздѣйствіе на всю совокупность его способностей. По мѣрѣ того, какъ растетъ въ своемъ значеніи эта коллективность, растетъ и ея вліяніе на каждаго изъ ея членовъ. Дѣйствія и противодѣйствія смѣняются другъ друга, отношенія усложняются; обязанности, налагаемыя чувствомъ долга, становятся все многочисленнѣе и опредѣленнѣе; устанавливается порядокъ.

Мораль, являющаяся его выраженіемъ, создается эмпирически; послѣдовательныя приобрѣтенія передаются по традиціи, благодаря существованію стариковъ, пользующихся глубокимъ уваженіемъ, которое само по себѣ также является источникомъ нравственности.

Такъ, съ теченіемъ времени, и въ различныхъ частяхъ нашей планеты образуется моральное сокровище, сначала маленькое и непрочное, но которое затѣмъ, спустя рядъ вѣковъ, превратится въ *моральный капиталъ человечества*. Мы живемъ имъ, и предки наши, создавшіе его, все больше и больше усиливаютъ черезъ его посредство свою власть надъ нами по мѣрѣ того, какъ этотъ капиталъ растетъ. Такимъ образомъ, мораль представляется намъ въ видѣ одного изъ великихъ непосредственныхъ твореній человечества, подобно религіи, собственности, рѣчи, съ которой Паскаль уже сравнивалъ мораль, замѣчая, что какъ та, такъ и другая представляютъ собою *науки частныя, но универсальныя*.

Какъ величественно, какое глубокое чувство почтенія и восхищенія вызываетъ оно, это зрѣлище человечества, самосозидающагося, безпрестанно самосовершенствующагося съ такими большими и долгими усиліями! Да позволено намъ будетъ почитать это славное прошлое, которому мы обязаны всѣмъ, тѣми же словами, которыми поэтъ привѣтствовалъ завершеніе римскаго величія!

Tantae molis erathumanos condere mores! Какъ ни огромно было величіе Рима, который почитался своими гражданами, какъ величайшее изъ всего существующаго, *maxima rerum*, мораль, созданная человечествомъ, составляетъ твореніе еще болѣе великое, болѣе достойное возбудить въ человѣкѣ чувство законной гордости.

II.

Одновременно съ образованіемъ морали зарождалась и развивалась также и религія подъ давленіемъ тѣхъ же необходимостей: настойчивой, неотложной потребности создать теорію для объясненія міра и организовать отношенія между нимъ и человѣкомъ. Эта теорія служитъ также основаніемъ для отношеній между людьми, а это-то именно и есть область морали.

Появившись одновременно и находясь между собою въ естественной связи, религія и мораль опираются одна на другую и въ нѣкоторомъ родѣ сочетаются между собою. Имъ одинаково присущи теоріи фетишистскія, политическія и монотеистическія, какъ и вытекающія оттуда правила поведенія; между ними наблюдается солидарность, можно было бы даже сказать, неразрывность, въ борьбу съ которой лишь иногда вступаетъ метафизика, но безуспѣшно; древній предразсудокъ, ставившій мораль въ зависимость отъ религіи, выдерживаетъ нападки стоиковъ и даже эпикурейцевъ; христіанство освящаетъ его, и еще въ наши дни онъ попрежнему остается однимъ изъ символовъ вѣры для людей, глубоко привязанныхъ къ христіанской традиціи и не понявшихъ важности недавнихъ открытій науки.

Въ самомъ дѣлѣ, одни лишь эти открытія могутъ служить основаніемъ для морали независимой, въ свою очередь поднявшейся на степень науки. Съ давнихъ поръ философы уже предугадывали, провозглашали и подготовляли эту мораль, къ великому негодованію Паскаля, съ возмущеніемъ доводившаго этотъ планъ до свѣдѣнія общественнаго мнѣнія: «Смертна ли душа или бессмертна, вѣдь несомнѣнно, что тотъ или иной отвѣтъ долженъ отразиться и на всей морали: а между тѣмъ философы выводили мораль независимо отъ этого вопроса». Это, конечно, должно было инте-

рессовать таковаго христіанина, какъ Паскаль; но онъ не видитъ, что зло, беспокоющее его, имѣетъ гораздо болѣе древніе корни, чѣмъ воззрѣнія философовъ. Начало его относится къ глубокой древности, когда возникло великое понятіе *Рока* (*Fatum*), источникъ всѣхъ наукъ, противъ котораго безсильна воля самого Юпитера. Одинъ лишь великій Рокъ представляетъ принципъ порядка среди капризныхъ волъ боговъ политеизма; онъ истинный отецъ законовъ, которые, постепенно выдѣлившись изъ наблюденія фактовъ, мало по-малу, отъ простѣйшихъ явленій матеріальнаго порядка, распространились на все болѣе и болѣе сложныя явленія биологіи и морали.

III.

Позитивизмъ отвергаетъ всякое внѣшнее вмѣшательство, всякую роль сверхъестественнаго въ человѣческихъ дѣлахъ. Его вѣра—это вѣра въ то, что все относительно, и что всякія, какія угодно явленія связаны между собою естественными законами; что, обладая опредѣленной природой, человѣкъ все черпаетъ изъ самого себя и изъ своихъ отношеній къ міру; что, создавъ въ своей средѣ порядокъ, общества обезпечили его развитіе путемъ прогресса;—но эти убѣжденія не мѣшаютъ ему понимать и оцѣнивать все значеніе заслугъ, оказанныхъ человѣчеству воображаемыми опекунами, въ которыхъ оно должно было вѣрить въ теченіе своего долгаго младенчества.

Да, въ нашихъ глазахъ мораль была твореніемъ безсознательнымъ, вообще, безыменнымъ. Но значить ли это, однако, что это великое дѣло совершалось всецѣло эмпирическимъ путемъ и что не происходило никакого теоретическаго вмѣшательства? Мы далеки отъ этой мысли, противорѣчащей самимъ законамъ, управляющимъ ходомъ человѣческой мысли: всегда и вездѣ практика и теорія совмѣстно участвуютъ въ прогрессѣ, при чемъ каждая изъ нихъ вноситъ свою долю въ него подъ высшимъ контролемъ человѣчества. Каждой функціи соотвѣтствуетъ особый органъ—нашелся этотъ органъ и для функцій теоретика, хранителя и проповѣдника морали, функцій, которыя не могли оставаться невыполненными.

Въ глубинѣ гротовъ, въ которыхъ укрывались фетиши и ихъ представители; въ пещерахъ ворожей; въ храмахъ античной теократіи и оракуловъ; на общественныхъ площадяхъ Греціи и Рима, какъ и въ христіанскихъ церквяхъ, мечетяхъ и школахъ; вездѣ, во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ, мораль имѣла свободныхъ или официальныхъ исполнителей, священниковъ, мудрецовъ, философовъ: но каково бы ни было довѣріе къ нимъ, каковъ бы ни былъ ихъ авторитетъ, какова бы ни была приписываемая имъ сила откровенія,—они никогда не были создателями, изобрѣтателями морали въ общепринятомъ смыслѣ.

Роль ихъ состояла въ томъ, чтобы болѣе или менѣе систематически сопоставлять, воплощать во все болѣе и болѣе точныя формулы рѣшенія, найденныя, часто даже подсказанныя здравымъ смысломъ. Роль ихъ состояла также въ преподаваніи, распространеніи этихъ формулъ, весьма нерѣдко въ насильномъ навязываніи рѣшеній, признанныхъ наилучшими: злоупотребленіе, неизбежное въ тѣ времена, когда мораль, связанная съ вѣрою, абсолютная, подобно этой послѣдней, не могла допускать обсужденія.

Дѣятельность теоретиковъ въ морали можно сравнить съ дѣятельностью законовѣдовъ въ правѣ; типомъ ея служить дѣятельность римскаго претора. Его эдиктъ (указъ) имѣетъ силу закона, такъ какъ вытекаетъ изъ обычая и формулируетъ заключеніе, соотвѣтствующее идеямъ, принятымъ въ данной средѣ. Точно также и въ морали, въ аналогичныхъ условіяхъ,

теоретики составляютъ эдикты и дѣлаютъ ихъ священными, чтобы изъять ихъ изъ обсужденія, издавая ихъ отъ имени неоспоримаго, въ особенности грознаго божественнаго авторитета. Иногда, черезъ большіе промежутки времени, появляются болѣе великіе изъ нихъ, провозглашающіе не отдѣльныя частныя истины, а полные кодексы морали; таковы мудрецы Индіи, Китая, Греціи, Конфуцій и Сократъ, Моисей, Иисусъ, святой Павелъ, Магометъ; таковы также великіе мыслители всѣхъ временъ, говорившіе отъ имени разума и науки.

Идя отъ древнихъ рѣшеній къ новымъ, давая окончательную санкцію установленнымъ правиламъ поведенія въ существенныхъ случаяхъ, власть теоретиковъ сдѣлала возможнымъ образованіе послѣдовательныхъ состояній *моральнаго равновѣсія*, соответствующаго каждой изъ великихъ фазъ чело-вѣческаго развитія: равновѣсіе это есть то, что называютъ правами народа, націи въ данный историческій моментъ; это—совокупность правилъ и предразсудковъ, господствующихъ въ это время въ обществѣ; это—для даднаго времени—мѣрило чело-вѣческаго поведенія, мѣрило болѣе или менѣе вѣрное, болѣе или менѣе подходящее, такъ какъ оно всегда соот-вѣтствуетъ мѣсту и времени.

Каждый возрастъ имѣетъ свои удо-вольствія, свой духъ и свои нравы.

Мысль эта, такъ хорошо выраженная Буало, вѣрна также и для коллективныхъ существъ. Каждому періоду ихъ развитія, каждой фазѣ ихъ умственнаго состоянія отвѣчаетъ моральный идеалъ, принятый, опредѣленный и освященный теоретической властью: къ идеалу этому и направляется общество, и онъ навязывается ему часто *per fas et nefas*, потому что все считается дозволеннымъ для достиженія прекрасной самой въ себѣ цѣли, *моральнаго единства*. Впрочемъ, слишкомъ часто для осуществленія моральнаго прогресса случалось прибѣгать къ силѣ и страху, этому началу мудрости, согласно пословицѣ.

IV.

Придя къ этому пункту, мы могли бы попробовать дать опредѣленіе морали; но предварительно нужно разрѣшить еще одинъ вопросъ, а именно, что такое мораль, искусство или наука, вопросъ не только лишь формальный, и разрѣшить его важно иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, т. е. бездоказательными утвержденіями или простыми заявленіями безъ достаточнаго разъясненія.

Величайшіе умы, проникнутые сознаниемъ важнаго и почетнаго положенія морали, между прочимъ и Паскаль, даютъ ей имя науки; съ ихъ стороны это—выраженіе ихъ отношенія къ морали, актъ уваженія: если они даютъ ей это имя, то это, такъ сказать, «*honoris causa*» (чести ради). Въ дѣйствительности же, въ теченіе всего прошлаго, какъ въ то время, когда писалъ Паскаль, такъ и вплоть до нашихъ дней, мораль была лишь искусствомъ. Какъ же опредѣлить иначе совокупность практическихъ правилъ, болѣе или менѣе хорошо согласованныхъ, но не имѣющихъ даже хотя бы самаго первоначальнаго теоретическаго обоснованія? Впрочемъ, иначе и быть не могло, такъ какъ низшія науки, отъ которыхъ зависитъ мораль, біологія и въ особенности социологія, еще не были созданы. Едва проникшее въ біологію понятіе закона считалось невозможнымъ ввести въ социологію, да и сама эта новая наука не получила

еще ни имени, ни опредѣленія. Кто же могъ думать о томъ, чтобы внести это понятіе, внѣ котораго нѣтъ науки, въ область еще болѣе сложную и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе трудную, въ область морали, тѣсно связанную съ религіей?

Когда Огюсть Контъ создавалъ социологію, то онъ и самъ вначалѣ не выдѣлялъ морали; она оставалась включенной въ нее, какъ одно изъ искусствъ, зависящихъ отъ этой науки. Но болѣе глубокое изученіе показало ему, что ее слѣдуетъ выдѣлить и сдѣлать изъ нея седьмую науку, завершающую и обнимающую всѣ прочія. Разсматриваемая сама по себѣ мораль оказывается самой специальной изъ наукъ, такъ какъ единственный объектъ ея—человѣкъ; въ то же время она сложнѣе ихъ всѣхъ, потому что объектъ этотъ—существо наиболѣе сложное. Это легко можно доказать, сравнивъ мораль съ обѣими науками, непосредственно предшествующими ей въ ряду наукъ.

Биологія занимается всѣми живыми тѣлами, а слѣдовательно и обшими условіями человѣческаго существованія. Социологія, непосредственно предшествующая морали, занимается человѣческими обществами и отношеніями между личностью и тѣми обществами, часть которыхъ она составляетъ. Она даетъ намъ средства для освѣщенія и уясненія индивидуальной жизни, непонятной внѣ социальной цѣли и безъ нея.

Мораль идетъ дальше: она изслѣдуетъ вопросы индивидуальной жизни, которые, очевидно, сложнѣе социальныхъ, и въ виду этого должна считаться съ очень важными явленіями, которыми можно пренебречь въ социологіи: таковы воздѣйствія внутреннихъ органовъ на мозгъ, или, въ болѣе общемъ видѣ, воздѣйствія тѣла на разумъ, служащія источникомъ столь многочисленныхъ осложненій.

Здравый смыслъ во всѣ времена замѣчалъ важное значеніе этого взаимодѣйствія между физическимъ состояніемъ и моральнымъ; онъ даже чрезмѣрно преувеличивалъ его, такъ какъ за отсутствіемъ какихъ бы то ни было знаній о мозговыхъ функціяхъ мѣстомъ сосредоточенія нашихъ способностей считались самыя внутренности. Метафизика также допускала эти размѣщенія и часто занималась опредѣленіемъ мѣста для души, объединяющей въ себѣ всѣ умственные и моральныя способности: она пришла, впрочемъ, лишь къ смѣхотворнымъ представленіямъ, въ родѣ археевъ (жизненныхъ началъ) Ванъ-Гельмонта и роли, приписывавшейся шишковидной железѣ.

Но и есть и другое, главное основаніе, оправдывающее возведеніе морали на степень специальной науки. Это основаніе—то, что природа человѣческая, дѣйствительно, недѣлима и должна быть изучаема, какъ таковая.

Тѣло, духъ и сердце или, въ другой формѣ, дѣятельность, разумъ и чувство, эти три силы, эти три элемента человѣческой природы нераздѣльны между собой и зависятъ одинъ отъ другого; они слились въ немъ въ гармоничное цѣлое, всѣ части котораго солидарны; ни одного изъ нихъ нельзя ни изслѣдовать, ни понять, не подвергая въ то же время изученію двухъ остальныхъ: слѣдовательно, человѣку должна быть посвящена специальная наука. Эта великая истина до сихъ поръ совершенно не признавалась, и заблужденіе это было, несомнѣнно, одной изъ наиболѣе серьезныхъ причинъ той умственной анархіи, среди которой мы живемъ. Дѣйствительно, врачъ занимается тѣломъ, философъ—разумомъ, священникъ—душою, и каждое изъ этихъ вліяній стремится всецѣло овладѣть моралью. Для всякаго очевидно, что эти пререканія, это разногласіе, эта борьба въ столь серьезномъ вопросѣ должна повлечь за со-

бою безпорядокъ и безсиліе. Такимъ образомъ, во что бы то ни стало нужно создать науку о человѣческомъ единствѣ, подготовленную трудами Жоржа Леруа, Кабаниса, Галля и окончательно сочетающую положительное знаніе души, т. е. совокупности нашихъ способностей, съ такимъ же знаніемъ тѣла.

Существуетъ названіе, повидимому, какъ разъ подходящее для этой новой науки, а именно, антропология. Почему въ такомъ случаѣ не замѣнить имъ названія морали? Контъ попробовалъ сдѣлать это; но онъ замѣтилъ, что слово это уже получило специальный смыслъ и утерало свое общее значеніе.

Примѣненіе его, слѣдовательно, подкрѣпило бы дробленіе изученія человѣка и происходящую отсюда путаницу; поэтому онъ полагалъ, что лучше сохранить названіе морали, освященное традиціей и напоминающее столь удачно о благородномъ назначеніи этой науки, призванной обезпечить руководство человѣческимъ поведеніемъ.

Но тутъ возникаетъ возраженіе противъ употребленія слова «наука», которое обыкновенно примѣняется къ отвлеченнымъ понятіямъ общаго порядка. Въ виду того, что назначеніе морали состоитъ въ управленіи, въ руководствѣ, не является ли она скорѣй искусствомъ, чѣмъ наукой? Да, конечно, существуетъ моральное искусство, въ чемъ, какъ мы уже сказали, въ теченіе многихъ вѣковъ, и состояла вся мораль. Искусство это есть то видоизмѣняющее воздѣйствіе, которое человѣкъ оказываетъ на свою собственную природу, либо непосредственно, либо чрезъ посредство живущихъ или исчезнувшихъ общественныхъ соединеній. Но искусство это, высшее изъ всѣхъ искусствъ, опирается на совокупность отвлеченныхъ понятій о вещественности и жизненности; болѣе непосредственно оно опирается на біосоціальныя теоріи, которыя оно комбинируетъ для того, чтобы извлечь оттуда необходимые выводы; наконецъ, еще прямѣе оно вытекаетъ изъ теоріи, субъективно построенной Контъ, и изъ совокупности законовъ, свойственныхъ человѣческой природѣ; эта обширная отвлеченная область и есть моральная наука.

Такова сложность разсмотрѣнныхъ нами явленій; такова также синтетическая способность этой науки, объединяющей всѣ другія, такъ какъ въ морали законъ и его слѣдствіе—дѣйствіе находятся между собой въ прямомъ и, такъ сказать, непосредственномъ отношеніи. Бываетъ, что искусство и наука неразрывно сплетаются между собою, именно въ виду перевѣса практической точки зрѣнія; но отвлеченная область и область конкретная остаются въ дѣйствительности различными между собой и всегда могутъ быть разграничены при помощи вѣрнаго анализа.

V.

Придя къ этому пункту нашего изложенія и опредѣливъ существенныя условія морали, мы полагаемъ, что пора уже опредѣлить точнымъ образомъ ее самое. Не входя ни въ какія дальнѣйшія обсужденія этого предмета, я просто приведу слѣдующее опредѣленіе, ясно резюмирующее, какъ мнѣ кажется, позитивное понятіе морали:

Мораль это—наука о человѣческомъ единствѣ; цѣль ея въ «человѣческомъ совершенствованіи».

Сочетая, для достиженія этой цѣли, присущіе ей законы съ законами низшихъ наукъ, она старается посредствомъ соответствующаго искусства поставить, удержать или возратить человѣка, какъ изолированнаго, такъ и объединеннаго въ общество, въ такія условія, которыя

лучше всего способны обеспечить торжество общественности над индивидуализмомъ, альтруизма надъ эгоизмомъ.

VI.

Теперь мнѣ достаточно будетъ нѣсколько словъ, чтобы дополнить эти общіе взгляды на мораль съ точки зрѣнія позитивизма.

Какъ будетъ достигнута эта великая цѣль, человѣческое совершенство? Кто будетъ разрабатывать и преподавать мораль? Какова будетъ ея санкція, если только эта санкція необходима?

И прежде всего, какъ будетъ создаваться она? Мы показали, что созданная бессознательными многовѣковыми, упорными социальными усилиями, она существуетъ силою вещей, но находится еще въ состояніи безформенной массы съ довольно слабой силой внутренняго сдѣпленія. Самая настойчивая необходимость ощущается въ систематизированіи всей совокупности, въ отдѣленіи конкретной части отъ отвлеченныхъ данныхъ. Уже позитивизмъ положилъ начало этому великому предпріятію, необходимость котораго сознается повсюду, и мыслители всѣхъ странъ и народовъ стараются болѣе или менѣе добросовѣстно осуществить его. Тѣма, которою окутала этотъ предметъ метафизика—философская или религиозная—начинаетъ разсѣиваться. Относительныя понятія проникаютъ въ область морали. Совѣсть, сущность, такъ долго казавшаяся абсолютнымъ, непогрѣшимымъ судьею добра и зла, открывается передъ нами въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, какъ сложный результатъ мозговой дѣятельности, видоизменяемой прогрессомъ цивилизаціи. Измѣняясь согласно законамъ, управляющимъ эволюціей человѣчества, она является, конечно, вдохновительницей нашего поведенія въ данный моментъ, но подъ условіемъ, что она уже сформирована. Далекое не являясь великою воспитательницей, какъ ее называли, она сама представляетъ сложный результатъ разнообразныхъ влияній, и главная задача воспитанія именно въ томъ и состоитъ, чтобы, образуя и развивая ее, создать состояніе моральнаго равновѣсія у индивидовъ и въ общественныхъ группировкахъ. Кто станетъ настаивать, вопреки очевидности, будто это равновѣсіе, выраженіемъ котораго служить совѣсть, абсолютно устойчиво, изъято изъ-подъ влияній среды, въ пространствахъ и времени?

Воспитаніе—это цѣлая система идей и привычекъ, необходимыхъ для подготовленія индивидовъ къ жизни въ той средѣ, къ которой они принадлежатъ. Начинаясь въ семьѣ, передающей ребенку всю совокупность принятыхъ предразсудковъ, оно заканчивается теоретическимъ обученіемъ, органомъ котораго можетъ быть только умственная или духовная власть, хранительница науки, обязанная преподавать ее; подъ ея руководствомъ совершается отдѣленіе добрыхъ предразсудковъ отъ злыхъ и санкціонированіе первыхъ серьезными доказательствами, столь же возможными въ морали, какъ и во всякой другой наукѣ. Весь результатъ воспитанія состоитъ въ созданіи въ насъ этой *второй природы*, образованіе которой здравый смыслъ приписываетъ исключительно влиянію привычки; наша идея та же, такъ какъ мы, позитивисты, предразсудокъ должны понимать въ смыслѣ привычки, доступной доказательству.

Но существуютъ предразсудки, которыхъ нельзя доказать и которые, въ силу этого, должны исчезнуть; такъ на примѣръ, нѣтъ предразсудка, болѣе упорнаго, чѣмъ идея санкціи, неотдѣлимой отъ идеи нравственности. Въ морали, какъ и во всякой другой наукѣ, нѣтъ другой санкціи, кромѣ послѣдствій сознательной или бессознательной ошибки, поступка, противорѣчащаго закону, управляющему порядкомъ явленій. Это—вопросъ

17
л-43

объ отвѣтственности, навлекаемой на себя авторомъ поступка, поскольку это дѣло касается его судьбы. Все же остальное всегда было только утѣшительной, полезной, быть-можетъ, когда всякое доказательство было невозможно, по потерявшей всякое значеніе, когда взяли перевѣсъ позитивныя понятія. Впрочемъ, на практикѣ санкція въ загробной жизни всегда представляла лишь переменный гипотетическій показатель при постоянномъ количествѣ, представленномъ человѣческой, позитивной отвѣтственностью. По уничтоженіи показателя, эта послѣдняя остается полной и достаточной.

Я заканчиваю на этомъ свое изложеніе, безусловно недостаточное для выраженія моральныхъ воззрѣній позитивизма. Если взгляды мои противорѣчили идеямъ многихъ изъ моихъ читателей, то не оскорбилъ я, надѣюсь, никого; я надѣюсь даже, что мнѣ удалось возбудить нѣкоторую симпатію къ искреннимъ убѣжденіямъ, къ возвышенному ученію, общественаго значенія котораго нельзя не признавать. Царство наше отъ міра сего: кто сильнѣе насъ заинтересованъ въ томъ, чтобы въ немъ царилъ порядокъ, необходимымъ основаніемъ котораго является мораль?

Стюартъ Милль упрекаетъ какъ-то Огюста Конта въ томъ, что его слишкомъ преслѣдуетъ идея долга и что онъ словно опьяненъ моралью. Что же, пусть! Мы гордимся этимъ упрекомъ, сдѣланнымъ нашему учителю; это опьяненіе намъ сладостно; мы попрежнему будемъ пить изъ этого великаго источника, питающаго все человѣчество. Убѣжденные въ томъ, что счастье и долгъ совпадаютъ, мы постараемся все больше и больше развивать въ себѣ альтруизмъ, жить для другихъ, какъ и для насъ самихъ, никогда не упуская изъ виду великой социальной цѣли, къ которой должны сходитьсѣ всѣ усилія человѣка, цѣли, которую нашъ учитель такъ точно опредѣлялъ въ извѣстномъ афоризмѣ:

Дѣйствовать по влеченію и мыслить, чтобы дѣйствовать.

II.

Классификація моральныхъ идей настоящаго времени

(А. Дарлю, профессоръ Высшей Нормальной Школы въ Севрѣ).

Я отвѣтилъ на приглашеніе Свободнаго Института социальныхъ наукъ не безъ нѣкотораго колебанія. Съ одной стороны я, принадлежу къ числу тѣхъ, которые считаютъ одной изъ наиболѣе настоятельныхъ потребностей настоящаго времени публичное преподаваніе морали, по мѣрѣ возможности серьезное и систематическое. И признаюсь, что я выступаю здѣсь для того, чтобы не оказаться въ противорѣчій съ самимъ собою. Но я не вижу еще вполне ясно, какъ сорганизуется оно въ этомъ Институтѣ. Тѣ, кто лучше, чѣмъ кто-либо другой, могли бы вести его, смогутъ посвятить ему лишь краткія минуты, которыя имъ удастся урвать отъ исполненія своихъ профессиональныхъ обязанностей. Имъ придется обращаться скорѣе къ любопытству публики, правда, просвѣщенной и доброжелательной, но разрозненной и неустойчивой, чѣмъ къ любознательности жадно слушающихъ лекціи студентовъ. Наконецъ, они принесутъ въ эту самую аудиторию и изложатъ передъ вами взгляды на жизнь весьма различные и изложенные различнымъ языкомъ. Между тѣмъ, умственный кризисъ нашей эпохи происходитъ не столько отъ недостатка, сколько отъ избытка

3199 м.в. 7.1889

идей, со всѣхъ сторонъ осаждающихъ нашъ умъ, не знающій средствъ для ихъ примиренія. Де-Вогюэ говоритъ въ одномъ мѣстѣ о воплѣ духовнаго голода, который слышится въ настоящій моментъ. Возможно, что нѣкоторые умы страдаютъ отъ голода, но рядомъ съ обильными богатствами, которыми они не могутъ воспользоваться. Настоящая, столь усложнившаяся цивилизація выдвигаетъ больше тенденцій и мотивовъ и притомъ болѣе противорѣчивыхъ, чѣмъ въ прежнее время. Демократическая, промышленная, національная—она, то зажигая, то охлаждая, непрерывно возбуждаетъ чувство свободы, потребность въ равенствѣ, классовую и расовую борьбу, духъ наживы и денежную лихорадку, мечту о возвращеніи къ природѣ и болѣе простой жизни, духъ индивидуализма и духъ отреченія; она порождаетъ болѣе или менѣе законченныя ученія, въ которыхъ эти стремленія ищутъ своего выраженія, — мораль конкуренціи, мораль войны, мораль социализма, анархизма, эгоизма, пессимизма и т. п. Въ то же время исторія воскрешаетъ идеи минувшихъ вѣковъ, молчаливо продолжавшія свое существованіе, но которыя, представившись нашему взору, пріобрѣтаютъ новую притягательную силу и снова оживаютъ, хотя оживленіе это, конечно, отчасти искусственное. Буддизмъ находится въ запоздаломъ расцвѣтѣ на нашемъ западѣ, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ или на берегахъ Сены. Развѣ Анатоль Франсъ не рассказывалъ намъ недавно, какъ въ omnibusъ, отправляющемся отъ Одеона, онъ встрѣтилъ кондуктора, исповѣдующаго буддизмъ? У насъ имѣются также эпикурейцы и стоики. Первые, чтобы нѣсколько замаскировать себя, приняли имя позитивистовъ. Но они, какъ и древній аѳинскій мудрецъ, исповѣдуютъ культъ естественнаго начала, требуя успокаивающей душу покорности его голосу и освобожденія отъ этого тяжелаго, вѣчно грозящаго намъ съ неба теологическаго суетврія.

Horribili super aspectu mortalibus instans. Съ грознымъ видомъ встающаго передъ людьми.

Наши стоики и неокантіанцы совершенно не вѣрятъ въ счастье: они ищутъ убѣжища въ особомъ гордомъ аскетизмѣ; они повторяютъ античное выраженіе: *et coelum et virtus* (и небо и добродѣтель); они говорятъ, подобно Ренану: «Достоверенъ одинъ лишь долгъ». Иные даже буквально придерживаются стараго ученія. Такъ, Тэнъ, въ концѣ своего очерка о Маркѣ Авреліи и его философіи, пишетъ такія слова: «Мы многому научились въ теченіе протекшихъ шестнадцати столѣтій, но мы не открыли въ морали ничего, что достигало бы высоты и истины этого ученія. Наша позитивная наука лучше проникла въ подробности законовъ, управляющихъ міромъ; но, не считая различій въ языкѣ, она пришла именно къ этому общему воззрѣнію». Наконецъ, каковъ бы ни былъ нашъ образъ мыслей, мы всё живемъ въ христіанской атмосферѣ. Христіанство остается краеугольнымъ камнемъ современной совѣсти, обнимающей наши индивидуальныя совѣсти. И тѣмъ не менѣе, умъ нашъ заполняютъ понятія, вырабатываемыя естественными науками въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій и, надо признаться, не легко примиряющіяся ни съ традиционными вѣрованіями, ни даже съ нашими душевными потребностями.

Испытывая столько противоположныхъ вліяній съ того самаго момента, когда они начинаютъ разсуждать, молодые умы могутъ прійти въ смущеніе. Чѣмъ можемъ мы помочь имъ? Намъ просятъ *познакомить* васъ со всѣми принципами, изъ которыхъ *каждый* долженъ служить руководствомъ для всей жизни, и показать вамъ эту своеобразную галерею формъ человѣческаго существованія. Но, желая вывести васъ изъ вашего затруднительнаго положенія, не рискуемъ ли мы еще болѣе ухудшить его? Есть ли такой

общій принципъ, такая точка совпаденія, въ которой могли бы встрѣтиться наши мысли? Я попробую отмѣтить ее тамъ, гдѣ я ее вижу. Но пока я скажу еще кое-что отъ себя. Вѣдь, а не кому-либо одному, принадлежитъ право возводить ту или иную идею на степень общей истины. По крайней мѣрѣ, неоспоримо, что продолжительное размышленіе, приводя идеи къ ихъ принципамъ, всегда упрощаетъ ихъ въ извѣстной степени и уменьшаетъ ихъ разногласіе. Затѣмъ, классифицируя, координируя ихъ, оно лучше обнаруживаетъ ихъ значеніе, ихъ относительную истинность. Вотъ почему, исходя изъ моихъ собственныхъ и изъ вашихъ интересовъ, я счелъ цѣлесообразнымъ представить вамъ обзоръ нѣкоторыхъ моральныхъ идей настоящаго времени, по крайней мѣрѣ, новѣйшихъ изъ нихъ, и начертить отчасти карту той страны, по которой вы должны будете путешествовать: дѣло нелегкое и потребовавшее бы много времени для своего законченнаго выполненія. Я же выполняю его далеко не совершенно. Но въ жизни, хотя бы дѣло шло лишь о краткой лекціи, нужно мириться съ несовершенствомъ.

Я говорилъ о чисто научныхъ понятіяхъ. Важнѣйшее изъ нихъ образовалось въ XIX вѣкѣ, какъ общій выводъ изъ человѣческой и естественной исторіи; это—понятіе эволюціи. Трудно охватить все его значеніе. Можно сказать, что оно измѣнило самый центръ нашихъ возрѣній на міръ и на человѣка. Оно поколебало принципы, на которыхъ мы установили нашу жизнь. Идеальнѣйшее, правила поведенія, религіозныя догмы—все это новое возрѣніе предстало передъ нами въ видѣ историческихъ результатовъ, измѣнчивыхъ мнѣній, въ состояніи постоянного превращенія. Примѣненное къ самой душѣ, къ совѣсти, оно заставило насъ подняться къ эпохѣ возникновенія обществъ, чтобы присутствовать при зарожденіи совѣсти и прослѣдить образованіе моральныхъ идей. Идеи эти вытекаютъ изъ опыта, накопленнаго человѣческимъ родомъ, и питаютъ бессознательную жизнь каждаго индивида. Самая идея долга представляетъ собою дѣйное наслѣдство, завѣщанное исчезнувшими поколѣніями нынѣшнему человѣчеству. Она предшествуетъ мышленію и не допускаетъ доказательства, какъ думалъ Кантъ. Но она ужъ болѣе негласъ Божій; она лишь голосъ мертвыхъ, выраженіе той власти мертвыхъ надъ живыми, о которой говоритъ Огіюстъ Контъ. Я вспоминаю, какъ Шереръ въ краснорѣчивой статьѣ о моральномъ кризисѣ, изслѣдуя это новое представленіе совѣсти, спрашивалъ съ грустью, что сказали бы Кантъ, если бы показать ему все длинное полное слезъ, крови и человѣческихъ ошибокъ прошлое этой идеи, котсрую онъ считалъ сошедшей съ неба абсолютно чистой. И это заставляетъ содрогаться отъ ужаса самого Шерера.

А между тѣмъ теперь это понятіе стало общепринятымъ; очень часто въ журналахъ и газетахъ можно встрѣтить фразы въ родѣ слѣдующей: «Совѣсть предшествовала вертикальному положенію человѣческаго тѣла». И безпрестанно, съ свойственной идеямъ логичностью,—порождаетъ оно многочисленныя слѣдствія. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Нравственность имѣетъ общественное происхожденіе. Добро и зло, главнымъ образомъ, состоятъ въ соответствіи нашихъ поступковъ съ общественной пользой, съ условіями общественной жизни. То, что является однимъ изъ условій жизни въ обществѣ, какъ уваженіе жизни согражданъ, выполненіе обязательствъ, повиновеніе начальникамъ, требуется общественной властью, рекомендуется общественнымъ мнѣніемъ, представляется достойнымъ, *honestum*, чувствуется обязательнымъ. А то, что наноситъ вредъ обществу,—дурно, наказуемо, позорно. И такъ, мораль, разсматриваемая, какъ одна изъ отраслей социальныхъ наукъ, потеряла, такимъ образомъ, свое религіозное происхожденіе и божественный ореолъ,—таково первое слѣдствіе

принципа эволюціи, проявляющееся на практикѣ, можно сказать, на вашихъ глазахъ, когда вы приходите слушать насъ въ этомъ Институтѣ. Съ этимъ понятіемъ можно связать имена Огюста Конта и Спенсера, являющихся его различными, почти одинаково важными представителями—одинъ преимущественно въ латинскомъ мірѣ, другой—въ англосаксонскомъ.

Съ другой стороны, принципъ этотъ необходимо заставляетъ насъ, повидимому, разсматривать человѣка въ природѣ, отвести ему мѣсто въ іерархіи животнаго міра, изучать законы человѣческаго общества въ элементарныхъ формахъ животныхъ обществъ, словомъ основать мораль на биологіи,—что и случилось. Такъ образовались моральные идеи, если не совершенно новыя, то имѣющія, по крайней мѣрѣ, характеръ новизны и выступавшія съ внушительной авторитетностью: это—научныя истины; онѣ обладаютъ въ нѣкоторомъ родѣ матеріальной очевидностью; сама природа преподаетъ ихъ намъ. Я отмѣчу изъ нихъ двѣ главнѣйшія. Первая это—идея борьбы за существованіе, или, если угодно, идея отбора, который является результатомъ этой борьбы. Она не нашла догматическаго мыслителя для своей систематизаціи, потому что, взятая сама по себѣ, отдѣльно отъ другихъ, она поистинѣ слишкомъ жестока, но она проникла въ наши разсужденія, внушаетъ многія изъ нашихъ моральныхъ сужденій, главнымъ образомъ она господствуетъ въ экономической области (мораль конкуренціи) и въ области международныхъ отношеній, гдѣ она такъ легко поддается историческому объясненію. Еще недавно я встрѣтилъ ее на первомъ планѣ въ книгѣ, полной кровавыхъ предсказаній *); она наводитъ автора на мысли въ родѣ слѣдующей: «Милосердіе—чувство анти-соціальное и вредное. Милосердіе, жалость, альтруизмъ—все это пережитки прошлаго, умирающіе на нашихъ глазахъ. Будущему они будутъ неизвѣстны».

Другая идея, исходящая изъ того же источника, что и первая, но противоположная ей или, по крайней мѣрѣ, дополняющая ее, это—идея солидарности. Солидарность представляетъ собою фактъ какъ биологическій, такъ въ тоже время и социальный. Члены организма такъ же солидарны какъ и члены племени или города. Такимъ образомъ, естественная наука даетъ намъ знаніе главнѣйшихъ нашихъ обязанностей и превращаетъ старую басню Мененія Агриппы въ этический трактатъ. Въ сплоченной и солидарной социальной средѣ каждый нашъ поступокъ, даже воздержаніе, каждое наше слово, даже молчаніе, производятъ неизгладимое измѣненіе въ жизни другихъ. Каждый живетъ трудами всѣхъ и для всѣхъ. Солидарность эта имѣетъ различныя степени; она бываетъ болѣе или менѣе тѣсной и сложной. Она соединяетъ дѣтей и родителей въ семьѣ, соучастниковъ въ торговомъ предпріятіи, членовъ синдиката въ корпорациі, рабочихъ и хозяевъ въ промышленномъ заведеніи, гражданъ въ отечествѣ: солидарность семейная, экономическая, рабочая, національная, словомъ, благодаря своей растяжимости, идея эта примѣнима ко всей сложности социальной жизни и ко всѣмъ многообразнымъ видамъ общественнаго долга. Приспособляясь къ новому міропониманію, она преобразуетъ идею братства и организуетъ ее. Она примирима съ идеей борьбы за существованіе. Рабочая солидарность борется противъ класса капиталистовъ, національная солидарность—съ иностранными предпріятіями.

Какую цѣнность имѣютъ эти двѣ великія идеи, или, вѣрнѣе, какое моральное значеніе, потому что дѣло идетъ не объ ихъ критической оцѣнкѣ, а о томъ, чтобы охарактеризовать ихъ, классифицировать. Обѣ

*) „Психологія социализма“ Г. Лебона.

онѣ выражаютъ факты, естественные законы, наиболѣе общіе законы той соціальной среды, въ которой должна проявляться наша моральная дѣятельность. Слѣдовательно, онѣ ограничиваютъ, а не регулируютъ. Борьба и сотрудничество (кооперация) представляютъ собою факты, съ которыми наша воля должна считаться, какую бы цѣль она ни преслѣдовала, каковы бы ни были ея побужденія. Напримѣръ, предприниматель, выдающій въ своемъ предпріятіи лишь средство для наживы, долженъ принимать въ расчетъ вліяніе солидарности капитала и труда, точно такъ же, какъ и тотъ, который предполагаетъ улучшить положеніе своихъ рабочихъ. Равнымъ образомъ, просвѣщенный филантропъ долженъ относиться въ своихъ благотворительныхъ дѣлахъ къ борьбѣ за существованіе и слѣдствіямъ отбора почти съ такимъ же вниманіемъ, какъ и самый послѣдовательный *struggleforlifer* (приверженецъ борьбы за существованіе). Только совѣсть наша, помотивамъ, принципы которыхъ лежатъ внѣ настоящаго состоянія общества, подсказываетъ намъ, что мы должны измѣнить это соціальное состояніе, что съ одной стороны, мы должны ослабить дѣйствіе борьбы, смягчить ея формы, и что съ другой стороны мы должны укрѣпить въ нашемъ сердцѣ связи естественной солидарности. Короче говоря, идеи борьбы и солидарности суть идеи *натуралистическія*, т. е. идеи, образованныя съ той точки зрѣнія, которая разсматриваетъ человѣка извнѣ, какъ предметъ природы, подчиненный законамъ той среды, въ которой онъ встрѣчается, среды физической и соціальной. Здѣсь мы имѣемъ *внѣшнюю* точку зрѣнія, принципъ знанія и объясненія вещей. Но когда дѣло идетъ о томъ, чтобы знать, что мы *должны* дѣлать той стороною нашей дѣятельности, которую законы окружающей среды оставляютъ безъ опредѣленія, то имѣется другая точка зрѣнія, на которой можетъ остановиться наша мысль.

То же самое относится и къ принципу эволюціи, съ которымъ связаны эти идеи. Принципъ этотъ самъ также лишь относительный; и когда сильное смѣтеніе, произведенное въ человѣческихъ умахъ его внезапнымъ появленіемъ во всей своей общности, прекратится, то размышленіе, я думаю, покажетъ намъ, что въ жизни своей мы примирились съ тѣмъ принципомъ, который сначала, казалось, разрушили.

Онъ основывается на исторической точкѣ зрѣнія, предлагая намъ разсматривать происхожденіе и развитіе каждаго вида существованія; онъ не даетъ намъ никакихъ свѣдѣній о сущности ихъ природы; онъ не исключаетъ, слѣдовательно, умозрительной точки зрѣнія. Я склоненъ думать, что вопосъ Шерера не заставилъ бы Канта содрогнуться ужъ такъ сильно. Онъ отвѣтилъ бы ему, пожалуй, что-нибудь въ родѣ слѣдующаго; «Я отлично знаю, что человѣческая совѣсть представляетъ естественное явленіе, имѣющее естественныя условія существованія. Она не всегда существовала на землѣ; она родилась на ней. Но это не мѣшаетъ тому, чтобы въ ней заключалась идея, выходящая за предѣлы фактовъ и законовъ, среди которыхъ она появилась, выходящая за предѣлы всей исторіи и являющаяся прообразомъ того, что должно быть въ будущемъ». Пользуясь выраженіемъ Вольтера, можно сказать, что, поучая людей, что предки ихъ нѣбогда ходили на четверенкахъ, нельзя отвратить ихъ взоровъ отъ неба и запретить имъ искать тамъ скрытыхъ силъ. Словомъ, исторія—не наука.

А вотъ и другія идеи натуралистическаго характера. Я упоминалъ о томъ, что моральная проблема—это проблема будущей дѣятельности; она возникаетъ въ тотъ моментъ, когда личность освобождается отъ неизбѣжности подчиняться въ своихъ поступкахъ внѣшнимъ вліяніямъ, фатальностямъ борьбы и солидарности. Можно сказать, что въ этотъ моментъ

ею повелѣваетъ ея внутренній инстинктъ, что она увлекается своей силою, которая бьетъ ключомъ въ ней и ищетъ выхода. Взглядъ этотъ, безъ сомнѣнія, старъ, какъ міръ, но недавно въ него были влиты новыя, живыя силы; и хотя я долженъ отказаться отъ подробнаго освѣщенія мотивовъ этого обстоятельства, но я могу сказать, что и они обусловливаются распространениемъ эволюціонистскихъ идей. Покойный Гюйо великолѣпно развилъ этотъ взглядъ въ своей блестящей книгѣ, имѣвшей несомнѣнное, огромное вліяніе, гораздо больше, чѣмъ полагаютъ. Долгъ, по его мнѣнію, это—лишь сознаніе нашей внутренней мощи; это—избытокъ жизни, требующій для себя выхода. И идеальнымъ признакомъ самой жизни онъ считаетъ «какъ можно болѣе интенсивную (напряженную) и экстенсивную (широкую) жизнь въ физическомъ и умственномъ отношеніи». Мысль эта, конечно, не отличается опредѣленностью; но я думаю, что ее можно внести въ классификацію, какъ опредѣленіе принципа анархистской морали. Самъ Гюйо не обманывался на этотъ счетъ. «Мораль, пишетъ онъ, во многихъ и многихъ отношеніяхъ не только *автономна* (автономна, управляетъ сама собою), но и *анонима* (безначальна)». «Какъ бича, говоритъ онъ далѣе, пужно избѣгать руководства мыслью, совѣстью. Нужно относиться съ отвращеніемъ ко всякимъ миссіонерамъ и проповѣдникамъ». Онъ желаетъ, чтобы «вѣра была вполне индивидуальна», чтобы «ересь стала единственной и всеобщей религіей». И теоретики анархизма также не обманулись. Они признали Гюйо своимъ учителемъ *).

Какъ и онъ, они берутъ за принципъ «цѣльную, неискаженную жизнь». Какъ и онъ, они отвергаютъ всякую обязанность и всякую санкцію (утвержденіе). Они повторяютъ: «Мораль будущаго не будетъ предписывать ничего. Она скажетъ каждому: Ты свободенъ. Если силы твои среднія, довольствуйся равенствомъ. Если ты чувствуешь себя сильнымъ, сдѣй жизнь вокругъ себя, распространяя свои идеи на всѣ четыре стороны, помогай другимъ подыматься, и т. п. Но не нужно больше законовъ. Ни законовъ, ни авторитета, ни религіи».

Однако, инстинктъ можетъ дѣйствовать въ различныхъ направленіяхъ. Великодушный Гюйо возвышалъ инстинктъ на степень любви, въ расчетъ на то, что онъ называлъ «растущимъ разливомъ чувствительности». Другіе разовьютъ этотъ инстинктъ до ненависти противъ общества, которое они называютъ тиранническимъ за то, что оно мѣшаетъ проявленію ихъ чувства, и лицемѣрнымъ за то, что оно стремится регулировать ихъ чувства. Итакъ, въ чемъ же найдетъ свое мѣрило наиболѣе интенсивная и наиболѣе экстенсивная жизнь? Будетъ ли это жизнь честнаго филантропа или жизнь шиллеровскаго разбойника, или, выражаясь лучше, будетъ ли это жизнь Винченца Павла или Наполеона?

Какъ разъ въ то же время принципъ этотъ положенъ былъ за исходный пунктъ нѣмецкимъ мыслителемъ, болѣе смѣлымъ, чѣмъ Гюйо. «Стремленіе къ жизни, къ расширенію своей жизни, говорилъ онъ, вотъ основной законъ существованія. Нужно говорить «да» жизни, всему тому, что дѣлаетъ жизнь роскошной, тропической». Это и есть интенсивная и экстенсивная жизнь Гюйо. Но онъ прибавляетъ: «Нужно говорить «да» заблужденію, если оно намъ полезно, «да»—войнѣ, «да»—злу, если они намъ нужны». И онъ отвергалъ всю христіанскую мораль, которую сохранило доброе сердце Гюйо. Онъ называлъ ее *моралью рабовъ*, моралью, исподтишка сфабрикованною слабыми, бѣдными, больными, несчастными, которые убѣждены, что они любезны Богу именно своею отверженностью.

*) «La morale anarchiste», par Pierre Kropotkine.

И онъ провозглашалъ мораль господъ, мораль сильныхъ. Сверхчеловѣкъ придетъ скоро; онъ будетъ любить опасность, въ которой онъ найдетъ, согласно принципу Гюйо, «эквивалентъ долга». Но онъ не дастъ «растущему разливу чувствительности» захватить себя. Побѣдивъ великаго дракона закона, со словами «ты долженъ» на чешуѣ, онъ задушитъ въ себѣ всякую жалость и разовьетъ въ себѣ жестокость. «Вотъ новый законъ провозглашаю я для васъ, братья мои, станьте жестокими!» Само собой понятно, что сверхчеловѣкъ будетъ жизнерадостенъ. «Выше люди, учитесь смѣяться». Онъ будетъ смѣяться въ особенности въ битвахъ, ибо мы вступаемъ въ классическій вѣкъ войны, и т. п. Перспектива открыта достаточно. Замѣтимъ, что вводящій въ нее принципъ—для Ницше тотъ же, что и для Гюйо. Только Ницше, по моему, гораздо глубже, чѣмъ Гюйо замятилъ существенное, можно сказать, метафизическое условіе анархическаго принципа. Нѣтъ ни истины, ни добра въ себѣ. Онъ воздвигъ свое пламенное ученіе на умственномъ и моральномъ нигилизмѣ. Исторію человѣческаго заблужденія онъ резюмируетъ въ отрывкѣ, озаглавленномъ имъ: «Какъ истинный міръ становится наконецъ басней»; чтобы отдохнуть отъ нашихъ отвлеченныхъ разсужденій, я приведу этотъ отрывокъ почти цѣликомъ по книжкѣ Лихтенберже, изъ которой я заимствую всѣ цитаты и въ которой французскій умъ, какъ мнѣ кажется, удачно освѣтилъ идеи нѣмецкаго мыслителя.

1. Истинный міръ доступенъ Мудрому, Благочестивому, Добродѣтельному; онъ живетъ въ немъ, онъ *есть* этотъ міръ. (Древнѣйшая форма этой идеи—сравнительно остроумная, простая, убѣдительная. Парафразъ этой аксіомы: Я, Платонъ, емъ истину).

2. Истинный міръ недоступенъ въ настоящемъ, но обѣщанъ Мудрому, Благочестивому, Добродѣтельному, «раскаившемуся грѣшнику».

(Прогрессъ идеи: она дѣлается болѣе утонченной, замысловатой и понятной,—она становится женщиной, она становится христіанкой).

3. Истинный міръ недоступенъ, недоказуемъ, проблематиченъ, но, воспринятый лишь мыслью, представляетъ утѣшеніе, обязанность, императивъ.

(Античное солнце попрежнему свѣтитъ на фонѣ картины, но видимо съвозъ туманъ критицизма: идея становится тонкой, блѣдной, сѣврной, «кенигсбержанкой»).*)

4. «Истинный міръ»—идея, ни къ чему не служащая, не создающая даже обязанности.—идея бесполезная и ставшая излишней: *следовательно*, идеей опровергнутой; уничтожимъ ее.

(День, Завтракъ; возвращеніе здраваго смысла; краска смущенія у Платона; шабашъ всѣхъ свободныхъ умовъ).

5. Мы уничтожили «истинный міръ»; какой міръ остается? міръ призраковъ?

Да нѣтъ же! вмѣстѣ съ истиннымъ міромъ мы уничтожили и міръ призраковъ.

(Полдень, моментъ короткой тѣни; конецъ самаго долгаго заблужденія; апогей челоѣчества; *Incipit Zarathustra* (Заратустра начинается)).

Ницше ошибается въ одномъ пунктѣ, когда онъ говоритъ о краскѣ смущенія у Платона. Платонъ былъ очень опытенъ въ душевныхъ дѣлахъ. Я имѣлъ случай въ другомъ мѣстѣ показать, что онъ довольно хорошо зналъ душу нашихъ современныхъ цезаристовъ. Онъ зналъ также и душу и идеи Ницше. Онъ заставилъ его говорить въ одномъ изъ своихъ діалоговъ

* Проникнута духомъ философіи кенигсбергскаго философа Канта. Ред.

говѣ; и языкѣ, которымъ онъ надѣляетъ его, ни въ чемъ не уступаетъ языку самого Ницше, ни по силѣ, ни по проніи, ни по глубинѣ. Перечтите рѣчь Каллиела въ его діалогѣ «Gorgias» (Горгій).

Что касается до всѣхъ этихъ идей, то для оцѣнки ихъ нужно было бы подвергнуть изслѣдованію ту идею, которая является ихъ принципомъ, идею натуралистическую. Съ точки зрѣнія природы, человекъ—это лишь кусокъ живого мяса, не имѣющій существеннаго отличія отъ тысячи насѣкомыхъ, вмѣстѣ съ нимъ распространенныхъ по этой мчащейся въ пространствѣ землѣ, гдѣ зародилась жизнь. Немного выше, въ пространствѣ нѣтъ, вѣроятно, ничего, кромѣ смерти и мрака; немного дальше во времени, и жизнь погаснетъ и здѣсь, на землѣ. Вы помните, быть можетъ, эти скорбныя, красивыя грезы Гюйо, въ которыхъ ему чудится, какъ океанъ подымается вокругъ него, заливая и уносить все:

«Чудится мнѣ, что я самъ не больше какъ одна изъ волнъ его, одна изъ капель воды въ его волнахъ; что земля исчезла, что человекъ исчезъ и что остается лишь одна природа со своими безконечными волненіями, своими приливами и отливами, вѣчными измѣненіями своей поверхности, скрывающими ея глубокое и монотонное однообразіе».

Въ натуралистической идеѣ кроется принципъ скептицизма, и мыслитель, рано ли или поздно открываетъ его въ ней то съ гордымъ презрѣніемъ, то со вздохами отчаянія, смотря по своему темпераменту. Но для того, чтобы попытаться понять міръ и самихъ себя, мы можемъ встать на другую точку зрѣнія. Человекъ—не только тѣло, одушевленное инстинктомъ чувственнаго проявленія. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и духъ, постигающій идею истины и вводящій ее въ свое чувственное воспріятіе явленій. А это именно и есть точка зрѣнія совѣсти. Это—главный мотивъ въ пользу того, что мораль не инстинтъ, а разумъ, не проявленіе чувства, а дисциплина. Въ словѣ свобода, восхищающее анархизмъ, кроется нѣкоторое довольно грубое противорѣчіе. Быть свободными въ одномъ смыслѣ, это значитъ имѣть возможность дѣлать все, что угодно; это свобода инстинкта. Быть свободными въ другомъ смыслѣ, это значитъ имѣть достаточно внутренней силы, чтобы желать дѣлать то, что должно желать: это—свобода духа, которую съ полнымъ правомъ можно назвать повиновеніемъ, это—повиновеніе совѣсти. *Summa Deo servitus, summa libertas.* (Высшее послушаніе Богу, высшая свобода). Такъ появляется идея долга, ускользнувшая отъ Гюйо, потому что онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія природы.

Встанемъ теперь на новую точку зрѣнія, которую можно назвать идеалистической или спиритуалистической, для того, чтобы разсмотрѣть нѣкоторыя моральныя идеи различныхъ побужденій. Въ каждомъ принципѣ имѣется нѣчто вроде живой силы, подъ влияніемъ которой онъ стремится отрицать противоположный принципъ. Спиритуалистическій принципъ стремится отрицать природу: по этому признаку можно отличить взаимную связь между спиритуалистическими идеями. Первая изъ нихъ это—мораль состраданія у Шопенгауэра. Представляетъ ли собою Шопенгауэръ одинъ изъ тѣхъ творческихъ умовъ, взгляды которыхъ составятъ предметъ обсужденія для будущихъ поколѣній? Я не могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ опредѣленно. Но нужно признать то могучее влияніе, которое онъ оказалъ на европейскую мысль за истекшіе полвѣка. Онъ подлил нѣсколько горечи въ тотъ напитокъ, который пьемъ мы все. Его настроеніе и его идеи мы находимъ въ разсказахъ романиста Захеръ-Мазоха, отъ котораго такъ много заимствовали французскіе писатели. Я не знаю, не обязанъ ли ему чѣмъ-нибудь нашъ Лоти, отъ лучшихъ произведеній ко-

тораго вѣдетъ смертью. Во всякомъ случаѣ, то же настроеніе замѣчается и у гениальнаго русскаго романиста Толстого. Шопенгауэръ настойчиво провозглашаетъ, что мораль это—отрицаніе дѣйствительности физическаго міра, ибо природа зла и скрыла корень зла въ «индивидуаци», въ любви къ себѣ. Чтобы разрушить зло, нужно отказаться отъ индивидуальной жизни, нужно слить свое сердце съ сердцами другихъ. Состраданіе предполагаетъ единство существа. Оно срываетъ покрывало Майи. Оно составляетъ великую тайну моральной жизни. «Тотъ, кто идетъ на смерть ради другихъ людей, свободенъ отъ заблужденія; онъ не ограничиваетъ уже свое бытіе предѣлами личности. И смерть для него не что иное, какъ миганіе глазъ, не прерывающее видѣнія».

Эта прекрасная мысль могла бы принадлежать Толстому. И для Толстого естественная жизнь, жизнь инстинкта—дурна. Человѣкъ не знаетъ, почему онъ живетъ такъ, а не иначе, почему онъ избираетъ ту, а не иную профессію и т. д. Онъ хочетъ наслаждаться; но по мѣрѣ того, какъ жизнь подвигается впередъ, онъ замѣчаетъ, что наслажденіе его горько, и когда онъ приходитъ къ концу, онъ чувствуетъ съ отчаяньемъ въ душѣ, что онъ ошибся, что онъ упустилъ свою жизнь. Для того, чтобы познать тайну жизни, достаточно, по его мнѣнію, смотрѣть на нее глазами умирающаго человѣка. Тогда разсѣется заблужденіе эгоизма, тогда все станетъ яснымъ и легкимъ. Если бы мы могли почувствовать поднимающую насъ волну всеобщей жизни, на мгновеніе оживляющее насъ дыханіе вѣчной жизни, если бы мы могли понять, что все наше существованіе это—любовь, животворящая любовь! Тогда измѣнилась бы душа наша, спала бы съ глазъ нашихъ повязка, мы увидѣли бы въ первомъ встрѣчномъ человѣкѣ половину насъ самихъ, мы подѣлились бы съ нимъ всѣмъ, что мы имѣемъ, не терзаясь мыслью о будущемъ; освободившись отъ вѣчно жалкихъ надеждъ и страховъ, мы обрѣли бы въ покоѣ настоящаго момента то счастье, къ которому мы стремимся всѣмъ существомъ своимъ, не зная, гдѣ оно. Поэтъ говоритъ намъ: «Безумецъ я, когда думаю, что я—не ты *)». Злой, даже угрожая намъ, остается все же частью насъ; это—больной членъ нашего тѣла. Гнѣваясь противъ него, мы ухудшаемъ его болѣзнь и свою собственную. Насиліе не исправляетъ насилія. Не будемъ сопротивляться злему. Кротость ослабитъ, обезоружитъ его руку.

Эта высшая любовь къ ближнему не ограничивается предѣлами отдѣльных обществъ или, скорѣе, развязываетъ ихъ слишкомъ тѣсныя связи. Въ бракѣ она страшится чувственнаго эгоизма, ожесточающаго сердца любящихъ, въ семьѣ она осуждаетъ расчетливую предусмотрительность, придающую ложную цѣну деньгамъ. Она открываетъ въ обществѣ цѣлый рядъ условностей, которыя скорѣе раздѣляютъ насъ, чѣмъ соединяютъ. Ей нечего узнать отъ науки, которая матеріалистична, вопль можетъ регулировать наши поступки, но ничего не говоритъ душѣ; ничего не можетъ дать ей и религія, которая, приспособившись къ цивилизаци, стала относить къ загробной жизни ту истину, которую Христосъ проповѣдывалъ для земной жизни. Въ дѣйствительности вся цивилизациа это—сплошной обманъ. Однажды Толстой увидѣлъ, какъ молодой гренадеръ прогонялъ нищаго, сидѣвшаго у воротъ казармы. Онъ подошелъ и спросилъ у него: «Развѣ ты не читаешь въ евангеліи, что бѣдные угодны Господу?» Молодой солдатъ, озадаченный, на мгновеніе задумался, затѣмъ лицо его прояснилось: «А—ты, спросилъ онъ,—не знаешь

*) Предисловіе къ «Contemplations».

развѣ военнаго устава?» Толстой прибавляетъ: «Это единственный, извѣстный мнѣ человекъ, который строго логически разрѣшилъ вѣчный вопросъ». Общественный регламентъ стоитъ въ противорѣчій съ закономъ жизни. Однажды понявъ это, можемъ ли мы колебаться?

Эти мечты о тысячелѣтнемъ царствѣ никогда не переставали посѣщать человѣческой умъ. Евангеліе Толстого ничѣмъ не отличается отъ евангелія «товарищей новой жизни», собранныхъ четверть вѣка тому назадъ въ Бостонѣ Томасомъ Лэкъ-Гаррисомъ. Однако, эти великія идеи состраданія, любви къ ближнему, прощенья никогда, кажется, не проникали такъ глубоко въ душу со времени Христа. Онѣ развили въ насъ почти болѣзненную чувствительность. Мы слышимъ ихъ въ словахъ законодателя, онѣ проникали даже на сцену. Жюль Лемэтръ, этотъ свѣтлый, латинскій умъ (чтобы не разгнѣвать его, скажемъ галльскій *) трактуетъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ, идею прощенья. Я привожу имя драматическаго писателя, чтобы имѣть случай указать на то, что учителя морали не философы, главнымъ образомъ, но такъ же часто и даже еще чаще—поэты, мыслители. Философъ предпочитаетъ заниматься тѣмъ, чѣмъ занимаюсь теперь я, т. е. классифицированіемъ идей, ихъ терминологіей. Идея, дающая импульсъ, выступающая мотивомъ поступка, не исходитъ прямо отъ него. Въ данный моментъ я охотно представляю себѣ двухъ великихъ учителей нравственной жизни, живущихъ на противоположныхъ концахъ Европы, двухъ восьмидесятилѣтнихъ старцевъ, съ длинной сѣдой бородой, съ убѣдительной рѣчью, какихъ любилъ Гомеръ и какъ представлялъ ихъ себѣ Огюсть Контъ: Толстого и Рескина **).

Рескинъ, какъ и Толстой, питаетъ отвращеніе къ существующей цивилизаціи, основанной на промышленности и деньгахъ. Какъ и Толстой, онъ убѣждаетъ насъ, что истинная жизнь состоитъ въ томъ, чтобы любоваться небомъ, вдыхать чистый воздухъ, пить прозрачную воду изъ ручья, собственноручно трудиться. И онъ хочетъ разрушить заводскія трубы, дымъ которыхъ застилаетъ отъ насъ небо, и фабрики, загрязняющія нашу воду. Однако, идеаль его не тотъ же. Англійское сознание, хотя бы и проникнутое мистицизмомъ, все же сильно отличается отъ славянскаго. Идеаль Рескина—въ чувствѣ восхищенія.

Мы рождены не для того, чтобы мыслить, но для того, чтобы любить, чтобы любить все прекрасное. Восхищеніе—это великая сила души. Оно радуетъ насъ величіемъ другихъ, красотой окружающаго. Оно приноситъ лучъ свѣта въ жизнь бѣдняка, весело прислуживающаго своему хозяину; оно освѣщаетъ хижину отраженіемъ солнца, играющаго въ стеклахъ сосѣдней церкви; оно обогащаетъ наши взоры всѣми красотами природы. Эти благородныя и чистыя мысли раздѣлялись еще другимъ человекомъ рѣдкаго ума, жившаго совсѣмъ рядомъ съ нами, но въ нѣкоторомъ уединеніи отъ общества, передъ которымъ онъ лишь одинъ или два раза открылъ сокровища своего ума, по словамъ его друзей неисчерпаемыхъ: это—Равэсонъ.

Мы думаемъ, что идеи состраданія, любви къ ближнему, восхищенія почерпнуты изъ самаго источника моральной жизни, и что онѣ не могутъ ослабѣть безъ пониженія уровня этой жизни. Однако, онѣ соответствуютъ

* Чтобы понять эту шутку автора, нужно знать, что Ж. Лемэтръ, знаменитый французскій поэтъ и драматургъ, принадлежитъ къ лагерю ярыхъ націоналистовъ

Прим. переводч.

** Лекція эта читана была въ 1899 году, т. е. когда Рескинъ еще жилъ.

Прим. переводч.

лишь одному изъ двухъ движеній, образующихъ душевный ритмъ. Въ самомъ дѣлѣ, душа не можетъ цѣликомъ вылиться наружу, иначе она перестала бы существовать. Она должна находить въ себѣ достаточную силу для любви извнѣ. Истинная доброта основана на силѣ, а не на слабости. Хорошо опираться на насъ, а опереться можно только на что-либо прочное. Согласно мысли Эпиктета, наибольшая помощь, которую мы можемъ оказать отечеству, состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить ему гражданина, исполненнаго скромности и храбрости. Слѣдовательно, принципъ любви къ ближнему нужно дополнить другимъ принципомъ, который, для краткости, мы назовемъ автономіей совѣсти.

Но, уяснивъ себѣ законъ души съ точки зрѣнія разума, нужно будетъ снова вернуться къ той природѣ, среди которой мы должны жить; нужно будетъ узнать ее и даже начать съ того, чтобы принять ее, чтобы измѣнить. Мы не можемъ оставаться на той почти захватывающей духъ высотѣ, куда переноситъ насъ Толстой, мы должны спуститься съ нея, чтобы вернуться въ свое отечество, къ своему очагу. И въ этотъ моментъ, я думаю, мы поймемъ разногласіе моральныхъ идей. Законъ примѣняется къ безконечному многообразію человѣческихъ поступковъ, въ безконечно разнообразной и измѣнчивой средѣ: онъ преломляется въ ней такъ или иначе и принимаетъ различныя формы, то кроткую, то воинственную, то заключенную въ одиночество монастырской кельи, то ввергнутую въ шумъ общественныхъ площадей. Кто можетъ рѣшить, чья душа была лучше и чище: философа, читавшаго по вечерамъ, при глиняномъ свѣтильникѣ, въ своей кельѣ безъ дверей, или христіанскаго короля, который на своей походной кровати, въ Мансурѣ, перечитывалъ книгу псалмовъ? Свѣтъ-Бевъ написалъ прекрасныя и глубокія страницы о различныхъ родахъ святости, противопоставляя радостной смерти Эпаминонда, озаренной свѣтомъ и славою, смерть сестры Паскаля, тихая жизнь которой была разбита стыдомъ и отчаяніемъ, въ которые повергло ее «соизволеніе на обманъ» въ монастырскомъ посланіи. Здѣсь руководящей нити можно искать у мудраго Канта, имя котораго нельзя обойти молчаніемъ въ лекціи о современной морали. Его ученіе моральнаго формализма часто понималось неправильно. Одинъ остроумный переводчикъ «Критики практическаго разума» предполагаетъ, что оно объясняется формалистическими и педантическими привычками кенигсбергскаго профессора, ежедневнымъ появленіемъ котораго, какъ говорятъ, жители руководствовались для провѣрки своихъ часовъ. Но можно полагать, что кантовскій формализмъ имѣетъ другой смыслъ. Кантъ, какъ мнѣ кажется, замѣтилъ и углубилъ слѣдующіе два момента: съ одной стороны естественный міръ, въ которомъ лежатъ корни нашей жизни, несовершенъ, не вполне познаваемъ, безконечно сложенъ. Онъ налагаетъ на насъ ярмо необходимостей, не имѣющихъ яснаго соответствія съ нашимъ духовнымъ назначеніемъ. Такъ, природа пожелала, чтобы человѣкъ рождался отъ женщины, чтобы онъ употреблялъ въ пищу мясо живыхъ существъ, чтобы число людей зависѣло, извѣстнымъ образомъ отъ количества средствъ къ существованію и т. п. Посредствомъ законовъ почвы и климата, законовъ тѣла и мозга она управляетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, социальной эволюціей, порождаетъ склонности, профессиональныя и національныя различія, и т. д. Слѣдовательно, всѣ наши обязанности имѣютъ въ себѣ нѣчто неопредѣленное, случайное, измѣнчивое. Но, съ другой стороны, въ душѣ есть постоянная точка; она имѣетъ духовную природу, аналогична божественнымъ вещамъ, какъ любилъ говорить Платонъ; она должна вносить во всѣ свои временныя дѣйствія мыслѣ

о вѣчности! Таковъ *формальный* моральный принципъ. Итакъ, высшее умозрѣніе оказывается, въ конечномъ счетѣ, согласнымъ съ словами евангелія: «Миръ на землѣ зависитъ отъ доброй воли людей».

III.

Моральное единство.

(Марсель Бернесъ).

Одинъ изъ счастливыхъ результатовъ примѣненія теоретической мысли къ практическимъ вопросамъ состоитъ въ томъ, что оно пробуждаетъ въ насъ вниманіе къ недостаткамъ того общества, въ которомъ мы живемъ, заставляетъ насъ страдать отъ нихъ, открывая намъ перспективы лучшей дѣятельности, и даетъ намъ, такимъ образомъ, импульсъ къ тому, чтобы вводить въ эту систему исторически сложившихся отношеній, которая образуетъ настоящее, такія измѣненія, которыя постепенно приближали бы насъ къ нашему идеалу.

И передъ мыслью моралиста часто встаетъ вопросъ, о которомъ я хотѣлъ бы поговорить съ вами, вопросъ о моральномъ единствѣ, о нравственномъ мирѣ. Между тѣмъ, о чемъ каждый изъ насъ можетъ мечтать, и тѣмъ, что обнаруживаетъ предъ нами наблюденіе, разница огромная; и дѣятельность, повидимому, весьма мало способна удовлетворить насъ. Излишне было бы указывать на безразличное отношеніе большинства къ морали, на отсутствіе въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ сознательнаго и строго выполняемаго правила жизни, на обыкновенную бѣдность размышленія и моральныхъ идей; и даже тамъ, гдѣ это размышленіе имѣетъ мѣсто, гдѣ оно развивается въ общія понятія о жизни и человѣческихъ дѣлахъ, было бы опять-таки излишнимъ указывать на неисчерпаемое разнообразіе теорій и системъ, на глубокую анархію моральной мысли.

Моральный индифферентизмъ, моральная анархія: таковы два характерныхъ признака настоящаго времени, устанавливаемые моралистомъ, который относится къ нимъ, вообще говоря, несочувственно и считаетъ ихъ пороками, какіе нужно всѣми силами стараться хотя бы ослабить, если ужъ невозможно ихъ уничтожить окончательно. Констатированіе этихъ пороковъ, желаніе найти противъ нихъ какое-либо средство, вотъ что въ значительной степени руководило инициаторами этихъ лекцій: и я думаю, что попытка эта заслуживаетъ выполненія.

Попытка эта въ настоящее время, безъ сомнѣнія, не первая и не единственная; но такъ какъ всѣ онѣ малопроизводительны и имѣютъ очень узкій кругъ вліянія, то желательно, чтобы онѣ возникали во множествѣ одновременно, кромѣ того, настоящая попытка приняла форму, отличную отъ всѣхъ прочихъ: если намъ удастся разбудить мысль, или хотя бы только расширить горизонтъ моральныхъ теорій, способствуя этимъ моральному единству и миру, то она будетъ нелишней.

Я долженъ добавить, что въ этой попыткѣ, какъ и во всѣхъ со-временныхъ попыткахъ того же рода, я вижу нѣчто дѣйствительно новое, несвойственное всякому времени. Въ прошлое время, моральный индифферентизмъ и анархія были больше или меньше, чѣмъ теперь? Объ этомъ я не знаю ничего, да и трудно знать это въ точности. Но что я хорошо знаю, такъ это то, что моральная мысль этимъ никогда не интересовалась подобно тому, какъ она интересуется въ наше время; что въ теченіе долгаго періода времени, мораль, повидимому, состояла, главнымъ обра-

зомъ, въ самосозерцаніи и возлагала на экономику и политику заботу объ опредѣленіи и исправленіи того, что совершается внѣ сознанія, представляя человѣческимъ интересамъ ограничивать анархію, которая иногда имѣла мѣшающую, но которой они часто пользуются и съ которой они борются далеко не постоянно. Какъ могли моралисты придавать большое значеніе идеѣ моральнаго единства, когда они добивались лишь внутренняго единства честной души и когда объектъ ихъ былъ, главнымъ образомъ, индивидуальный?

Проблема моральнаго единства, нравственнаго мира это—проблема социализированной морали; она встаетъ передъ мыслью, заботящейся и о другомъ благѣ, кромѣ своего собственнаго, въ каждую эпоху она могла возникать лишь постольку, поскольку общественныя дѣла стали предварительно доступны для участія всѣхъ, и всеобщее значеніе она могла приобрести лишь въ тотъ моментъ, когда свобода мысли и дѣйствія гражданъ окончательно стала одной изъ основъ всего социальнаго порядка. Осуществленіе этого условія произошло сравнительно недавно, проблема эта, слѣдовательно, возникла лишь недавно, во всякомъ случаѣ, въ теченіе долгаго времени она вставала лишь въ скрытой формѣ. Послѣ этого, не будемъ удивляться, что она не была разрѣшена; не будемъ отчаиваться напередъ въ ея разрѣшеніи и не откажемся отъ усилій, даже самыхъ скромныхъ, которыя могутъ содѣйствовать этому результату.

Моральная анархія существовала всегда, но пока она не проникла въ сознаніе, пока вопросъ этотъ не всталъ самъ по себѣ, непосредственно, пока она не причинила страданія, ей нельзя было противодѣйствовать. Если она—зло, то слѣдуетъ разбудить мысль и предупредить ее о существованіи этого зла.

Это полезно, но недостаточно, такъ какъ проблема, важное значеніе которой сознается, не всегда бываетъ правильно поставлена: а что пользы въ провозглашеніи моральной анархіи, въ стремленіи къ миру и единству, если мы не знаемъ сами какъ слѣдуетъ, въ чемъ состоитъ эта анархія, если мы плохо понимаемъ, что такое это единство?

Такимъ образомъ, мы должны поставить себѣ три слѣдующихъ вопроса: Въ чемъ состоитъ моральная анархія? Какую цѣнность имѣютъ общепринятые представленія о единствѣ и нравственномъ мирѣ? А если они недостаточны, если они противорѣчатъ другъ другу и сами способствуютъ идейному разброду, то какъ приспособить ихъ къ дѣйствительнымъ трудностямъ, къ очевиднымъ недостаткамъ нашего моральнаго состоянія?

Я не претендую дать полный, тѣмъ болѣе—окончательный отвѣтъ на эти три вопроса; даже представить ихъ здѣсь я могу лишь въ общихъ чертахъ. Я хотѣлъ бы только указать нѣсколько идей не новыхъ, но которыми, по моему, недостаточно пользуются, которыя иногда даже не вполне признаются, и на которыхъ въ настоящее время небезполезно остановиться.

I.

Какъ я только-что указалъ, моральная анархія имѣетъ двѣ формы и двѣ главныхъ причины: она связана съ неопредѣленностью и неустойчивостью мнѣній; она происходитъ также отъ крайняго разнообразія и противорѣчивости теорій и системъ.

1. Мысль большинства людей, повидимому, менѣе всего занимается вопросами высшей нравственности, менѣе всего заботится о моральномъ единствѣ. Преобладаетъ впечатлѣніе момента, впечатлѣніе личное и измѣнчивое, не подчиняющееся толпѣ, увлекающее ее, и

превращающее, теперь, какъ и прежде, въ послушное орудіе въ рукахъ демагоговъ, которые льстятъ ей и обращаютъ ея капризы въ достаточные принципы для своихъ дѣйствій. Въ ней встрѣчаются добрые, благородные инстинкты, но перемѣшанные съ дурными; и все это спутывается, сталкивается между собой; дѣйствіе, начатое однимъ образомъ, заканчивается иначе. Требуютъ преданности, восторгаются самопожертвованіемъ; иногда поступаютъ, не думая о себѣ, а заботясь о другихъ, и испытываютъ удовлетвореніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ часто можно услышать, что мораль это—особый міръ, и что въ нашемъ мірѣ главное мѣсто принадлежитъ сочетаніямъ силы и интереса.

Слѣдовательно, если нравственность и существуетъ, то проявленія ея всегда случайны, спорадичны, а потому и мало дѣйствительны; въ нихъ замѣчается отсутствіе координирующаго усилія, то есть, твердой воли, яснаго сознанія возвышенныхъ цѣлей. И въ этомъ смыслѣ можно сказать, что это состояніе нравственности, какъ въ поступкахъ, такъ и во мнѣніяхъ, анархично, вслѣдствіе невѣдѣнія, апатии, индифферентизма.

Это не значить, что при такомъ состояніи вовсе не встрѣчается ни энергичныхъ утвержденій, ни ясно выраженной, въ нѣкоторомъ отношеніи, мѣры сужденія, и даже дѣйствія; и то и другое дается привычкой и традиціей. Рожденіе вводитъ насъ въ предназначенный кругъ, изъ котораго затѣмъ выходятъ лишь въ видѣ исключенія; существуютъ моральные обычаи, которыхъ каждый придерживается болѣе ими менѣе строго. И съ практической стороны это даже весьма отрадно; честная жизнь господствуетъ безъ усилій; это—очень необходимая гарантія противъ шатанія освободившагося мнѣнія, которое, попрежнему повинувшись чужимъ воздѣйствіямъ, само плагаетъ по крайней мѣрѣ, что теперь оно выбираетъ свои принципы и не сохраняетъ болѣе своего неизмѣннаго довѣрія по отношенію къ однимъ и тѣмъ же авторитетамъ, а бросается то къ тѣмъ, то къ другимъ, не заботясь о томъ, чтобы узнать, не противорѣчатъ ли они между собою.

Поэтому я могу сказать, что если въ общественной нравственности большую и даже преобладающую роль играютъ привычки, которыхъ придерживается скорѣе изъ трусости, чѣмъ изъ сознательнаго сочувствія, то это обстоятельство нужно считать отраднымъ, такъ какъ оно предохраняетъ отъ дальнѣйшаго паденія. Но слѣдуетъ ли удовольствоваться этимъ? Нѣтъ, ибо привычка съ теченіемъ времени нарушается, а при свободѣ мысли, традиція отнюдь не замѣщается новой традиціей: хотя бы для возстановленія постепенно распадающихся связей, установленныхъ въ прошломъ, необходимо было только постоянство усилій, известное единство моральной мысли, которыхъ не хватаетъ. Тѣмъ болѣе оснований желать этого единства, трудиться надъ его созданіемъ, если ставить себѣ цѣлью не только сохраненіе моральнаго устава, но и его совершенствованіе.

2. Отвлеченная мысль, какъ бы ни была она ограничена и мало сознательна, имѣетъ въ моральной жъзни такое же и даже большее значеніе, чѣмъ общепринятое мнѣніе. Кромѣ измѣнчивыхъ побужденій, порождаемыхъ обстоятельствами, рядомъ съ убывающимъ авторитетомъ привычекъ и традицій, моральное руководство можетъ исходить отъ мысли; и если идеи, организованныя въ теоріи или системѣ, не воздѣйствуютъ сразу же на права, то онѣ мало-по-малу проникаютъ въ нихъ, по крайней мѣрѣ отчасти, путемъ диффузіи болѣе или менѣе быстрой, но всегда дѣйствительной. Отъ мысли, касающейся жизни, что-либо всегда дойдетъ до самой жизни; чтобы это было иначе, нужно было бы, чтобы тотъ, кто обдумываетъ ее, не только не хотѣлъ бы ни выразить, ни

распространяться, но чтобы онъ жилъ въ совершенномъ одиночествѣ и не передавалъ бы ее даже своимъ примѣромъ.

Общественная жизнь представляетъ намъ смѣсь моральной апатіи и въѣвшихся привычекъ въ поступкахъ: дѣло моральной мысли состоитъ въ томъ, чтобы внести въ этотъ беспорядокъ, въ это чисто внѣшнее распредѣленіе немного внутренняго единства, плодотворный принципъ организаціи и силы. Размышленіе открываетъ передъ нами вполне ясно анархію и моральный индифферентизмъ; оно усиливаетъ наши страданія, вызванныя этимъ обстоятельствомъ, оно заставляетъ насъ желать найти отсюда выходъ. Почему же такъ часто оно, въ свою очередь, способствуетъ поддержанію, даже усиленію той самой анархіи, съ которой оно должно бороться? и почему оно часто еще больше отдаляетъ насъ отъ моральнаго единства, которое оно имѣло въ виду осуществить?

Дѣло въ томъ, что отвлеченная мысль страдаетъ излишней быстротой и невыдержанностью; лишь только мы замѣчаемъ частицу истины, какъ мы уже придаемъ ей такое значеніе, что этотъ отрывокъ становится въ нашихъ глазахъ самой истиной; мы перестаемъ искать что-либо сверхъ него, мы отказываемся видѣть что-нибудь, кромѣ него. Родившаяся въ умѣ индивида моральная мысль, выходя оттуда, начинаетъ подгонять людей и вещи подъ свое мѣрило; а такъ какъ въ различныхъ умахъ она можетъ принимать различныя формы, то въ результатѣ создаются противорѣчивыя теоріи, указывающія намъ путь къ спасенію въ самыхъ противоположныхъ направленіяхъ.

Возьмемъ, на примѣръ, съ одной стороны мораль натуралистическую, т. е. мораль инстинкта, суровой борьбы, и съ другой стороны—мораль внутренней, духовной жизни: разстояніе между обѣими огромное, и согласовать ихъ между собою тѣмъ болѣе трудно, что дѣло идетъ уже не о предпочтеніи, не о чувствахъ болѣе или менѣе сильныхъ, а объ опредѣленіяхъ, о точныхъ формулахъ, которыя являются результатомъ именно этого столкновенія между идеями и той борьбы, которую ведетъ умъ противъ непріятныхъ ему идей: борьба идей не только за идеалъ или за природу; кромѣ того борьба, ведется, съ одной стороны, противъ низменности инстинкта, съ другой—противъ утопической тѣтности чистыхъ идей.

Это даетъ точку опоры всему тому, что было неустойчиваго въ общихъ чувствахъ; но не даетъ еще единства принципамъ; и вся эта попытка приводитъ къ тому, что создаются новыя противорѣчія, моральная анархія усиливается, и устраненіе ея еще болѣе затрудняется. Ходъ событий, обыкновенно, самъ измѣняетъ непродуманныя мнѣнія людей; гораздо труднѣе заставить систематически мыслящаго человѣка признать необходимость измѣненія и расширенія своихъ принциповъ.

Если таково бываетъ часто вліяніе моральнаго размышленія, то на немъ лежитъ отчасти отвѣтственность за неизгладимыя противорѣчія нашихъ идей и нашихъ правилъ дѣйствія, за ту анархію, которую оно обнаруживаетъ, отъ которой оно страдаетъ само и заставляетъ страдать насъ.

Итакъ, хотя для оправданія попытки моральной мысли, мнѣ достаточно было бы подумать о томъ, что есть искусственнаго и непрочнаго въ тѣхъ вполне внѣшнихъ моральныхъ связяхъ, которыя образуетъ привычка; однако, видя ея результаты, я безъ труда понимаю, почему даже среди мыслящихъ людей имѣются приверженцы традицій; умы эти охватываются страхомъ при видѣ разложенія идей и усиленія индивидуализма, благодаря успѣхамъ въ области изслѣдованія, требуютъ отъ людей, чтобы

они держались убѣжденій и обычаевъ прошедшаго, умоляютъ ихъ наложить на мысль жертвы, и не братья легкомысленно за разрѣшеніе моральныхъ проблемъ.

Въ дѣйствительности, сознательная мысль не составляетъ привилегіи возвышенныхъ натуръ, у которыхъ она бываетъ обращена на похвальные усилія моральнаго обновленія; и зрѣлище разногласій, вызываемыхъ ею въ опредѣленіи идеала, неудачи, по крайней мѣрѣ, видимыя, которыя оно терпитъ въ своей работѣ,—все это даетъ неполнымъ и неуравновѣшеннымъ умамъ основаніе для того, чтобы считать сложнымъ всякое основаніе идеала вообще, каковъ бы онъ ни былъ. Природа разрѣшаетъ конфликты между существами въ пользу болѣе одаренныхъ, и такимъ образомъ осуществляетъ высшій порядокъ. Почему не долженъ поступать такъ же и человѣкъ? Почему бы сильнымъ, оставивъ опасное лицемѣріе, не перестать, наконецъ, легковѣрно попадаться на удочку слабыхъ и помогать имъ, такимъ образомъ, ослаблять ихъ, сильныхъ? Почему не могутъ они, попирая ногами слабыхъ, идти къ завоеванію болѣе совершеннаго моральнаго строя путемъ повиновенія индивидуальному инстинкту?

Таковы тѣ, правда, крайнія, но безъ труда допустимыя, слѣдствія, которыя можетъ имѣть, отчасти, сознательная мысль, если сравнить съ поставленною цѣлью,—моральнымъ единствомъ достигнутый результатъ —возрастающую, почти неисцѣлимую анархію въ моральныхъ взглядахъ и въ правахъ. И въ результатѣ, подѣ дѣйствіемъ реакціи,—новый расцвѣтъ морали, основанной на традиціи.

3. Заключеніе, выводимое, такимъ образомъ, изъ дѣйствія моральнаго размысленія, назвать неоспоримымъ, пожалуй, нельзя; и то доказательство, которое могутъ найти здѣсь въ защиту своихъ идей послѣдователи морали инстинкта или защитники морали традицій, пожалуй, слишкомъ поспѣшно. Но я полагаю, что если выводы и сомнительны, то самъ принципъ правленія, и что въ дѣйствительности моральная партія часто обуславливается дѣятельностью моралистовъ, проистекая также изъ моральной дѣи здраваго смысла. Возможно, что причины, поддерживающія ее какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, не такъ ужъ различны, какъ это можетъ показаться сначала. Между этими причинами имѣется по крайней мѣрѣ одна, влияніе которой велико въ обоихъ отношеніяхъ и которая, лишь различнымъ образомъ, вызываетъ свои результаты, дѣйствуя на столь различныя умственные состоянія, какъ умственный міръ человѣка, способнаго, смотря по обстоятельству, жить безъ рефлексіи, и систематическаго мыслителя, у котораго рефлексія проникаетъ и направляетъ всѣ идеи.

Причина эта—та, что мораль оторвана отъ жизни, противопоставлена жизни. Это раздѣленіе не имѣетъ въ себѣ ничего первобытнаго и непосредственнаго, оно обнаруживается особенно ясно вмѣстѣ съ первыми усиліями, направленными къ возвышенію нравственнаго идеала; оно укрѣпляется въ смутные періоды, когда общественная жизнь исчезаетъ, или распадается, или просто не даетъ мѣста никакой благородной мысли, обращаясь въ закрытую арену борьбы непосредственныхъ интересовъ и инстинктовъ. Съ древнихъ вѣковъ мы видѣли, какъ мораль обособляется, и мало-по-малу приводитъ насъ отъ общественной жизни къ порогу индивидуальной души и внутренняго міра. Она проникаетъ туда и погружается надолго, когда религиозное чувство отрываетъ передъ душою міръ со-вѣсти; и съ тѣхъ поръ она возвращается къ жизни лишь по необходимости, какъ къ какому-то испытанію.

Когда раздѣленіе это очень рѣзко, оно производитъ двойное дѣйствіе: съ одной стороны, жизнь, управляемая инстинктомъ, руководимая мате-

17
л-43
риальнымъ интересомъ, протекаетъ безъ идеала, безъ другого, по крайней мѣрѣ, идеала, кромѣ подчиненія нѣкоторымъ, весьма самымъ обыкновеннымъ правиламъ приличія; идеаль не исчезаетъ совершенно, но люди довольствуются тѣмъ, что восхищаются имъ внутри самихъ себя, это—религія; это—будущая жизнь, а не настоящая, дѣйствительная; это, вообще, лишь простое времяпрепровожденіе, а не настойчивая, постоянная потребность и такъ протекаетъ жизнь, безразличная, бѣдная, состоящая изъ незамѣтныхъ, измѣнчивыхъ прибылей и склонностей.

Но съ другой стороны, моралистъ не удовлетворяется такимъ представленіемъ о жизни; и чтобы лучше осуществить свой идеаль, онъ выходитъ за предѣлы дѣйствительной жизни; онъ замыкается въ себя; мораль кажется ему высшей цѣлью; но мораль имѣетъ своимъ предметомъ личное совершенствованіе, индивидуальное благо; и такимъ образомъ она становится созерцательной или спекулятивной (умозрительной). Человѣкъ чувства восхищается тѣмъ, что онъ видитъ надъ мимолетными реальностями внѣшняго міра; а человѣкъ ума строить идеальный міръ своихъ грезъ въ видѣ сложнаго, запутаннаго лабиринта тонкихъ опредѣленій; въ своихъ построеніяхъ онъ уже болѣе не тревожится мыслью о томъ, что есть или о томъ, что дѣлаютъ и думаютъ другіе. Такимъ образомъ, въ идеаль вновь отражается безконечное разнообразіе индивидуальныхъ мнѣній, чувствъ и идей. Отрѣзывая мысль отъ всего того, что не относится къ индивиду, осуществляютъ нѣчто вродѣ отвлеченнаго и условнаго единства личности; но такъ какъ для того, чтобы прійти къ этому, были разорваны всѣ связи съ міромъ, съ обществомъ, то отсюда можетъ получиться лишь сложность тенденцій, которыя въ примѣненіи къ міру и къ людямъ не могутъ не противорѣчить другъ другу и не вызывать глубокой моральной анархіи.

Исторически это обособленіе идеала отъ жизни объясняется безъ труда; но въ сущности развѣ это не оскудѣніе дѣйствія съ одной стороны и его отрицаніе—съ другой? Проблема морали—это была практическая проблема по преимуществу, проблема руководства дѣйствіемъ, искательства правила жизни. А благодаря происшедшему расколу, съ одной стороны оказалась жизнь безъ правила, съ другой—правило, обособленное отъ жизни и ставшее либо чувственнымъ состояніемъ, либо конструктивнымъ усиленіемъ мышленія, но лишенное своего собственнаго содержанія, того, что дѣлало изъ него правило, своего отношенія къ дѣйствию.

II.

И уже сказалъ, что одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ современной моральной мысли является возвратъ къ дѣйствию (активности), то есть, поистинѣ, возвратъ къ морали. Здѣсь—источникъ съ одной стороны, столь сильнаго у всѣхъ нашихъ моралистовъ чувства несообразности, существующей между нашими стремленіями, и, съ другой стороны, не только нравами или моральными взглядами людей, но и самими теоріями и моральными системами.

Для того, чтобы эта несообразность бросилась въ глаза, достаточно отнести моральныя чувства и идеи къ условіямъ дѣйствія,—что дѣлается все чаще и чаще. Съ каждымъ днемъ мы видимъ, какъ все новые и новые умы признаютъ, что дѣйствіе хорошо и необходимо.

Я думаю, что мы можемъ радоваться такой перемѣнѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно пораздумать надъ этимъ и спросить себя, происходитъ ли она вполне такъ, какъ слѣдуетъ, всегда ли наши философы, стремящіеся къ дѣйствию, отдають себѣ полный отчетъ въ томъ, что такое дѣйствовать, понимаютъ ли онѣ сущность дѣйствія, какъ они этого желаютъ.

Шв. 4289

Занимающій насъ вопросъ обсуждался недавно на страницахъ одного изъ большихъ французскихъ философскихъ журналовъ *); различныя рѣшенія проблемы моральнаго единства были развиты тамъ съ удивительной возвышенностью и полнотою мыслей. Вопросъ былъ приблизительно слѣдующій: нужно ли для осуществленія моральнаго единства—отказаться отъ теорій или, по крайней мѣрѣ, отъ злоупотребленія теоріями, признать ихъ относительность, смотрѣть на нихъ не какъ на дѣли, а какъ на вспомогаельныя средства духа живого, болѣе могучаго, чѣмъ всѣ теоріи; нужно ли, однимъ словомъ, опираться на моральное чувство, которое, дѣйствительно, является прочнымъ и конкретнымъ основаніемъ моральной проблемы? Или наоборотъ, нужно воздержаться отъ всякаго ограниченія критической мысли и ожидать истины отъ построенія теоріи, превосходящей прочія, отъ новаго и болѣе полного развитія этой мысли?

Въ обоихъ случаяхъ, вполне очевидно, дѣло идетъ главнымъ образомъ уже не о внутренней нравственности, которая осуществляется въ совѣсти каждаго индивида, но о морали обобществленной, для которой истинное добро есть лишь то, которое распространяется на всѣхъ и является результатомъ совместнаго дѣйствія всѣхъ.

Да будетъ позволено мнѣ изложить два этихъ положенія такъ, какъ они мнѣ представляются въ ихъ существенныхъ чертахъ, потому что они, мнѣ кажется, выражаютъ довольно точно настоящее состояніе мысли по вопросу моральнаго единства, и я начну съ замѣчанія, что самая ихъ противоположность можетъ послужить доказательствомъ того, что этого единства еще нѣтъ, даже въ мысляхъ, или же что оно, во всякомъ случаѣ, еще не настолько ясно, чтобы быть замѣтнымъ для каждаго.

Приведемъ сначала доводы тѣхъ, которые боятся излишняго примѣненія анализа и видятъ опасность въ возведеніи на вершину всего въ морали... логической цѣпи идей.—Жизнь не настолько проста, чтобы для выраженія ея достаточно было одной системы; мораль нуждается въ соответствующихъ наблюденіяхъ еще болѣе, нежели въ анализахъ: анализъ создаетъ теоріи и системы; но такъ какъ наши анализы это—лишь средства выраженія сложной истины, умственно различаемой нами въ фактахъ, то одна изъ нашихъ теорій не можетъ исключать другихъ. Такимъ образомъ, теоріи должны быть просто различными совпадающими выраженіями, различными попытками оформить моральную дѣйствительность, воспринятую сначала умственно; и, если разногласія проникаютъ даже въ моральное чувство, то тамъ они гораздо меньше, чѣмъ въ абсолютныхъ теоріяхъ, въ анализахъ, ставшихъ систематическими.

Между утилитаристомъ, въ родѣ Милля, который видитъ въ нравственности лишь развитіе индивидуальнаго интереса, и ортодоксальнымъ кантіанцемъ, крѣпко привязаннымъ къ формальному и абсолютному закону долга, разстояніе въ теоріи—огромное; они говорятъ на различныхъ языкахъ, и расходятся въ пониманіи даже тамъ, гдѣ слова ихъ учителей совпадаютъ. Измѣнится ли значеніе моего поступка, если, дѣлая то, что предписываетъ мнѣ мораль, я вижу не только мой поступокъ, если я замѣчаю его зависимость, его происхожденіе отъ длиннаго ряда минувшихъ поступковъ, всегда связывающихъ его съ заботами о непосредственномъ личномъ интересѣ; или же, если въ этомъ поступкѣ я вижу нѣчто въ родѣ предваренія въ моемъ естественномъ и чувственномъ бытіи внутренней, невещественной реальности, которую ни въ коемъ случаѣ нельзя исчерпать понятіемъ интереса; такую форму бытія, которая получитъ

*) Revue de Métaphysique et de Morale, 1896.

все свое значеніе лишь тогда, если я отвлеку ее отъ ея временнаго содержанія, чтобы искать въ ней прямого выраженія моего духовнаго бытія, идеальнаго и абсолютнаго?

Такъ, буквально слѣдованіе теоріямъ порождаетъ глубокія, неустрашимыя, внутреннія противоположности.

Если мы, дѣйствительно, хотимъ моральнаго мира, то намъ нужно отдѣлаться отъ всего, что есть слишкомъ ограничительнаго въ формулахъ, и, восходя къ факту, предоставить завязываться сердечнымъ связямъ, которыя изъ всѣхъ связей являются наиболѣе прочными, но и наименѣе опредѣлимыми; а согласно прекрасному и вполне справедливому замѣчанію, подъ оболочкой самыхъ противоположныхъ теорій можетъ скрываться дѣйствительная близость смысловъ. Тотъ, кто говоритъ формальнымъ языкомъ кантіанства, въ дѣйствительности, въ томъ смыслѣ, какой онъ ему придаетъ, ближе къ природѣ и къ полезности, чѣмъ къ долгу и къ внутренней жизни; и языкъ подобнаго натуралиста возвышаетъ насъ, въ самомъ фактѣ, надъ фактомъ и даетъ намъ вѣрное понятіе о содержаніи моральныхъ идей и открываетъ передъ нами какъ бы тайну духовной жизни.

Моральный миръ, при такомъ представленіи, представляетъ собой не просто среднюю теоретическихъ мнѣній, а настоящее единеніе душъ, предшествующее теоріямъ и пользующееся ими для своего выраженія, но не довѣряющее ни одной изъ нихъ, потому что, выражая его, онѣ его ограничиваютъ такъ, что оно всегда превышаетъ то отвѣченное единство, которое онѣ намъ предлагаютъ.

— Какъ не поддаться вліянію такой защитительной рѣчи въ пользу чувства? Но, чтобы быть безпристрастными, выслушаемъ теперь голосъ аналитика.

— Чувство, — говоритъ онъ, — выдвигаемое противъ разума, представляетъ для поступковъ лишь весьма неустойчивое и не прочное основаніе; какъ можетъ быть воздвигнуто моральный миръ на столь неопредѣленномъ фундаментѣ? Исходнымъ пунктомъ моральной мысли служить, пожалуй, чувство; но оно является намъ въ видѣ мимолетныхъ и всегда обманчивыхъ образовъ; мысль должна подняться до болѣе устойчивыхъ принциповъ.

Практически требовать отъ проснувагося размышленія, чтобы оно отказалось отъ самого себя или подчинилось чувству, это значитъ унижать мысль, утаивать часть истины, ту, которая насъ стѣсняетъ, это значитъ подмѣнять философскую искренность самой темной дипломатіей, которая осуществляетъ минутное согласіе, лишь игнорируя пункты разногласія. Это не мораль, а скорѣе политика.

Страхъ передъ точными идеями, лишь только онѣ выражаются черезъ противоположность, это — признакъ мало возвышенной души. — Моральный прогрессъ требуетъ другого. И, дѣйствительно, безпокоитъ и смущаетъ насъ не столько сознаніе нашего раздѣленія, сколько незнаніе, какъ устранить наши разногласія. Мы страдаемъ отъ излишней темноты, а не отъ излишняго свѣта; отъ недостатка размышленія, а не отъ избытка анализа; и спасеніе — не въ чувствѣ, которое отъ несовершенныхъ теорій увлечетъ насъ еще ниже, а въ точныхъ опредѣленіяхъ, которыхъ мы должны непрерывно искать, если ихъ у насъ нѣтъ.

Если наши теоріи — неполны и на этомъ основаніи, сложны, то будемъ двигать ихъ впередъ, будемъ критиковать ихъ, чтобы ихъ усовершенствовать: мы выполнимъ, такимъ образомъ, одновременно и дѣло философской искренности и прогрессивной нравственности.

Нравственный прогрессъ, объединеніе достигаются исправленіемъ всего того, что есть слишкомъ узкаго въ нашихъ системахъ: такъ, обнаруживая во всѣхъ формахъ идеала и добра заботу о пользѣ, постепенно приобретающей болѣе точный, опредѣленный и возвышенный характеръ; давая содержаніе высшимъ нормамъ морали и выражая ихъ согласно ихъ содержанію—всѣмъ этимъ мы способствуемъ нравственному прогрессу и объединенію: и, такимъ образомъ, мораль становится практической и приближается къ жизни.

Еще больше анализа, то-есть, не больше теорій, но теоріи, все болѣе и болѣе глубокія: вотъ въ чемъ исцѣленіе отъ моральной анархіи, открытый путь къ желанному единству.

— Не поколеблемся ли мы передъ этой защитой, переходящей въ нападеніе?

Вникая ближе въ этотъ диспутъ, который способенъ повергнуть насъ въ смущеніе, я замѣчаю, однако, основаніе для надежды.

Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, что каждое изъ изложенныхъ мною вратцѣмъ возрѣній защищается, лишь воплощая въ себѣ, такъ сказать, сущность противоположной теоріи. Въ глубокомъ чувствѣ, которое нужно старательно отличать отъ перваго попавшагося, поверхностнаго и неяснаго, мнѣ кажется, можно встрѣтить весь анализъ въ видѣ достигнутыхъ имъ результатовъ; всю критику, обращенную какъ противъ тѣхъ мнѣній, которыя насъ отталкиваютъ, такъ и противъ тѣхъ, которыя привлекаютъ; всѣ условія философской искренности, въ которыхъ только преобладаетъ забота объ охраненіи насъ отъ соблазна, которымъ обладаетъ всякая формула, и отъ той неподвижности, въ которую она приводитъ мысль, ставя ее во внѣшнее положеніе по отношенію къ намъ. Такимъ образомъ, мораль чувства охраняетъ будущность самой мысли, за ея настоящими формами.—Точно такъ же, въ идеѣ, непрерывно обновляющейся надъ давленіемъ противоположныхъ идей, я опять-таки вижу надъ формулой живое вѣчно неисчерпаемое усиліе, нѣчто такое, что еще не нашло своего выраженія, но съ чѣмъ необходимо считаться. Только чувствомъ и разсудочной моралью руководить здѣсь желаніе не останавливаться на смутныхъ понятіяхъ, а постоянно двигать впередъ то, что мы схватываемъ лучше всего, что яснѣе всего и точнѣе всего опредѣлено.

Съ одной стороны, я не могу привести ни одного неотразимаго возраженія противъ этого вѣчно подвижнаго чувства, которое въ каждый моментъ, самой неопредѣленностью переживаемаго нами впечатлѣнія, предупреждаетъ насъ о несовершенствѣ нашихъ формулъ, объ ихъ недостаточной способности обнять всѣ элементы проблемы и исчерпать ее. Но, съ другой, я не вижу возраженія, способнаго исключить матеріальную мораль, которая очищаетъ и утончаетъ моральный объектъ, чтобы приспособить его къ высшимъ цѣлямъ, и которая старается связать эти цѣли съ другими, болѣе скромными, но не менѣе необходимыми; но моральный анализъ приводитъ либо къ утилитарной морали, либо къ морали чисто рациональной, и я не вижу вовсе такого возраженія, которое могло бы рѣшительно отвергнуть формальную мораль, если эта мораль открываетъ передъ нами въ духовномъ принципѣ и въ высшей нормѣ нравственности реальный фактъ, живую данную опыта.

Однако, я не думаю, чтобы можно было считать себя вполне удовлетвореннымъ; остановиться на томъ или другомъ изъ этихъ представленій моральнаго мира невозможно, такъ какъ это связано съ практическими неудобствами.

Возвращеніе къ факту связано съ пренебреженіемъ моральнаго

усилія, и въ большинствѣ случаевъ мораль чувства будетъ приводить насъ лишь къ ловкимъ стратегическимъ приѣмамъ, посредствомъ которыхъ мы будемъ обманывать самихъ себя относительно трудностей, избѣгая того, что раздѣляетъ, изъ страха передъ дѣйствіемъ, видимымъ лишь сквозь атмосферу противорѣчій и борьбы. Очень возвышенная душа, высоко культурные умы могутъ подняться съ помощью такого метода до настоящаго условія моральнаго мира, активнаго и плодотворнаго, и воспринять дѣйствіе путемъ чувства; но приведенный въ соотвѣтствіе съ размѣрами средней мысли, этотъ методъ плохо будетъ бороться съ индифферентизмомъ и нисколько не подыметъ насъ выше моральнаго однообразія, поверхностнаго сходства и оффиціальнаго оптимизма.

Но зато развѣ намъ неизвѣстно, что производитъ чисто критическая мысль, состоящая изъ анализомъ и приходящая къ теоріямъ? Діалектикѣ, обладающей глубокимъ внутреннимъ чувствомъ моральной реальности и, державшей свои формулы въ умѣ, будетъ имѣть полную возможность увидѣть сквозь нихъ дѣйствіе. Но во что превратятся онѣ при передачѣ другимъ? Конечно, иногда, когда проповѣдникъ нравственности соединяетъ въ себѣ даръ выраженія съ богатыми средствами діалектики, тогда голосъ его проповѣди способенъ вызвать въ слушатель мгноvenное пробужденіе къ нравственной жизни, въ немъ зарождается какъ бы желаніе активной мысли; но какъ долго это будетъ продолжаться? и что отъ этого останется? Великій, занимающийся преподаваніемъ, часто замѣчалъ съ горечью, что отъ уроковъ его остается преимущественно то, что есть въ нихъ наиболѣе выдуманнаго, наименѣ искренняго, и что трудно передавать свои мысли такъ, чтобы слушатель понялъ ихъ внутренній смыслъ. Часто даже, чѣмъ больше мы стараемся выразить нашу мысль какъ можно точнѣе или придать ей наиболѣе конкретную форму, тѣмъ сильнѣе способствуемъ мы лишь тому, что слушатель удерживаетъ только одни слова или частные примѣры, оторванные отъ идеи, служащей для нихъ основаніемъ.

Такимъ образомъ, мысль, состоящая преимущественно изъ аналитическихъ выводовъ, дѣйствуетъ какъ сухая номенклатура отвлеченныхъ и *рѣзкихъ* формулъ. Во что превращается очень часто въ нашемъ народномъ воспитаніи живая мысль хотя бы Канта? Точно такъ же, отъ идеалистическаго утилитаризма при этомъ останется, главнымъ образомъ, смутное понятіе интереса, приспособленное къ духовному уровню каждаго.

Недостаточно, слѣдовательно, желать претворить мораль въ дѣйствіе, пытаться сдѣлать ее практической для того, чтобы избѣжать противоположностей и выйти изъ моральной апатіи и анархіи: въ результатѣ этихъ попытокъ мы можемъ увидѣть еще рѣзче опредѣлившимися тѣ самыя недостатки, которые онѣ имѣли въ виду исправить. Тутъ сентименталисты, представляющіе собою сознательныхъ или безсознательныхъ реалистовъ, ослабляютъ размахъ дѣйствія и моральнаго прогресса; а тамъ интеллектуалисты, являющіеся идеалистами, подмѣниваютъ легкой игрой понятіями всегда трудно опредѣлимые условія истиннаго дѣйствія.

Главное, что вызываетъ во мнѣ критическое отношеніе къ этимъ взглядамъ, это, во-первыхъ, то, что они слишкомъ сложны и пытаются достигнуть въ обходъ того, къ чему гораздо естественнѣе, проще было бы добраться прямымъ путемъ; во-вторыхъ, то, что являясь въ настоящее время умственными привычками, вышедшими изъ примитивной приверженности къ традиціи, утвержденныхными и подкрѣпленными работой отвлеченнаго мышленія, они придаютъ форму абсолютнаго тому, что, по природѣ своей, вполнѣ относительно, и ставятъ, такимъ образомъ, проблему мораль-

наго единства въ такія условія, при которыхъ она попрежнему остается неразрѣшимой.

III.

Время не позволяетъ мнѣ доказать справедливость этихъ идей и опредѣлить то, что мнѣ кажется рѣшеніемъ этой проблемы; я ограничусь поэтому лишь самой общей характеристикой.

Какъ та, такъ и другая сторона хотятъ перевести мораль въ дѣйствіе; но обѣ онѣ умаляютъ дѣйствіе, ограничивая его предѣлами чувствъ или идей. Между тѣмъ, дѣйствіе не только прибѣгаетъ къ нимъ одновременно, оно включаетъ ихъ въ себя и не выходитъ изъ нихъ; оно предшествуетъ имъ, а не является ихъ результатомъ, или болѣе или менѣе искусственнымъ соединеніемъ. Оно представляетъ собою живую реальность духа, прочную связь каждаго изъ нихъ съ остальными и вмѣстѣ съ тѣмъ связь духа съ вещами. Чувство и идея—это только его частичныя выраженія, которыми мы пользуемся затѣмъ для представленія природы духа; но когда мы раздѣляемъ ихъ совершенно, присваивая каждому изъ нихъ особую реальность и дѣлая изъ нихъ первоначальные элементы мысли, чтобы перестроить ее съ ихъ помощью, въ нашемъ построеніи всегда будетъ недоставать одного настоящего единства, сообщить которое можетъ одно лишь дѣйствіе.

Такимъ образомъ, я свободно могу сказать, что историческая причина, больше всего способствовавшая образованію непроходимой пропасти между чувствомъ и идеей въ моральныхъ теоріяхъ, это—отдѣленіе морали отъ жизни; оно же противопоставило чувство и идею, и въ особенности послѣднюю, истиннѣе и природѣ, идеальное—реальному, и внесло мнимую антиномію (разногласіе) индивидуальности и солидарности. Отдѣленіе это повело за собой созданіе соответствующихъ формъ мысли и рѣчи, которыя перешли въ привычку и, переживя породившую ихъ причину, существуютъ еще и понынѣ. Очевидно, что, пока онѣ существуютъ, трудно снова найти условія настоящей связи духа съ природой, чувства съ идеей, реального съ идеальнымъ, индивидуального съ социальнымъ, словомъ морали съ жизнью.

Смыслъ дѣйствія составляетъ необходимое условіе рѣшенія практическихъ проблемъ; а такъ какъ, въ сущности говоря, непосредственнымъ результатомъ этого рѣшенія явилось бы именно моральное единство, то можно сказать, что смыслъ дѣйствія есть условіе моральнаго единства. Впрочемъ, смыслъ дѣйствія приобретаетъ все свое значеніе лишь тогда, когда онъ внушается условіями, дѣйствительно свойственными дѣйствію; очень и очень часто онъ уклоняется въ сторону и сбивается съ правильнаго пути, зарождаясь въ той мысли, будто всѣ его прежнія привычки и, такъ сказать, его вторая природа, закрываютъ доступъ дѣйствію. Событія вполне могутъ обнаружить передъ нами то, что желательно; они открываютъ даже наиболѣе ослѣпленнымъ глаза на относительную пѣнность нашихъ формъ существованія; и такимъ образомъ, въ кризисахъ, иногда носящихъ драматическій характеръ, онѣ способны внушить намъ твердую волю къ дѣйствію; но они не въ силахъ уничтожить тѣ, даже противоположныя тенденціи, которыя руководили нами ранѣе.

Въ этомъ случаѣ мысль наша употребить всевозможныя усилія для того, чтобы приспособить усвоенныя ею идеи къ тѣмъ цѣлямъ, превосходство которыхъ надъ всѣми прочими внезапно открылось передъ нею; гибкая и тонкая мысль, пожалуй, добьется своего и, построивъ какую-либо мудрую систему или открывъ какой-либо оттѣнокъ чувства, она

дасть намъ самимъ искомый методъ. Но противорѣчіе, разрѣшенное въ насъ и для насъ, возродится вновь, лишь только мы перейдемъ къ внѣшнему самопроявленію и лишь только нашъ разумъ натолкнется на сопротивленіе либо со стороны иныхъ разумовъ, которые сдѣлали ту же попытку, но выполнили ее иначе, чѣмъ мы, либо просто-на-просто со стороны тѣхъ, которыхъ отталкиваетъ самая сложность тѣхъ рѣшеній, какія мы имъ предлагаемъ. Пока же трудность, такимъ образомъ, разрѣшена лишь для насъ, она въ дѣйствительности не разрѣшена, такъ какъ дѣло касается практики и вопросъ идетъ о моральномъ единствѣ.

Такова, на мой взглядъ, та ошибка, въ которую впадали даже недавнія попытки, предпринимавшіяся для того, чтобы найти условія моральнаго мира путемъ чувства, либо путемъ анализа.

Въ самомъ дѣлѣ, идея, какова бы ни была ея форма, останавливаетъ движеніе мысли и, по крайней мѣрѣ временно, замыкаетъ ее; а чувство, удовлетворяясь довольно туманными взглядами и теряясь, въ высшихъ умахъ, въ неуловимыхъ оттѣнкахъ, въ концѣ концовъ истощаетъ ее и ослабляетъ ея энергію, что, въ свою очередь, инымъ лишь путемъ приводитъ къ ея ограниченію и замкнутости. Такимъ образомъ, моральное единство перестаетъ представлять собою нѣчто живое, чѣмъ оно должно быть въ активной жизни; представляемъ ли мы его себѣ во всей полнотѣ или нѣтъ, оно во всякомъ случаѣ является высшимъ предѣломъ совершенства; въ немъ рисуются нашему воображенію спокойное блаженство и заслуженный отдыхъ, вознаграждающіе насъ за минувшіе труды и страданія. Разнообразіе моральныхъ идей и отношеній, съ одной стороны, недопустимо потому, что оно противорѣчитъ этому вполне опредѣленному миру, составляющему высшій предѣлъ нашихъ стремленій, съ другой стороны—оно служитъ лишь какъ бы временнымъ средствомъ для выраженія истиннаго, чѣмъ-то вродѣ разнообразящагося въ отвлеченной мысли символа, превышающаго ее высшаго единства. Въ обоихъ случаяхъ дѣйствіе оказывается подъ болѣе или менѣе близкимъ вліяніемъ абсолюта, которому подчиняются и который самъ по себѣ становится принципомъ морали.

И думаю, что нѣтъ болѣе явнаго препятствія для развитія дѣйствія или, что то же, для стремленія къ идеалу, какъ это положеніе абсолюта, въ какой бы то ни было формѣ. Во имя морали Кантъ утверждалъ абсолютъ во всѣхъ его формахъ; я полагаю, что, исходя изъ морали же, можно привести это понятіе къ соответствующей ему роли, роли вспомогательной идеи, а не высшаго принципа.

Мораль это—не то, что мы чувствуемъ душою, и не то, что мы опредѣляемъ формулами; она въ томъ, что мы дѣлаемъ, то есть она прямо и непосредственно связана съ дѣйствіемъ, съ усиленіемъ; а дѣйствовать—это значитъ одновременно быть въ природѣ и возвышаться надъ ней, стремиться къ идеалу; это значитъ заодно чувствовать какъ можно глубже и знать насколько возможно ясно. Благодаря дѣйствію, духъ непрерывно раскрывается вмѣсто того, чтобы замыкаться, и такимъ образомъ въ каждый моментъ обнаруживаетъ свою относительность. И вотъ, каждый разъ, когда равновѣсіе нарушается, когда мы вдругъ начинаемъ видѣть въ дѣйствіи лишь идею, опредѣленіе, формулу идеала,—мы удаляемся отъ жизни; если мы не доходимъ до извращенія самой жизни, мысль наша вскорѣ начинаетъ провозглашать реакцію въ сторону чувства, и въ силу контраста съ неустранимыми противорѣчіями нашихъ теорій, мы ощущаемъ его успокоительное и умиротворяющее вліяніе. Но, завладевъ нами, чувство быстро ослабляетъ насъ и тогда возвращеніе къ жизни состоитъ

въ томъ, что мы снова бросаемся къ анализамъ и теоріямъ подѣ дѣйствіемъ новаго усилія критической мысли.

Возможно, что моральная истина неизбѣжно создается этими поочередными смѣнами, и тогда нужно было бы сказать, что для приближенія къ ней мы должны соединить въ нашей мысли оба момента этого ритма, и что понимать смыслъ дѣйствія это прежде всего значить никогда не раздѣлять этихъ моментовъ совершенно, даже когда перевѣсь, по необходимости, находится на сторонѣ одного изъ нихъ.

Дѣйствіе—едино, при чемъ единство его двойное; оно едино въ томъ смыслѣ, что становится плодотворнымъ лишь съ того момента, когда оно перестаетъ опираться на индивидуальныя впечатлѣнія или идеи, выбирая для своего основанія наиболѣе прочныя и устойчивыя пріобрѣтенія нравственности; и въ этомъ отношеніи оно по своимъ тенденціямъ реалистично и подчинено вліянію традицій. Но оно несетъ въ себѣ еще другой видъ единства, единство идеальное; оно представляетъ собою дѣйствіе, въ полномъ значеніи этого слова лишь тогда, если въ процессѣ своего совершенія оно стремится создать болѣе богатый, болѣе ясный, а, слѣдовательно, и болѣе долговѣчный синтезъ, нежели тотъ, который ранѣе могъ быть образованъ либо мыслью, либо производимымъ привычкою притупленіемъ противорѣчій прошлаго, и упрочить нѣкоторыя традиціонныя правила; при этихъ условіяхъ оно дѣлаетъ возможнымъ моральный прогрессъ и даетъ ему начало.

Но дѣйствіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ принципъ различія; оно живетъ противоположностями; оно опирается на чувство или на идею неудовлетворенности настоящимъ въ моральномъ смыслѣ; оно предполагаетъ желаніе переменъ, которое каждая мысль опредѣляетъ согласно своимъ собственнымъ тенденціямъ; подѣ коллективными постоянными нравственности оно постоянно открываетъ индивидуальныя переменныя, вступаетъ въ связь то съ одной, то съ другой изъ нихъ, совершенствуетъ каждую изъ нихъ въ отдѣльности, чтобы приготовить истину болѣе полную и болѣе понятную. Только противоположности, и противоположности вполне опредѣленныя, могутъ служить постояннымъ побужденіемъ къ дѣйствію.

Моральный прогрессъ неизмѣнно торжествуетъ надѣ установившимися противоположностями; но и изъ того синтеза, котораго намъ удастся добиться, изъ осуществленнаго единства въ свою очередь возникнутъ новыя противоположности, которыя будутъ толкать моральную мысль все дальше и дальше впередъ.

Итакъ, съ одной стороны, моральное единство, понимаемое въ своемъ абсолютномъ значеніи,—химера; искать его въ этой формѣ, это значить неправильно ставить проблему: это понятіе совершеннаго и окончательнаго моральнаго единства, полнаго умиротворенія происходитъ отъ традиціи, то есть, отъ моральнаго чувства, суженнаго привычкою, или же еще больше отъ того абсолютнаго довѣрія, которое имѣетъ къ самой себѣ отвлеченная мысль, а это опять-таки не что иное, какъ пережитокъ привычки, желаніе неподвижности, ведущее свое происхожденіе отъ приверженности къ традиціи. Моральное единство можетъ быть лишь единствомъ образованія; оно является результатомъ усилій, направленныхъ къ тому, чтобы привести въ совпаденіе противоположныя идеи.

Съ другой стороны, моральная анархія также не рѣшеніе; она не отвѣчаетъ условіямъ моральной проблемы; явившаяся результатомъ естественнаго и медленнаго разложенія традицій, обобщенная противоположностями, возникающими среди индивидуальныхъ стремленій, когда они кристаллизуются въ теоріи и системы, она можетъ продолжать свое существо-

ваніе лишь до тѣхъ поръ, пока все вниманіе будетъ обращать на внѣшнія стороны мысли, пока мы будемъ чувствовать больше привязанности къ условнымъ и измѣнимымъ впечатлѣніямъ, чѣмъ къ дѣйствительно твердой основѣ жизни и дѣйствія.

Поэтому, если мы хотимъ избѣжать затрудненія, то должны прямо возвратиться къ дѣйствию и ясно увидѣть, что дѣйствіе—прямая противоположность абсолюта; что оно живетъ и возобновляется противоположностями, но что оно ослабляется, гибнетъ, если противоположности становятся абсолютными; что оно заключаетъ въ себѣ общій первоначальный матеріалъ и совпаденіе для безчисленнаго множества усилій, но что оно останавливается и становится невозможнымъ, лишь только его хотятъ подчинить законченному единству.

Какъ сложно это равновѣсіе, скажете вы! Какъ трудно прійти къ нему, какъ утомительно держаться въ немъ! Чтобы достигнуть этого, пожалуй, надо быть больше, чѣмъ человѣкомъ? Я этого не думаю.

Во всемъ этомъ пугаетъ насъ то, что у насъ нѣтъ ни достаточно привычки, ни яснаго пониманія смысла дѣйствія; мы подготовлены исключительно къ жизни чувства, восхищенія или размышленія, анализа, и для насъ очень трудно, не то, чтобы подняться настолько высоко, чтобы охватить взоромъ то, что мы можемъ видѣть лишь послѣдовательно, по частямъ, но скорѣе отдать себѣ отчетъ, что ида просто, не мудрствуя лукаво впередъ, мы осуществляемъ этотъ синтезъ, представляющій собою твореніе самой жизни, дѣйствіе каждаго мгновенія.

Когда мы замѣчаемъ высшую правду дѣйствія, намъ кажется, что мы должны подняться очень высоко, что мы предпринимаемъ опасное восхожденіе, что мы открываемъ неизвѣстное чудо, и мы спѣшимъ показать его всѣмъ. Мы жили взаперти въ нашемъ нѣскольکو условномъ восхищеніи и въ нашихъ отчасти искусственныхъ теоріяхъ; и вотъ, при соприкосновеніи съ тѣмъ или инымъ жизненнымъ обстоятельствомъ, мы замѣчаемъ, что есть нѣчто выше всего этого: дѣйствіе. Преисполненные добрыхъ намѣреній, мы начинаемъ дѣйствовать или, вѣрнѣе, суетиться, по пріобрѣтенной привычкѣ. Иногда мы походимъ на статистовъ, которые кричатъ: идемъ! идемъ! и дѣлаютъ при этомъ тѣлодвиженія, не заканчивая ихъ. Однако, мы должны помнить, что здѣсь мы уже не на сценѣ, и что невѣрное движеніе можетъ имѣть прискорбныя послѣдствія, которыхъ мы не предвидѣли.

Конечно, мы никогда не можемъ сказать, что у насъ достаточно дѣйствія; и каждый разъ, когда новый обращенный спускается съ небесъ чистаго чувства и чистой идеи къ жизни, мы должны восклицать: тѣмъ лучше, однимъ больше! Но не будемъ настолько смѣшными, чтобы думать, будто мы открыли дѣйствіе, когда мы съ большимъ трудомъ начинаемъ производить сложные движенія, которыми хотимъ заполнить весь міръ. Мы открыли, быть-можетъ, дѣйствіе для самихъ себя и то не безъ труда. Но сколько людей всегда примѣняли его на дѣлѣ, не видя въ немъ такихъ трудностей и принимаясь за него прямо, умѣли управлять имъ и дѣлать его плодотворнымъ. Это тѣ люди, которые, съ момента своего вступленія въ зрѣлый возрастъ, видѣли въ исполняемыхъ ими обязанностяхъ обязанности общественныя, которые старались исполнять ихъ по мѣрѣ своихъ силъ, опредѣляя то, что нужно дѣлать, говоря во всеуслышаніе то, что они думаютъ, и говоря это безъ гнѣва, съ спокойствіемъ людей, увѣренныхъ въ томъ, что они говорятъ, потому что они сами продѣлали это и, слѣдовательно, уяснили себѣ вполнѣ; они исправляютъ ошибки, никогда не впадаютъ въ уныніе передъ злой волей, и тѣмъ легче избѣгаютъ по-

лезныхъ столкновеній и неразрѣшимыхъ противорѣчій, что они болѣе другихъ увѣрены въ своей правотѣ и нисколько не стѣсняются говорить передъ кѣмъ бы то ни было, что дурно и что хорошо.

Для этихъ людей дѣйствіе—дѣло вполне естественное и безконечное; оно состоитъ не въ томъ, чтобы суетиться на общественной сценѣ и провозглашать предъ цѣлымъ міромъ всѣ проблемы, какъ извѣстныя, такъ и неизвѣстныя; но въ томъ, чтобы, во-первыхъ, точно опредѣлить ихъ, а затѣмъ, чтобы сохранить общія условія согласія и соціальнаго мира, въ которыхъ нѣтъ добра и ни одинъ вопросъ не разрѣшается согласно съ истиной; слѣдовательно, чтобы упорно сопротивляться всему тому, что ведетъ къ нарушенію спокойствія, которое составляетъ первое условіе всякаго полезнаго дѣйствія.

Дѣятельность этихъ людей, безъ сомнѣнія, не шумливая; она скрывается отъ глазъ поверхностнаго наблюдателя; но она единственно плодотворная, потому что она одна соединяетъ въ себѣ всѣ условія полезнаго дѣйствія; постоянное обращеніе къ противорѣчіямъ и постоянное приведеніе ихъ къ единству высшей правды.

И если мы хотимъ знать, гдѣ пребываетъ миръ и моральное единство, то намъ достаточно обратиться къ примѣру этихъ людей. Они осуществляютъ ихъ безъ труда въ своей средѣ, въ единственной доступной для нихъ, относительной формѣ.

Моральное единство—это не однообразіе ни въ мирѣ, ни въ противоположностяхъ. Оно состоитъ прежде всего въ отдѣленіи всего, что вошло въ общій моральный кодексъ и о чемъ нѣтъ рѣчи, и въ точномъ разграниченіи субъектовъ, чтобы не судить обо всѣхъ по какому-нибудь одному. Первая гарантія мира и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствія состоитъ въ томъ, чтобы провести согласіе возможно дальше: поступаая такъ, мы замѣчаемъ обыкновенно, что въ каждый моментъ мы гораздо меньше отдѣлены одинъ отъ другого, чѣмъ раньше предполагали.

Принявъ эти предосторожности, мы можемъ свободно взяться рѣшительно за все, что насъ раздѣляетъ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы мы были твердо намѣрены не оскорблять другихъ ради удовольствія, а достигнуть поставленной цѣли, чтобы идеи наши выражались мирно, а не воинственно и чтобы, останавливаясь, мы отдѣляли то, что дало намъ обсужденіе, для умноженія тѣхъ, что насъ соединяетъ, оставляя прочее для будущихъ споровъ.

И между противниками, уважающими, такимъ образомъ, другъ друга, истинное моральное единство, не исключющее наилучшаго, конечно, вполне осуществлено.

Если попытка наша, которую мы дѣлаемъ здѣсь, хороша, то, объединяя въ одно дѣло моральнаго дѣйствія самыя различныя мысли, она не можетъ не быть одушевленной этимъ духомъ.

Но сама по себѣ, будучи довольно новой въ средѣ моралистовъ, она не представляетъ собою, повторяю, какого-либо изобрѣтенія. Я вижу въ ней скорѣе подражаніе тому, что дѣлаетъ бессознательно большинство изъ насъ, серьезно обсуждая важный и точный предметъ, обобщеніе того, что мы дѣлаемъ всегда, когда, не видя неразрѣшимыхъ трудностей, ощущаемъ настоящую потребность въ дѣйствіи. Такимъ образомъ, она составляетъ полную противоположность тщетной суетливости, желаній дѣйствовать, остающихся одними только желаніями; она проникнута той великой, единственной вполне примирительной идеей, что если все исходитъ отъ дѣйствія, то все, въ свою очередь, должно приводить къ возвышенію его.

Условія моральнаго мира это вмѣстѣ съ тѣмъ условія простѣйшей

жизни; это всегда относительный, вѣчно измѣнчивый идеальный синтезъ чувства и идеи, традиціи и прогресса, прошлаго и будущаго. природы и человѣка; синтезъ этотъ мы приводимъ въ осуществленіе, когда, не довольствуясь сознаниемъ цѣнности дѣйствія или его опредѣленіемъ, мы дѣлаемъ больше, нѣчто болѣе истинное и болѣе скромное, когда мы дѣйствуемъ. Чувство, размышленіе прежде всего должны стать средствами, орудіями дѣйствія, но если они являются необходимыми вспомогательными средствами для того, кто дѣлаетъ изъ дѣйствія вѣчно подвижный матеріалъ и объектъ, то они не могутъ замѣнить дѣйствія; они не могутъ произвести его тамъ, гдѣ ихъ не употребляетъ для этого духъ. Поэтому, прежде всего необходимо, въ неограниченной степени, духъ дѣйствія. Если мы обладаемъ имъ вполнѣ, то мы съ избыткомъ приобретаемъ и моральный миръ.

IV.

Какъ ориентироваться въ нравственныхъ понятіяхъ нашей эпохи?

(Пасторъ Вагнеръ).

Во всякомъ обществѣ есть масса людей, которые остановились, не ждуть больше ничего, не надѣются уже ни на что и, поглощенные въ свои наслажденія или обремененные своими заботами, живутъ, какъ придется, изо дня въ день.

Одни изъ этихъ людей, не глядящихъ уже въ будущее, говорятъ: «послѣ насъ хоть потопъ!» Для другихъ, потопъ уже наступилъ и поглотилъ ихъ. Имъ имъ легионъ. Вопросъ, подобный тому, о которомъ пойдетъ рѣчь въ настоящей статьѣ, ихъ интересоватъ не можетъ.

Но существуетъ другой элементъ, численно болѣе слабый, но болѣе интересный своими влеченіями и горячо волнуемый вопросами будущаго. Онъ думаетъ, что міръ созданъ для продолжительнаго существованія. Онъ не удовлетворенъ, но и не пришелъ въ отчаяніе. Онъ считаетъ своимъ долгомъ не только думать о завтрашнемъ днѣ, но и готовить его.

Къ этому-то элементу и обращаемся мы.

Тотъ, кто глядитъ въ будущее, озабоченъ нашимъ нравственнымъ состояніемъ. Онъ открываетъ въ насъ неувѣренность въ руководящихъ принципахъ поведенія; нерѣшительность и растерянность въ сужденіи и въ дѣйствіи; однимъ словомъ, отсутствіе опредѣленности, многочисленные признаки котораго обнаруживаются въ частной жизни.

Эта растерянность, эта беспорядочность проявляются не только среди толпы, но, что еще тревожнѣе, и среди тѣхъ, которые по положенію своему должны указывать направленіе.

Наше нравственное состояніе имѣетъ довольно много сходства съ тѣмъ, которое охватываетъ солдатъ, попавшихъ во время похода въ сомнительную мѣстность. Въ воздухѣ носится нерѣшительность. Солдаты смотрятъ на начальниковъ, а начальники переглядываются между собою. Гдѣ мы? Не заблудились ли мы? Не лучше ли повернуть назадъ?

Гдѣ та неподвижная точка, по которой въ настоящее время человѣкъ могъ бы направлять свой путь, точка, подобная Сѣверу, отмѣчаемому звѣздой на небосклонѣ и компасомъ среди темныхъ ночей?

Вотъ о чемъ мы спрашиваемъ, и не безъ страха. Какъ всѣмъ, кто ищетъ пути или находится въ сомнѣніи, намъ приходится выслушивать людей, подающихъ совѣты. Многіе изъ нихъ согласно повторяютъ намъ

одно и то же. Ихъ мнѣніе и ихъ единоплеменныя производятъ впечатлѣніе на тѣхъ изъ насъ, которые нѣсколько склонны къ смущенію. Вотъ что заявляютъ они.

«Недугъ, которымъ вы страдаете, обязанъ своимъ происхожденіемъ современному порядку, въ корнѣ разрушающему всякую устойчивость. Порядокъ этотъ, характеризуемый свободой изслѣдованія и свободой обещанія, далъ, какъ результатъ, потерю всякой увѣренности и крушеніе всѣхъ опорныхъ точекъ.

Въ философіи, онъ разбилъ даже тѣ рамки, въ которыхъ двигалась мысль нашихъ предковъ.

Въ религіи, онъ разрушилъ самыя священныя вѣрованія. Въ соціальной области, онъ распатываетъ всѣ достигнутыя положенія и ставитъ подъ сомнѣнія самыя старинныя соглашенія.

Въ нравственности, онъ уничтожилъ всѣ тормазы, всѣ мудрыя границы, которыми вѣрившее въ авторитетъ прошлое сдерживало страсти; онъ разрушилъ руководящіе принципы человѣческаго поведенія».

Наконецъ, мнѣ приходится на память множество заявленій въ родѣ слѣдующаго: «Потребность въ сильномъ и постоянномъ авторитетѣ въ настоящее время преобладаетъ надъ всѣмъ. Наше время стремится установить или возстановить его; оно стремится къ нему такъ же, какъ потерпѣвшій крушеніе стремится выйти на твердую землю. Нуженъ твердый авторитетъ и при томъ такой, который могъ бы заставить уважать себя. Современный умъ лишенъ подобнаго авторитета. Задачи, выдвинутыя событиями и занимающія наше сознаніе, неразрѣшима либеральнымъ методомъ. Умъ нашъ представляетъ синонимъ беспорядка и полнѣйшей путаницы. Авторитарный *) методъ обезпечилъ бы не только легкое, но и изящное разрѣшеніе этихъ задачъ».

Вотъ каковъ совѣтъ. Надо признаться, что онъ подкупаетъ своей простотой. Но чего стоитъ онъ?

Людямъ, уставшимъ отъ извѣстнаго положенія вещей, свойственно охотно рѣшиться на перемѣну. Измѣнить положеніе—это значить, по ихъ мнѣнію, сдѣлать шагъ къ лучшему.

Не будемъ поддаваться столь ребяческимъ побужденіямъ. Станемъ лицомъ къ лицу съ задачей. Подвергнемъ ее той независимой критикѣ, которую обвиняютъ во всѣхъ нашихъ бѣдствіяхъ, но которую, по моему, вполне полезно будетъ примѣнить въ этомъ вопросѣ.

Итакъ, намъ совѣтуютъ возвратиться подъ опеку, порвать съ современнымъ духомъ и съ тѣмъ, что принято называть его злополучными заблужденіями. Въ этомъ, будто бы, спасеніе.

Увѣрены ли мы вполне въ этомъ? Если бы это было такъ, то нашлось бы достаточно легкое средство убѣдиться въ этомъ предварительно. Достаточно было бы узнать, какъ удался другимъ тотъ режимъ, который рекомендуютъ намъ.

Если авторитарная система способна устранить тотъ нравственный разбродъ, признаки котораго, повидимому, обнаруживаются среди насъ, то тѣ мѣста, въ которыхъ эта система процвѣтаетъ, должны быть оазисами нравственности. Со старыми вѣрованіями, съ старинными обычаями, съ политическимъ и духовнымъ абсолютизмомъ тамъ должны были сохраниться всѣ такъ называемыя древнія добродѣтели. И наоборотъ, страны, болѣе всего проникнутыя современнымъ демократическимъ и либераль-

*) Т. е. основанный на преклоненіи передъ авторитетомъ.

нымъ духомъ, представлять явленія соціального и нравственнаго разложенія, признаки глубокаго гніенія. Строгое слѣдствіе изъ подобнаго положенія вещей состояло бы въ томъ, чтобы показать намъ, что общества авторитарныя, закрытыя для того сбивающаго съ правильнаго пути прогресса, который мы пытаемся ввести у себя, что эти общества полны жизни и бодро идутъ по путямъ будущности, и что, напротивъ, тѣ общества, въ которыхъ царитъ современный духъ, парализованы своими пороками, лишены энергіи и инициативы и приведены къ состоянію застоя и очевидной слабости въ великой жизненной борьбѣ. Это значитъ, что Турція, Испанія и нѣсколько южно-американскихъ республикъ занимали бы первое мѣсто среди всѣхъ націй; а Англія, Сѣверная Америка, Швейцарія и нѣкоторыя другія страны опустились бы на самую послѣднюю ступень, служа грознымъ предзнаменованіемъ той участи, которая ожидаетъ Францію въ близкомъ будущемъ, если она упорно будетъ итти по пути либеральнаго демократизма.

Этотъ способъ разсужденія мнѣ кажется правильнымъ; но онъ вовсе не подкрѣпляетъ того совѣта, который намъ даютъ.

Обратимся теперь къ нашимъ историческимъ воспоминаніямъ. Совпадаютъ ли необходимо эпохи высокаго нравственнаго уровня съ авторитарными эпохами? Кто могъ бы утверждать это? Не такъ давно, въ началѣ XVIII вѣка, наша старая Европа знала времена глубокой нравственной смуты. А тогда республики не существовало. Не было рѣчи ни о демократіи, ни о свободѣ, ни о свѣтскихъ школахъ. Эта нравственная смута, о которой свидѣтельствуетъ сохранившаяся ея слѣды непристойная литература, свила себѣ гнѣздо, главнымъ образомъ, въ самыхъ консервативныхъ кругахъ.

Въ эпоху нѣсколько болѣе отдаленную, въ концѣ XVI вѣка, въ Европѣ господствовали такіе нравы, которые грозили вырожденіемъ. Въ особенности правящіе классы были до того глубоко поражены этой язвой разложенія, что, казалось, должны были прійти къ гибели. И однако, этотъ міръ, позволявшій себѣ столь странныя выходки въ своемъ поведеніи, ревниво оберегалъ древнія рамки жизни и вѣры. Всякая попытка свободно мыслить, освободиться отъ какого-либо стараго обычая или отъ старинной повинности вызывала въ немъ отвращеніе. Все это факты, вовсе не говорящіе въ пользу руководителей, предлагающихъ намъ свои услуги. Но не будемъ хвалиться этимъ. Предположимъ даже, что они вовсе не существуютъ. Наше положеніе критическое; сохранимъ соответствующее смиреніе. Намъ предлагаютъ средство исцѣленія: авторитетъ. Въ чемъ состоитъ этотъ авторитетъ?

Если я правильно понимаю, подъ этимъ понимаютъ неограниченную власть высшаго и непогрѣшимаго разрѣшенія всякихъ затрудненій. Превосходно. Гдѣ же искать намъ его, этотъ авторитетъ? Какъ создадимъ его вновь, если онъ случайно исчезнетъ?

Въ самомъ дѣлѣ, авторитетъ вѣдь пріобрѣтается и утрачивается. Какъ и все существующее, онъ подчиненъ законамъ эволюціи. Каково бы ни было вліяніе, оно не существовало всегда, и никто не можетъ надѣяться, разъ овладѣвъ имъ, сохранить его на неопредѣленное время. Идеи, люди, учрежденія пріобрѣтаютъ авторитетъ такъ же, какъ пріобрѣтается состояніе, и точно такъ же теряютъ его. То, что въ извѣстную эпоху пользуется всеобщимъ авторитетомъ и признается всѣми, ранѣе было неизвѣстно, а иногда даже и презираемо. Послѣ жизни пролетарія—простолоудина пришла достаточность, извѣстность, сытое существованіе буржуа-домовладѣльца, а затѣмъ дворянство, высшія почести. Когда же вер-

шина была достигнута, то, по закону всего существующаго, снова начался спускъ подъ гору.

Авторитетъ, подобный тому, о которомъ намъ говорятъ, существовалъ въ свое время вездѣ. Гдѣ онъ среди насъ теперь? Достаточно ли облечь имъ человѣка или общественную группу, чтобы онъ сталъ живымъ и дѣйствительнымъ фактомъ? Внимательно изучая его, можно открыть въ немъ двойной базисъ. Онъ покоится на вѣрѣ того, кто имъ пользуется, и на вѣрѣ людей, принимающихъ его. Чтобы идти не спотыкаясь, внушать уваженіе, побуждать препятствіе, сокрушать сопротивленія, чтобы умѣло владѣть двойною властью матеріальнаго и духовнаго господства, авторитетъ долженъ быть увѣренъ въ самомъ себѣ, въ своей высшей сущности и въ то же время долженъ глубоко корениться въ сердцахъ, подчиняющихся ему, и составлять первый и послѣдній членъ ихъ символа вѣры, самую сущность ихъ мысли.

Мы можемъ возстановить образъ этого авторитета при помощи памяти. Онъ былъ и болѣе уже не существуетъ.

Его двойная основа разрушена. Никто въ него уже не вѣритъ: ни тѣ, кто испытываетъ на себѣ его дѣйствіе, ни тѣ, кто пытается вернуть ему его преобладающее вліяніе. Вотъ доказательство этого:

Истинный авторитетъ, отъ котораго мы встрѣчаемъ остатки, похожіе на скелеты гигантскихъ допотопныхъ млекопитающихъ, проявлялся подобно природной силѣ. Онъ проходилъ, словно волна или ураганъ, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, никого не привѣтствуя, въ спокойной увѣренности своего превосходства. Ему довольно было показаться, чтобы приобрести власть. *Quia nominor leo* (ибо имя мое—левъ), въ этомъ было вся его мудрость.

Теперь дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Онъ не вѣритъ болѣе въ самого себя, и чувство собственнаго ничтожества снѣдаетъ его. Подъ самонадѣянностью его заявленій сквозитъ полнѣйшая неувѣренность.

Если бы его власть равнялась его притязаніямъ, то развѣ бы онъ искалъ, какъ мы это видимъ, одно за другимъ столько вспомогательныхъ средствъ, развѣ онъ заключалъ бы столько союзовъ и пригомъ въ большинствѣ случаевъ союзовъ для него унижительныхъ, развѣ онъ прибѣгалъ бы къ хитрости, къ подкупу, развѣ онъ обращался бы къ самымъ низменнымъ страстямъ и интересамъ, наконецъ, развѣ онъ соглашался бы на какія-угодно уступки, лишь бы только ему позволили существовать? Эготъ гордый авторитетъ, который нѣкогда входилъ лишь въ настежь растворенныя двери, шелъ лишь по царственнымъ путямъ, теперь не выбираетъ уже дорогъ: нѣтъ ни одной подворотни, ни одной обходной тропинки, по которой онъ не влачилъ бы въ наши дни остатки своего былого величія.

Когда онъ можетъ обезпечить себѣ содѣйствіе со стороны Силы, онъ лгуется и воображаетъ, что принужденіемъ онъ сможетъ добиться того, на что не соглашаются уже ни по влеченію, ни подъ вліяніемъ убѣжденія, и онъ вводитъ насъ въ обманъ. Многіе изъ нашихъ современниковъ дали, дѣйствительно, ввести себя въ обманъ такимъ грубымъ приемомъ. Они смѣшиваютъ авторитетъ съ силою, и страхъ для нихъ замѣняетъ вѣру. Но это признакъ низменной души и жалкаго ослѣпленія.

Для тѣхъ, кто не слѣпъ, авторитетъ, который нуждается въ силѣ для того, чтобы заставить признавать себя, тѣмъ самымъ выдаетъ себя самому краснорѣчивое свидѣтельство о бѣдности. Въ этомъ случаѣ онъ уже не что иное, какъ тираннія, эта отвратительнѣйшая форма власти. Древніе называли его выразительнымъ словомъ: безсиліе.

Существуетъ формула, имѣвшая первостепенное значеніе въ наше

время. Она стала какъ бы девизомъ авторитарнаго духа: «Сила *подавляетъ* Право» *). Нѣкоторые видѣли въ этой формулѣ, воздвигнутой, какъ памятникъ реакціи въ срединѣ XIX вѣка, печальный символъ пораженій духа. Увы! они правы въ томъ смыслѣ, что миллионы и миллионы существъ повергались въ прахъ передъ подобнымъ заявленіемъ и изъ людей, рожденныхъ для свободы, превратились въ поклонниковъ силы.

И однако, формула эта—*признаніе*. Для того, чтобы авторитетъ оставался за Силою, Сила должна быть слѣпа и глуха, безразсудна и безчувственна. Но когда глаза ея раскрываются, когда она замѣчаетъ передъ собою нѣчто новое и поразительное, Право, безоружное Право, и идетъ на своего противника, называя его, крича ему... «*Я сильнѣе тебя*», въ этотъ моментъ она встрѣтила и привѣтствовала своего господина.

И Сила это хорошо чувствуетъ. Именно для того, чтобы забыться самой, она не перестаетъ внушать своимъ рабамъ свой лживый девизъ. Но она не вѣритъ въ него. И въ этомъ одно изъ лучшихъ доказательствъ того, какъ полно наше время странностями и противорѣчійми.

Никогда, ни въ одну эпоху, не имѣла Сила въ своемъ распоряженіи столь страшнаго орудія. Наука вложила въ ея руки снаряды, передъ которыми всѣ прежнія оружія — дѣтскія игрушки. Но она уже лишь тѣнь самой себя и походитъ на тѣхъ старыхъ воякъ, которые не въ силахъ болѣе поднять своего оружія. Сила стыдится себя, кто не видитъ этого? Она не можетъ обойтись безъ того самаго Права, которому, какъ мы видимъ, она передъ лицомъ всего свѣта, бросаетъ вызовъ. Она подыскиваетъ извиненія, подходящіе мотивы, ищетъ поддержки въ общественномъ мнѣніи. Когда она предоставлена самой себѣ, ее охватываетъ страхъ. Страхъ передъ тѣмъ? Передъ тѣмъ, что невидимо и не осязаемо, чего нельзя ни разстрѣлять, ни зарубить, ни стереть съ лица земли, ни заключить въ тюрьму, передъ тѣмъ могуществомъ, противъ котораго сила недействительна: она боится духа. Всякое физическое могущество въ наши дни чувствуетъ, что его авторитетъ подорванъ. Воли къ насиліямъ у него достаточно. Оно охотно раздавило бы всѣхъ, кто ему противорѣчитъ, разрубило бы гордіевъ узелъ, бросило бы мечъ на чашку вѣсовъ, но предварительно оно пытается заставить повѣрить, что оно имѣетъ право дѣйствовать такимъ образомъ; ибо оно хорошо знаетъ, и каждый день подтверждаетъ это, что удары авторитета, опирающіеся на одну лишь силу, всегда приводятъ къ пораженіямъ. Вотъ что представляетъ собою авторитетъ въ его грубой формѣ. И тѣмъ, кто видитъ въ немъ спасеніе, мы можемъ сказать: вашъ спаситель значительно потерялъ свою силу. Къ нему можно было бы примѣнить изреченіе: «врачу, исцѣлился самъ». Если бы у насъ былъ только онъ одинъ, чтобы излѣчить насъ отъ того недуга, которымъ мы страдаемъ, мы бы погибли. Грубый авторитетъ по существу своему безнравствененъ и не можетъ создавать нравственности. Онъ годится для того, чтобы создавать рабскіе права. Но, воспитывая слѣпую покорность, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно готовится для себя въ скоромъ времени возстанія рабовъ, еще болѣе слѣпыхъ, тѣмъ ихъ покорность.

Но перейдемъ къ авторитету въ его благородной формѣ, къ авторитету духовному, къ тому, что называютъ властью надъ умами.

Чтобы навязать неизмѣнное міропониманіе, древній авторитетъ окружалъ себя категорическими утвержденіями. Онъ заключался въ книгѣ, въ преданіи или въ группѣ людей. Имъ вѣрили на слово. Иногда

*) Слова Бисмарка: «Сила *выше* права».

они подкрѣпляли свои заявленія тѣмъ, что приводили въ подтвержденіе чуда.

Не говоря о злоупотребленіяхъ этимъ авторитетомъ, такъ какъ злоупотребленіе ничего не показываетъ противъ пользованія ими, я напомню только тѣ приемы, которые онъ употребляетъ, когда пытается теперь оказывать дѣйствительное вліяніе на умы. Сразу же меня поражаетъ одно обстоятельство. Наибольше почтенные изъ тѣхъ, кто пользуется подобнымъ видомъ авторитета, освященнаго возрастомъ и уваженіемъ, стараются оправдаться передъ мнѣніемъ тѣхъ, къ которымъ они обращаются. Они не довольствуются простыми утвержденіями, они входятъ въ обсужденіе, приводятъ аргументы. Они не отказываются ни отъ своихъ притязаній, ни отъ своихъ чудесъ. Но вмѣсто того, чтобы, какъ въ былое время, основывать свои разсужденія на этихъ притязаніяхъ и на этихъ чудесахъ, они пытаются обосновать эти послѣдніе разсужденіемъ. Они хорошо чувствуютъ, что то, что нѣкогда служило доказательствомъ, нынѣ должно быть прежде всего доказано. Обсуждая это знаменательное явленіе, приходится вывести слѣдующее заключеніе:

Мы имѣемъ здѣсь передъ собою авторитетъ, авторитетъ разума, передъ которымъ старается оправдаться поочередно все то, что пользовалось авторитетомъ въ духовномъ мірѣ. Но развѣ это не единственный авторитетъ, признаваемый современнымъ разумомъ въ томъ, что у него есть самага возвышеннаго? И такъ, силою вещей, оказывается, что этотъ авторитетъ медленно развѣнчалъ всѣ прочіе. Волей неволей приходятъ они теперь къ нему за утвержденіемъ. Дѣйствительно прочнымъ останется у нихъ лишь то, что они будутъ въ состояніи оправдать передъ нимъ. Такимъ образомъ, мы присутствуемъ при необыкновенной, величественной борьбѣ: съ одной стороны, передающееся на всѣ области идеи и факта авторитарное давленіе, проявленія котораго наполняютъ собою весь видимый міръ, съ другой стороны, медленное, но глубокое разрушеніе самага принципа внѣшняго авторитета, производимое прогрессомъ принципа авторитета внутренняго.

Я спрашиваю теперь тѣхъ, кто подаетъ совѣты, подобные только что упомянутому: какъ можете вы рекомендовать намъ пережившій себя родъ авторитета? предлагать намъ то, что болѣе не существуетъ и убѣждать насъ отбросить, какъ недостойное и опасное орудіе, единственную вещь въ мірѣ, которая осталась непоколебленной, и безъ которой не можетъ обойтись никто, даже вы?

О, безъ сомнѣнія, намъ нужна точка опоры, чтобы разобраться и выйти изъ состоянія анархіи; но эта точка опоры въ разумѣ и въ совѣсти, этихъ вѣчныхъ источникахъ и нормахъ всякаго прочнаго авторитета, основахъ человѣческаго духа, краугольныхъ камняхъ современнаго идеала.

Когда намъ говорятъ, что этотъ идеаль завелъ насъ въ болото, подобно блуждающему огоньку, намъ дѣлаютъ слишкомъ много чести. Намъ считаютъ при этомъ людьми, которые слѣдуютъ ему и сообразуютъ съ нимъ свои поступки.

Такъ ли это дѣйствительно? Я думаю скорѣе, что нѣтъ. Была ли когда-нибудь эпоха, стоявшая въ болѣе рѣзкомъ противорѣчьи со своими принципами, нежели наша?

Развѣ демократія, свобода, элементарные законы разума и справедливости вошли въ число нашихъ обычныхъ правилъ? Кто осмѣлился бы утверждать это? Не достаточно ли обрисовать въ главныхъ чертахъ современный идеаль, чтобы знать, въ какихъ пунктахъ онъ расходится съ нашимъ образомъ дѣйствія? Этотъ идеаль, который въ области мысли, какъ

и въ области дѣйствія, могъ бы быть опредѣленъ однимъ лишь словомъ: *Справедливость*.

Нѣтъ, бѣда наша не въ томъ, что мы отбросили устарѣлую форму авторитета; и я подозреваю, что тѣ, кто ссылаются на нее и предлагаютъ ее намъ, желаютъ ее больше для того, чтобы обуздать своихъ противниковъ, чѣмъ для того, чтобы найти въ ней узду для самихъ себя.

Бѣда наша въ томъ, что мы измѣнили собственнымъ нашимъ принципамъ. Всѣ недуги, которыми страдаетъ современная жизнь, происходятъ отъ нарушенія того или другого простого, но глубокаго закона. Насъ губятъ наша лживость, наше лицемеріе, наша неводержимость, наши слишкомъ поспѣшныя заключенія, наше злоупотребленіе свободой, забвеніе законовъ солидарности, поруганіе правъ личности или игнорированіе общаго интереса надъ всѣмъ этимъ—недостатокъ твердости, который происходитъ отъ того, что мы покинули вѣрный путь разума и совѣсти и пошли по извилистымъ и неопредѣленнымъ тропинкамъ мимолетныхъ страстей, низшихъ инстинктовъ. Съ нами случилось то же, что бываетъ съ судами безъ балласта: они плохо держатся въ морѣ и теряютъ равновѣсіе при первомъ напорѣ волны. Конечно, мы шли дурными путями, мы должны поставить себѣ цѣль и преслѣдовать ее настойчиво, но поворотъ, котораго требуетъ положеніе, не тотъ, котораго ожидаютъ отъ насъ борники авторитета стараго стиля: поворотъ этотъ другой, и они нуждаются въ немъ такъ же сильно, какъ и мы сами, это поворотъ къ разуму и совѣсти, поворотъ къ законамъ истинной жизни.

Говоря о *разумѣ и совѣсти*, какъ о надежныхъ отправныхъ пунктахъ для внушенія поведенія и руководства имъ, нужно ожидать серьезныхъ возраженій, требующихъ всего нашего вниманія.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ возраженій: «Чтобы ориентироваться, нужна неподвижная точка отправленія. Ее можно найти во внѣшнемъ авторитетѣ, но ни въ коемъ случаѣ не въ себѣ. Личность слишкомъ подвержена измѣненіямъ и не способна служить проводникомъ для себя самой. Ея неувѣренный шагъ нуждается въ поддержкѣ извнѣ. Подобно человѣку, который шатается или теряетъ равновѣсіе, она инстинктивно хватается рукой за внѣшнюю точку опоры. Она чувствуетъ, что спасеніе не въ ней, и она тысячу разъ права. Ориентироваться по личному разуму—это значитъ ориентироваться по флюгеру».

Таково ходячее мнѣніе. Къ этому любятъ прибавлять: «Разумъ—узкій и пристрастный судья каждаго, непостоянный, капризный и слабый, какъ онъ самъ». Возраженіе это, надо признаться, сильное. Оно заключаетъ въ себѣ лишь ту ошибку, что несправедливо прилагаетъ къ разуму и его цѣнности общее сужденіе.

Ничто такъ сильно не отличается отъ разума, какъ то, что критикуютъ здѣсь передъ нами подъ этимъ именемъ. Между этими вещами столько же соответствія, какъ между созвѣздіемъ Большой Медвѣдицы и самкой четвероногаго того же названія.

— Нужно, слѣдовательно объясниться, чтобы устранить недоразумѣнія.

Разумъ—не то, что человѣкъ думаетъ, потому что желаетъ такъ думать, послѣ удачныхъ предварительныхъ размышленій и комбинацій: это скорѣе нѣчто въ родѣ жонглированія своей способностью сужденія, выдѣлыванія ею акробатическихъ фокусовъ. Разумъ же это—то, чего нельзя заставить себя не думать, независимо отъ себя, передъ лицомъ факта, будетъ ли этотъ фактъ за или противъ насъ.

Разумъ, далѣе, не только логическая способность, интеллектъ: это—

совокупность всѣхъ свѣточей, находящихся въ распоряженіи человѣка, вся сумма его средствъ познанія. Видѣть разумъ лишь въ томъ, что доказуемо извѣстнымъ, математическимъ или механическимъ способомъ, это значить произвольно ограничивать всю его область одной изъ ея частей. Вѣдь есть превосходныя основанія допускать, что міръ обширнѣе того, что въ немъ видимъ и воспринимаемъ. Слѣдовательно, чувство таинственнаго представляетъ собою одно изъ проявленій разума, который предвидитъ и предчувствуетъ то, что переходитъ за его предѣлы.

Разуму ставится также въ упрекъ то, что онъ слишкомъ индивидуалистиченъ, способствуетъ разобщенію, и въ видѣ примѣра приводятъ резонеровъ, которые спорятъ и изыскиваютъ всевозможныя тонкости, всякій разъ, какъ имъ предлагаютъ преклониться передъ общимъ закономъ.

На это нужно отвѣтить, что если кто дѣлаетъ изъ своего разума также употребленіе, которое изолируетъ, выдѣляетъ его, дѣлаетъ его неспособнымъ къ дисциплинѣ, то виноватъ онъ, а не разумъ. Ибо разумъ не индивидуальная сила. Человѣкъ—не господинъ надъ нимъ, хотя и носить его въ себѣ. Онъ составляетъ не его личную, а общую собственность. Онъ не образуетъ узкой и ненавистой опоры индивидуализма низшаго разбора, по существу своему сектантскаго, направленаго къ исключительности и эгоизму. Напротивъ, онъ составляетъ самую широкую основу для соглашеній, какую только можно установить. Слѣдуя ей, люди становятся выше почти всего того, что ихъ раздѣляетъ.

Бѣдный разумъ! Въ какихъ только преступленіяхъ его не обвиняли? Какъ на него нападаютъ, какъ его осмѣиваютъ въ настоящее время! Всякій бросаетъ въ него камень. То же нужно сказать и о совѣсти, этой моральной формѣ разума. Для нѣкоторыхъ, имѣть совѣсть это значить быть бунтовщикомъ, обратиться въ постороннее тѣло въ обществѣ. Насъ предупреждаютъ не довѣрять совѣсти, какъ капризному и пристрастному совѣтнику.

Совѣсть, слышимъ мы, да вѣдь это такая вещь, которая меньше всего въ мірѣ создана для того, чтобы руководить нами. Это почти всегда сомнительное и пристрастное мнѣніе cadaго о своихъ поступкахъ. Это его соучастница, жалкій прирученный фетишъ, раболѣпный оракулъ, постоянно оправдывающій своего господина.

Какъ мало всѣ эти нападки попадаютъ въ цѣль!

Совѣсть это не то легкомысленное мнѣніе, которое намъ случается формулировать и часто приноравливать ко вкусу другихъ, это не та растяжимая норма, которую мы прилагаемъ по нашему желанію. Напротивъ, это судъ, который выше насъ и которому мы подлежимъ, независимо отъ нашей воли. Такъ, одинъ только-что смылъ съ себя обвиненіе и увѣрилъ другихъ въ своей невинности, отлично зная, что онъ лжетъ; но, оставшись наединѣ съ самимъ собой, онъ слышитъ голосъ, называющій его лжецомъ.

Другой оскорбляетъ и обвиняетъ публично человѣка, котораго ему выгодно загрязнить, и тѣ, кто его слышитъ, вѣрятъ ему на слово. Одинъ лишь онъ не вѣритъ ни единому слову изъ того, что онъ говоритъ, такъ какъ онъ не можетъ вѣрить. Его совѣсть преклоняется передъ тѣмъ, кого онъ старается обезчестить. Нѣтъ, совѣсть не въ нашемъ распоряженіи, она господствуетъ надъ нами.

Если разумъ—фактъ, который я не могу отрицать, то совѣсть это—судъ, которому я скорѣе подлежу самъ, чѣмъ творю его. И тотъ и другая одинаково находятся на самой глубинѣ нашего существа и не зависятъ отъ насъ.

Разумъ и совѣсть составляютъ то, что есть въ индивидуѣ свободнаго

отъ личнаго характера, самаго всеобщаго и истинно-объективнаго, въ точномъ смыслѣ этого послѣдняго слова.

Наконецъ, если мы не хотимъ слѣдовать имъ, чему же будемъ мы слѣдовать тогда? Даже для того, чтобы убѣдить насъ слѣдовать другимъ путемъ, направить насъ туда, нужно было бы черезъ ихъ же посредничество. Ихъ нельзя ни развѣнчать, ни смѣстить. Такъ же легко было сдвинуть горы или сорвать съ неба звѣзды.

Стараться слѣдовать разуму это значитъ быть на пути къ истинѣ.

Стараться слѣдовать совѣсти (которая есть не что иное, какъ разумъ въ его приложеніи къ качеству нашихъ дѣйствій) это значитъ быть на пути къ справедливости.

Одинъ—правило мышленія; другая—правило дѣйствія.

Разсмотримъ ихъ послѣдовательно. Правило мышленія состоитъ въ примѣненіи всѣхъ своихъ познавательныхъ средствъ къ тому, чтобы итти отъ того, что кажется болѣе достовѣрнымъ, къ менѣе достовѣрному, не пренебрегая ни однимъ фактомъ, ни одной формой опыта; въ томъ, чтобы никогда не заключать о подробностяхъ безъ достаточныхъ мотивовъ, и, въ общемъ, избѣгать замкнутыхъ системъ, закрывающихъ доступъ всякимъ новымъ свѣдѣніямъ. Не останавливать своихъ изслѣдованій на природѣ, на человѣкѣ, ни на одномъ изъ великихъ вопросовъ, господствующихъ надъ жизнью. Не заполнять бездны безконечности и никогда не забывать, что вселенная больше, чѣмъ идея, которую мы въ состояніи составить себѣ о ней. Не открывать сообщеній съ мыслью другихъ, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, въ особенности съ мыслью противниковъ. Дѣйствительность имѣетъ больше видовъ, чѣмъ каждый изъ насъ можетъ замѣтить. Мы созданы для того, чтобы пополнять другъ друга.—Изъ этого свободаго, безпристрастнаго изслѣдованія вытекаютъ искреннія убѣжденія. Эти убѣжденія никогда не бываютъ исключительными. Самый методъ, какимъ они добываются, заставляетъ насъ допустить, что и другія убѣжденія могутъ пользоваться независимостью, не теряя въ искренности. Пройдя за время исканій черезъ различныя, иногда даже противоположныя состоянія духа, мы допускаемъ ихъ и у другихъ людей. Мы находимъ ихъ неизбѣжными и хорошими. Путь свободныхъ убѣжденій это—путь терпимости, этой одной изъ необходимыхъ гарантій истины, которая можетъ быть осуществлена лишь усиліями коллективнаго разума и свободными проявленіями самыхъ различныхъ стремленій.

А вотъ правило-дѣйствія: законъ, управляющій существомъ, вытекаетъ изъ всей его природы. Вся практическая мораль выражается такой формулой: человѣкъ долженъ быть человѣкомъ, а не мокрой курицей, лисой, змѣей, осломъ или поросенкомъ. Слѣдуя этому принципу, мы не лишимся и не поранимъ ни одной части нашего сустава; мы будемъ жить не исключительно однимъ только аппетитомъ, либо страстью, чувствомъ, умомъ, не какимъ-либо ограниченнымъ интересомъ, а гармоническимъ интересомъ ко всему тому, что въ насъ есть, чтобы каждая часть нашего существа находила тамъ свое примѣненіе и занимала опредѣленное, предназначенное ей мѣсто.

Всякое поведеніе, нарушающее человѣческое равновѣсіе, безнравственно. Нормальная, полная эволюція—вотъ истинная, хорошая жизнь.

Она не можетъ состоять въ торжествѣ личности надъ социальнымъ тѣломъ. Ни личность, ни социальное тѣло не существуютъ сами по себѣ: взятая въ отдѣльности она представляетъ отвѣченность. Жизнь ихъ не знаетъ. Дѣйствительность обнаруживаетъ ихъ передъ нами въ тѣсномъ соединеніи. Ихъ интересы, слѣдовательно, связаны между собою. Внецѣ всего—это социальная братская личность, разсматриваемая и воспитываемая

мая въ своемъ неразрывномъ единеніи съ цѣлымъ, которое, съ своей стороны, обращаетъ и уважаетъ себя, уважая личность.

Вотъ что представляютъ собою оба основные правила человѣка: они составляютъ вмѣстѣ одинъ и тотъ же законъ, высшій руководящій принципъ, послѣдній авторитетъ.

Попробуемъ теперь показать преимущество ориентированія по подобному методу.

Вотъ первое преимущество, специально относящееся къ нравственной жизни:

Одинъ изъ слабыхъ пунктовъ мнѣнія нашего времени, впрочемъ, не только нашего, но всѣхъ временъ, состоитъ въ томъ, что нравственный законъ принимается за человѣческое изобрѣтеніе, за своего рода уставъ, въ которомъ соглашеніе и произволъ играютъ большую роль. При такомъ взглядѣ на него компетенція его оказывается уже недостаточной. Кто поэтому можетъ навязывать другимъ то или другое направленіе поведенія?

Аналогичная ошибка заключается во взглядѣ на нравственный законъ, какъ на самодержавное велѣніе божественнаго монарха, соизволеніе котораго замѣняетъ собою высшій законъ.

Въ обоихъ случаяхъ нравственности не достаетъ, въ нашихъ глазахъ, прочнаго основанія. Не видно ея связи съ жизнью. Она вызываетъ въ насъ духъ критики. Мы не вполне понимаемъ, почему одно требуется предпочтительно передъ другимъ. Если мы должны допустить, что то или другое хорошо потому, что оно велѣно, то всякое велѣніе, идущее свыше, хорошо, даже если бы оно на завтра повелѣвало бы противоположное тому, что приказывало наканунѣ. Что-то такое въ насъ возмущается противъ этого взгляда.

Положеніе совершенно мѣняется, если нравственность представляется намъ тѣмъ, что она есть въ дѣйствительности, то есть, толкованіемъ самихъ законовъ жизни, такой, какъ ее создаетъ Богъ, толкованіемъ, подвергающимся непрерывнымъ поправкамъ, чтобы лучше отвѣчать своему предмету. Повелѣніе, руководящее нами и обязывающее насъ, не исходитъ ни отъ доброй воли одного человѣка или коллективности, ни даже отъ соизволенія какого-либо божественнаго властителя, нѣсколько чуждаго нашихъ дѣлъ,—оно вытекаетъ изъ природы вещей, изъ сущности бытія. Каждый формулированный законъ, каждое полученное повелѣніе встрѣчается въ насъ своей близкій отзвукъ.

При такомъ пониманіи нравственнаго закона, онъ—не въ отвлеченности и не въ произволѣ, а въ реальномъ и необходимомъ. И въ этой формѣ онъ безконечно ближе къ намъ и несравненно сильнѣе. Не думайте, что это можетъ отнять у него его престижъ среди людей и, въ особенности, его религіозный характеръ. Для религіозной души онъ становится тѣмъ неписаннымъ закономъ, о которомъ говорятъ Софокль, пророки, Св. Павелъ, и который предшествуетъ всякому другому закону и превышаетъ его. Онъ является всегда новымъ, сохраняющимся во всѣхъ самыхъ различныхъ внѣшнихъ проявленіяхъ, выраженіемъ вѣчно-дѣятельнаго духа, скрытаго въ глубинѣ вещей; онъ представляетъ собой непрерывно возобновляющееся внутри насъ побужденіе жить достойнымъ насъ и его образомъ.

Въ этой формѣ, ничего не теряя въ своей силѣ, онъ теряетъ въ своей неподатливости. Онъ представляется намъ не препятствіемъ для нашего развитія, дѣйствующимъ, главнымъ образомъ, посредствомъ отрицаній, запрещеній, ограниченій, подобно тѣмъ садовникамъ-палачамъ, которые насилуютъ природу и заставляютъ деревья принимать формы гео-

метрическихъ фигуръ или животныхъ. Онъ служитъ внутреннимъ импульсомъ, толкающимъ насъ къ гармоничному развитію, къ расцвѣту.

Человѣкъ, признающій законъ авторитета, дѣйствуетъ какъ бы изъ-подъ палки, между тѣмъ какъ поступки человѣка, признающаго внутренній законъ, вполне самостоятельны, ибо они исходятъ изъ центра его намѣреній. Человѣка, подчиняющагося внѣшнему авторитету, можно сравнить еще съ буксирею баркой, съ вагономъ, который двигается лишь тогда, когда прицѣпленъ къ паровозу. Его сила не въ немъ. Можно почти сказать, что его совѣсть обитаетъ не тамъ, гдѣ онъ самъ. Неудобство такого положенія очевидно. Бываютъ моменты, когда спѣшность рѣшеній, требуемыхъ обстоятельствами, не оставляетъ времени для того, чтобы пойти справиться о мнѣніи, какъ идутъ справляться о времени по башеннымъ часамъ. Вѣрнѣе имѣть совѣсть всегда съ собой.

Этотъ родъ ориентированія по разуму и совѣсти имѣетъ еще другое преимущество, на этотъ разъ социальное. Онъ объединяетъ намѣренія людей. Смыслъ существованія толкуется людьми различно. Моральныя системы образуютъ безконечно разнообразную форму. Если смотрѣть на всѣ эти цвѣты только съ внѣшней стороны, то кажется, будто между ними нѣтъ никакой связи. Но подобно тому, какъ между самыми несходными растеніями есть общее—корень, почва, климатъ, такъ и самыя разнородныя системы имѣютъ общія черты. Теорія открываетъ передъ нами самыя разнообразныя возможности: практическая необходимость сводитъ ихъ къ нѣсколькимъ существеннымъ и общимъ пунктамъ. Мы можемъ создавать себѣ какія-угодно идеи, иногда совершенно несходныя и даже противорѣчивыя: когда доходить до дѣла, мы быстро замѣчаемъ, что не такъ ужъ много есть способовъ устраиваться на практикѣ и дѣлать долговѣчное и стоящее дѣло. Условія, въ которыхъ мы прилагаемъ свои силы, средства, которыми мы работаемъ, аналогія среды и существъ возстановляютъ извѣстное единство. Разными путями мы постоянно приходимъ къ однѣмъ и тѣмъ же задачамъ, которыя нужно разрѣшить тѣми же средствами, при тѣхъ же трудностяхъ.

Различныя моральныя системы можно, пожалуй, сравнить съ дробями, весьма несходными между собою. Практика беретъ на себя дѣло приведенія ихъ къ одному знаменателю.

Ориентируясь по разуму и совѣсти, мы застрахованы отъ пренебреженія тѣми уроками единенія, которые преподаетъ жизнь; мы тщательно собираемъ ихъ, какъ многочисленные залого мира.

Мы не попадаемъ въ категорію людей, которые, считая существующія между ними различія неустранимыми, обращаются другъ къ другу только за тѣмъ, чтобы объявить: «Между вами и нами нѣтъ ничего общаго».

Наше время страдаетъ нравственнымъ разбродомъ и социальной раздробленностью, такъ какъ оно ориентируется по тому, что раздѣляетъ людей. Мы руководимся аппетитами и интересами, либо теоріями, пропитанными духомъ исключительности, и враждебными другъ другу вѣрованіями, представляющимися въ видѣ безчисленныхъ неприступныхъ скалъ. Въ результатъ—дробленіе до безконечности. Дѣйствительно, интересы и аппетиты порождаютъ разногласія, а сектантскій духъ усугубляетъ ихъ, возводя раздѣленіе на высоту принципа.

Благодаря такого рода поведенію, та карриатура человѣческой личности, та низшая личность, которая живетъ въ каждомъ изъ насъ, или, что въ сущности одно и то же, коллективная личность, представленная большой или малой группой одинаково мыслящихъ, играетъ преобладаю-

щую роль. Торжество на сторонѣ тупого, низкаго индивидуализма: сосѣдь—врагъ; противникъ—значить шарлатанъ, вредный звѣрь, съ которымъ одна расправа—смерть.

Тутъ я могъ бы привести примѣры, взятые среди насъ. Но они направили бы вниманіе на слишкомъ животрепещущія темы и тѣмъ самымъ отклонили бы его съ правильного пути. Поэтому, обратимся за примѣрами нѣсколько дальше, чтобы рассмотреть ихъ съ большимъ спокойствіемъ.

Недавно глава одного могущественнаго государства сравнилъ себя съ садовникомъ, который ухаживаетъ за національнымъ деревомъ и уничтожаетъ на немъ гусеницъ. Подъ гусеницами онъ, очевидно, подразумѣвалъ социалистовъ. Но эти послѣдніе, въ свою очередь, также принимаютъ участіе въ уничтоженіи гусеницъ, я убѣжденъ, что по ихъ скромному мнѣнію, одна изъ наиболѣе вредныхъ для дерева гусеницъ, уничтоженіе которой было бы весьма полезно, это—самъ садовникъ.

Вотъ куда приводятъ исключительныя и абсолютныя понятія. Съ ними каждый навѣрное представляетъ для кого-либо гусеницу.

Подобныя принципы раздробляютъ социальное тѣло. Общества уже нѣтъ, а есть какая-то социальная пыль, предоставляемая на волю судьбы и капризныхъ вѣтровъ, которые разносятъ ее куда-угодно. Возьмемъ за путеводную нить то, что объединяетъ людей и развиваетъ въ нихъ общительность, а не то, что ожесточаетъ ихъ личность до того, что они ошתיиваются и не допускаютъ прикосновенія, подобно дикообразу. А общій элементъ по преимуществу, настоящая основа семейнаго согласія между всѣми членами человѣчества это—разумъ и совѣсть.

Они дѣлаютъ насъ способными не только къ единенію, но и къ дисциплинѣ. Человѣкъ, повинующійся велѣніямъ внутренняго голоса, лучше другихъ, въ случаѣ нужды, умѣетъ понимать и уважать всякое другое повелѣніе, такъ какъ онъ усваиваетъ его духъ. Онъ знаетъ, что въ известныхъ случаяхъ повиновеніе строжайшему приказанію составляетъ высшій актъ свободы. Онъ дѣйствуетъ не какъ животное, не какъ автоматъ, но какъ свободный слуга долга. Просвѣщенная энергія десятка людей, связанныхъ между собой этимъ сознательнымъ повиновеніемъ, имѣетъ больше цѣны и способна произвести большее дѣйствіе, чѣмъ искусственная сплоченность стада, объединеннаго суевѣріемъ, страхомъ или рутинной.

Кто способенъ такъ повиноваться, тотъ способенъ и повелѣвать. Жалуются, что мы не умѣемъ болѣе дѣлать ни того ни другого. Дайте намъ людей разума и совѣсти, и мы вновь обрѣтемъ утерянный секретъ истиннаго уваженія и законной власти. Только тѣ могутъ требовать и достигать подчиненія со стороны другихъ, которые сперва сами преклонились передъ внутреннимъ закономъ и первые подали примѣръ требуемаго ими повиновенія. Они свободны отъ того упрека, котораго не можетъ избѣжать ни одинъ внѣшній авторитетъ: ихъ нельзя упрекнуть въ томъ, что они взыскиваютъ на другихъ тяжкое бремя, котораго сами не касаются даже пальцемъ. Напротивъ, сами неся свою ношу, они убѣждаютъ и другихъ въ свою очередь взять на свои плечи такую же ношу. Такимъ людямъ повинуются не по принужденію, а съ той радостью самопожертвованія, которой они полны и которой они умѣютъ заражать другихъ.

Эта самая способность крѣпко объединяться въ общей цѣли предназначаетъ людей разума и совѣсти для того, чтобы поддерживать и воспитывать традиціи. Здѣсь мы касаемся одной изъ самыхъ щекотливыхъ деликатныхъ и самыхъ трудныхъ социальныхъ функцій.

Кто, въ самомъ дѣлѣ, говоритъ намъ, что для увѣковѣченія традицій,

необходимъ раболѣпный и ограниченный умъ? Это общее мнѣніе, но оно противорѣчитъ всякому серьезному опыту.

Человѣкъ, который клянется формулой, относится съ недостаточнымъ уваженіемъ къ этой формулѣ. Онъ не схватываетъ въ ней ни смысла, ни важности, составляющихъ всю ея цѣнность и безъ которыхъ она теряетъ всякое право на существованіе. Человѣкъ, который клянется учрежденіемъ, книгой, другимъ человѣкомъ, не питаетъ уваженія ни къ кому изъ нихъ, потому что онъ запрещаетъ себѣ подвергать ихъ оцѣнкѣ, словно зная, что они должны бояться его испытанія. То, что достойно почитанія, требуетъ къ себѣ уваженія сознательнаго. Поклоненіе по приказанію это—не почитаніе, а форма неуваженія; вѣрить безъ испытанія, безъ надлежащихъ основаній это значитъ оказывать плохую услугу святымъ вещамъ, и чуть ли не кощунствовать надъ ними. Говорить кому-нибудь: «Я вѣрю тебѣ, но не хочу подвергать тебя слишкомъ близкому разсмотрѣнію»,—это значитъ высказывать ему не довѣріе, а сомнѣніе. Ничто такъ сильно не компрометируетъ традицій, какъ подобное ложное уваженіе.

Онѣ отъ этого умираютъ. Человѣкъ, придерживающійся буквы текстовъ, воображаетъ, что такъ онъ охраняетъ ихъ, на самомъ же дѣлѣ онъ лишаетъ ихъ жизненности; онъ воображаетъ, что укрѣпляетъ учрежденія—и ослабляетъ ихъ, препятствуя имъ оставаться въ соприкосновеніи съ жизнью. Всѣ эти ограниченные хранители традицій представляютъ собою плохихъ наслѣдниковъ великаго сокровища, зарѣзаннаго прошлымъ. Въ ихъ рукахъ теряется то, что они, по ихъ заявленіямъ, якобы охраняютъ.

Чтобы оказывать традиціи истинное уваженіе, нужно продолжать ее, сохранять ея жизненность, ея способность къ возобновленію. Нужно возродить ее въ своей личной совѣсти. Поэтому самые вѣрные слуги традицій это—ихъ независимые ученики, эти вѣчно непризнаваемые, но необходимые въ исторической непрерывности работники. Въ ихъ рукахъ прошлое становится не тяжелой дубиной, нещадно колотящей насъ, а надежнымъ посохомъ, поддерживающимъ насъ на пути прогресса и будущности.

Человѣкъ, ориентированный по разуму и совѣсти, не только умѣетъ ходить въ стрюгу, терпѣть возраженія, выслушивать мнѣнія, уважать законъ и чужую свободу, почитать и увѣковѣчивать традиціи, но и черпаетъ въ своемъ руководящемъ принципѣ необычайную силу. Въ немъ есть нѣчто болѣе великое, чѣмъ онъ, нѣчто такое, что поддерживаетъ, вдохновляетъ его, закаляетъ его характеръ и укрѣпляетъ его волю, просвѣщая ее. Онъ умѣетъ приходить къ рѣшенію, принимать на себя отвѣтственность, когда нужно, онъ рѣшится остаться въ одиночествѣ, если этого требуетъ моментъ. Вы увидите, какъ увѣренно-спокойно принимаетъ онъ возраженія, порицанія, угрозы и исполняетъ столь трудный, но въ то же время столь необходимый долгъ: противопоставить тиранніи одного лица, какъ и предразсудку, смѣшивающему истину со взглядами большинства, ту непреодолимую преграду, которую называютъ волей. Кто станетъ утверждать, что этими качествами можно пренебрегать среди насъ? Нѣкоторые обвиняютъ насъ въ индивидуализмѣ. Это значитъ смѣяться надъ нашей бѣдностью, попрекать дородствомъ субъекта, ужасающаго своей худобой. Найти въ настоящее время выдающійся характеръ—да вѣдь нѣтъ ничего труднѣе этого.

Эмиль Фагэ сказалъ истину, высказавши однажды такой парадоксъ: *нѣтъ тотъ, кто мыслитъ самостоятельно, это—парія.*

Если бы къ состояніямъ человѣческой души позволено было прилагать термины, заимствованныя изъ зоологической классификаціи, то я

сказалъ бы, что огромное большинство нашихъ современниковъ это—моллюски. Они не имѣютъ нравственнаго скелета. Внѣшній авторитетъ не въ состояніи дать его имъ. Напомнимъ отвѣтъ неаполитанскаго короля, когда ему предлагали измѣнить форму своихъ солдатъ: «Одѣньте ихъ, какъ вамъ будетъ угодно, сказалъ онъ, это не помѣшаетъ имъ постыдно удирать съ поля битвы!» Намъ нужна не бесполезная перемѣна внѣшняго арлычка, а позвоночный столбъ.

Но пора закончить эти разсужденія и резюмировать наши мысли. Мы больны, нѣсколько растеряны, это правда, признаемся въ этомъ искренно. Однако, каясь въ своихъ прегрѣшеніяхъ, согласимся признать наличность смягчающихъ обстоятельствъ. Вспомнимъ, что мы переживаемъ эпоху преобразования, и что не все, имѣющее видъ безпорядка, является таковымъ само по себѣ.

Бываютъ такіе видимые безпорядки, которые представляютъ собою лишь подготовленіе новаго порядка вещей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно видѣть хоть разъ мѣсто, гдѣ возводится постройка. Нужно ли отказаться отъ строительства потому, что работы причиняютъ безпорядокъ и сопровождаются неприятнымъ зрѣлищемъ нагроможденныхъ матеріаловъ, горлающихся рабочихъ и изрытой земли? Только эту цѣною получается домъ. Убѣжища человеческого духа такъ же ломки, какъ и наши матеріальныя жилища. Никто не можетъ строить на вѣки. Прослуживъ довольно долгое время, жилища въ концѣ концовъ становятся ветхими, нездоровыми. Человѣческій ядъ пропитываетъ собою старыя стѣны. Тогда ихъ нужно сломать и построить заново. Мы находимся въ разгарѣ перестройки всего. Этотъ переходный періодъ, правда, безъ комфорта, но не безъ величія. Что бы тамъ ни было, а вѣдь очень интересно, когда дождь и снѣгъ застигаютъ насъ за обтесываніемъ камней и мѣшаніемъ известки для будущаго жилища нашихъ наслѣдниковъ. Люди, фанатически преданные старому дому, не должны обезкураживать насъ: пусть себѣ они грѣютъ въ немъ ноги у каминовъ! Мы же, стоя подъ открытымъ небомъ, будемъ согрѣвать свое сердце надеждою на будущій городъ, на современный, широко разбитый, здоровый, залитый свѣтомъ городъ; построивъ его изъ лучшихъ матеріаловъ прошлаго и настоящаго, по наугольнику разума и отвѣсу справедливости, мы начертанъ надъ входомъ въ него слѣдующій девизъ:

Возлюбимъ другъ друга.

Еще одно, послѣднее слово:

Зрѣлище недостатковъ и ошибокъ настоящаго времени не должно заставлять насъ дурно думать о немъ. Несмотря на все это, его нужно любить. Его нужно любить за его благородную муку о будущемъ, за его заботу о лучшемъ. Будемъ больше смотрѣть на его идеалъ, чѣмъ на то, что оно уже осуществило. Его стремленія болѣе цѣнны, чѣмъ его дѣла, и кромѣ того, если бы мы не могли любить его за его величіе, онъ заслуживалъ бы, чтобы его любили за его несчастія и не за одно это. Развѣ наше время, каково бы оно ни было, не дано намъ Богомъ для того, чтобы дѣйствовать и вышивать по канвѣ мимолетныхъ дней безсмертные узоры?

V.

Справедливость и право.

(Патеръ Винцентъ Момюсъ).

Предметъ этой лекціи, быть можетъ, нѣсколько сухой, но иногда полезно время отъ времени отвлекаться отъ насущныхъ жизненныхъ заботъ и подыматься въ спокойную и блаженную область чистой идеи, принциповъ, философскихъ умозрѣній, гдѣ мысль легко движется въ не-обозримомъ полѣ отыскиваемой, найденной и созерцаемой истины.

Предметъ этой лекціи, какъ гласитъ заглавіе, — справедливость и право. Поэтому, я долженъ сначала опредѣлить справедливость, а затѣмъ ужъ я разъясню основные принципы права.

I.

Теологи, философы и правовѣды опредѣляютъ справедливость, какъ *постоянную и неизмѣнную волю уважать права всѣхъ и каждаго*.

Справедливость прежде всего — *воля*, то есть, будучи нравственной добродѣтелью, имѣетъ и должна имѣть свой корень тамъ, гдѣ лежитъ источникъ нравственной жизни. А источникъ нравственной жизни не въ умственной способности; можно быть очень умнымъ, даже гениальнымъ человѣкомъ, но если не сумѣть направить и закалить свою волю по пути честнаго и справедливаго, если воля эта слабѣетъ предъ лицомъ долга и права, то, несмотря ни на какой умъ, человѣкъ остается безчестнымъ и достойнымъ презрѣнія. Только отъ воли зависитъ слава безупречной жизни или позоръ преступнаго паденія.

Такимъ образомъ, справедливость есть *воля* и опредѣленіе добавляетъ: *постоянная*.

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы быть дѣйствительно справедливымъ, недостаточно совершать актъ справедливости лишь въ извѣстные моменты, нужно быть способнымъ выказывать себя дѣйствительно справедливымъ всегда и вездѣ, во всѣхъ обстоятельствахъ, какія могутъ встрѣтиться. Справедливость не периодична, а постоянна.

Она также *неизмѣнна*. Проявленіе справедливости на дѣлѣ окружено многочисленными препятствіями; то же, впрочемъ, относится и ко всѣмъ другимъ нравственнымъ добродѣтелямъ. Неизмѣнность въ проявленіи справедливости даетъ намъ силу всегда повиноваться внушеніямъ совѣсти и долга и противиться увлеченіямъ страсти. Идея неизмѣнности прибавляетъ къ идеѣ постоянства желаніе оставаться вѣрнымъ справедливости, несмотря на препятствія, которыя можетъ встрѣтить совершеніе справедливаго акта.

Только что выясненные мною понятія присущи всѣмъ нравственнымъ добродѣтелямъ, но характерную черту справедливости, дѣлающую изъ нея особую, отличную отъ другихъ добродѣтель, составляетъ то обстоятельство, что предметомъ своимъ она имѣетъ *уваженіе къ праву всѣхъ и каждаго*.

Вотъ въ чемъ состоитъ благородство и величіе справедливости. Прочія добродѣтели совершенствуютъ лишь индивида, разсматриваемаго, какъ изолированная и отдѣленная отъ цѣлаго личность, между тѣмъ какъ справедливость выводитъ его, такъ сказать, изъ рамокъ его собственной личности, чтобы ввести въ связь съ его ближними и соединить его съ ними священными узами уваженія къ праву. Она, слѣдовательно, представляетъ собою добродѣтель великодушную, она само отрицаніе того эгоизма, который можетъ омрачать иногда блескъ индивидуальной добро-

дѣтели; говоря словами св. Тома Аквинскаго, она — *semper ad alterum*, т. е. всегда имѣетъ въ виду другихъ, чтобы охранять ненарушимость ихъ правъ.

Ниже я дамъ точное опредѣленіе права, этого краеугольнаго понятія человѣческой совѣсти, но предварительно я хотѣлъ бы обратить вниманіе читателя на величіе и красоту добродѣтели, имѣющей своею цѣлью внушить уваженіе къ правамъ всѣхъ. Нельзя еще назвать справедливымъ того, кто ограничивается уваженіемъ права своихъ друзей, своихъ политическихъ и религиозныхъ единомышленниковъ, тѣхъ, кто группируется вмѣстѣ съ нами вокругъ одного и того же знамени; чтобы заслужить прекрасное имя справедливаго человѣка, нужно уважать права противниковъ, право меньшинства, право тѣхъ, кто старается доставить торжество тѣмъ идеямъ, которыхъ мы не раздѣляемъ. Однимъ словомъ, нужно любить право ради его самого, и при встрѣчѣ съ нимъ мы не должны спрашивать себя, кто находится подъ его защитой, другъ или врагъ, мы должны лишь преклониться предъ его верховенствомъ и неприкосновенностью.

Тутъ я касаюсь одной изъ самыхъ глубокихъ ранъ нашего времени или, скорѣе, всѣхъ временъ.

Мы энергично требуемъ своего права, мы не допускаемъ, чтобы его игнорировали, но мы остываемъ, когда дѣло идетъ о правѣ другихъ, наши жалобы слабы, когда нарушается право, не касающееся насъ лично; съ этого момента мы перестаемъ быть справедливыми; ибо для того, чтобы быть справедливымъ, нужно любить и уважать права всѣхъ, нужно примѣнять на дѣлѣ евангельское правило: «Не дѣлайте другимъ того, чего вы не хотѣли бы, чтобы дѣлали вамъ самимъ».

Что же такое право?

Право есть законная, ненарушимая и неизмѣнная нравственная способность развивать свою активность, т. е. дѣйствовать, владѣть и требовать

Она способность нравственная въ противоположность способности физической, которую представляетъ сила: исключительная роль силы состоитъ въ томъ, чтобы служить праву. Опредѣленіе прибавляетъ: законная, чтобы различить то, что мы можемъ сдѣлать, отъ того, что мы имѣемъ право дѣлать: мы можемъ лгать, но не имѣемъ права на это. Въ своей сущности право *ненаруσιμο*, т. е. его обязаны уважать вездѣ и всегда. Наконецъ, оно *неизмѣнно*: люди не могутъ измѣнять его основныхъ предписаній; оно выше поразительной измѣнчивости человѣческихъ мнѣній; сегодня оно такое же, какимъ было вчера, какимъ оно будетъ завтра и всегда; идеи мѣняются, нравы преобразовываются, мнѣнія смѣняются одно другимъ, поколѣнія чередуются, имперіи распадаются, троны рушатся, философскія системы, свисавъ на моментъ расположеніе мудрецовъ, погружаются вскорѣ въ забвеніе, чтобы уступить мѣсто новымъ теоріямъ; но право вѣчно остается тѣмъ, что оно есть, и не въ человѣческой власти расширить или сузить предѣлы его господства. Въ чемъ же причина этой священной прерогативы, благодаря которой свѣточъ права горитъ такимъ спокойнымъ и ровнымъ огнемъ? Почему одно только право неизмѣнно, въ то время какъ все человѣческое подчинено фатальному закону измѣнчивости?

Вотъ что говорить объ этомъ человѣкъ, язычникъ, возвышенный умъ котораго сумѣлъ подняться до божественнаго происхожденія права.

«Оно, говоритъ Цицеронъ, это—одушевленный законъ, здравый разумъ, соответствующій нашей природѣ, распространенный во всѣхъ умахъ: законъ неизмѣнный, вѣчный, который своими правилами диктуетъ

намъ наши обязанности, своими запрещеніями отвращаетъ насъ отъ всякаго нарушенія, который, съ другой стороны, не приказываетъ и не запрещаетъ напрасно, обращается ли онъ къ добрымъ или дѣйствуетъ на душу злыхъ; законъ, которому нельзя противопоставить ни одного другого и котораго нельзя ни измѣнить, ни отмѣнить. Ни сенатъ, ни народъ не могутъ освободить насъ отъ его узъ; законъ этотъ не нуждается ни въ приложеніи, ни въ иномъ какомъ-либо толкователѣ, кромѣ самого себя: онъ никогда не будетъ однимъ въ Римѣ, другимъ въ Афинахъ, такимъ-то въ настоящую эпоху и инымъ въ послѣдующую; единъ, вѣченъ и безсмертенъ законъ этотъ, который будетъ обнимать всѣ народы во всѣ времена. Въ силу его всегда будетъ лишь одинъ общій господинъ или учитель, одинъ всемірный царь или императоръ, т. е. единый Богъ. Вотъ кто творецъ этого закона, властитель, истинный законодатель. Всякій, кто не будетъ ему повиноваться, будетъ убѣгать отъ самого себя, презирая природу человѣка, и, въ силу одного этого, онъ будетъ обреченъ на самыя жестокия мученія, хотя бы онъ и сумѣлъ избѣжать того, что называютъ наказаніемъ».

Итакъ, нужно подняться до идеи Бога, чтобы встрѣтить Господина, высшаго Законодателя, единственнаго, кто достаточно великъ для того, чтобы наложить на насъ естественный законъ и неизмѣнныя предписанія права.

Послѣдніе члены опредѣленія права не нуждаются въ разъясненіи, и я ограничиваюсь указаніемъ на то, что способность дѣйствовать, владѣть и требовать не имѣетъ другихъ предѣловъ, кромѣ общей пользы и права другихъ.

Право дѣлится на *положительное* (или позитивное) и *естественное*. Положительное право—это совокупность законовъ, управляющихъ гражданами одной и той же страны. Я не буду заниматься имъ здѣсь; оно не входитъ въ мою компетенцію: какъ философъ и моралистъ, я долженъ изслѣдовать лишь естественное право, къ которому особенно приложимо только что сдѣланное мною опредѣленіе.

II.

Естественное право вытекаетъ изъ самаго устройства нашей природы; слѣдовательно, чтобы ознакомиться съ нимъ, нужно знать, кто мы.

Но мы вѣдь представляемъ собою живыя существа, одаренныя умомъ и свободой,—эти блага каждый человѣкъ получаетъ отъ своей собственной природы. Поэтому, въ силу самой нашей природы, мы имѣемъ право на жизнь, на истину (которая питаетъ умъ) и на свободу.

Мы имѣемъ право на жизнь; лишить насъ ея можно лишь путемъ злодѣйскаго покушенія, ибо это право, очевидно, составляетъ основу всѣхъ другихъ. Нѣтъ нужды особенно настаивать на правѣ на жизнь, потому что никто не можетъ серьезно оспаривать его: поэтому, я ограничиваю его констатированіемъ, чтобы ниже коснуться двухъ связанныхъ съ нимъ вопросовъ: войны и смертной казни.

Мы имѣемъ право на истину.

Завоеваніе истины—это одно изъ самыхъ благородныхъ достояній человѣческой природы.

Истина представляетъ равенство между умомъ и его объектомъ: *adaequatio rei et intellectus*. Если понятіе, составленное мною о предметѣ, вполне сходно и адекватно (тождественно) самому предмету, то я обладаю истиной; если тождества нѣтъ, то я заблуждаюсь. Это строго точное опредѣленіе даетъ намъ высокое представленіе о неопѣнимомъ величій человѣческаго ума. Оно можетъ уравнивать все, такъ какъ уже по одному

тому, что известная вещь *est*, она входитъ въ область ума: *ens et verum convertuntur* (сущее и истинное совпадаютъ), говорятъ еще классические философы. Следовательно, все существующее составляетъ объектъ ума, который равенъ всему, благодаря обладанію истиной, на которую мы имѣемъ абсолютное право, такъ какъ умъ данъ намъ лишь для того, чтобы созерцать истину.

Но человѣкъ не хоронитъ истины въ тайникахъ своего ума; онъ испытываетъ непреодолимую потребность проявлять ее и распространять вовнѣ, откуда я вывожу естественное право какъ на обученіе, такъ и на устное и печатное слово. Желать удерживать истину въ плѣну, зажимать кому-либо ротъ или ломать его перо потому, что провозглашаемая имъ истина невыгодна и имѣетъ несчастье противорѣчить нашимъ мнѣніямъ, это значитъ нарушать естественное право и злоупотреблять силой въ пользу той нетерпимости, противъ которой нужно протестовать со всей энергіей. Нужно умѣть выслушивать непріятныя для насъ истины и уважать распространеніе истины во всѣхъ ея формахъ; постараемся опровергнуть, если сумѣемъ, апостоловъ той идеи, которой мы не раздѣляемъ, но, во имя права, предоставимъ свободно обучать, говорить и писать тѣмъ, кто думаетъ не такъ, какъ мы.

Нѣсколько выше я сказалъ, что мы—существа не только разумныя, но и свободныя; мы имѣемъ, следовательно, естественное право на свободу. Всѣ рождаются свободными, *omnes nascuntur liberi*, говоритъ одинъ великій теологъ *).

Я говорю прежде всего о той внутренней свободѣ, которая позволяетъ человѣку направлять свою жизнь такъ, какъ онъ считаетъ лучшимъ, и для которой только Богъ имѣетъ право предначертать ея путь. Подъ божественнымъ окомъ мы пользуемся неограниченной свободой; ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права сказать намъ: «Ты будешь дѣлать то-то, будешь избѣгать того-то». Въ этой идейной области я признаю за однимъ только Богомъ право налагать на меня законы.

Священнѣйшая форма внутренней свободы это—свобода совѣсти. Въ этой области прирожденная свобода души въ особенности не терпитъ никакихъ дѣпей, выковываемыхъ рукой человѣка. Если мнѣ угодно похоронить свою жизнь въ уединеніи монастыря и служить тамъ Богу и моимъ братьямъ согласно внушеніямъ моей совѣсти, то ни за кѣмъ, рѣшительно ни за кѣмъ не признаю я права заносить святотатственную руку на самую святую изъ всѣхъ свободъ.

Но не забудемъ, здѣсь какъ и вообще, что нужно умѣть уважать законное право другихъ; недостаточно требовать свободы совѣсти для себя, нужно также требовать ее для остальныхъ, требовать ее для всѣхъ.

Да будетъ позволено мнѣ привести по этому поводу слова человѣка, имя котораго я произношу всегда съ чувствомъ законной гордости и нѣжной сыновней почительности: «Всякій, говоритъ Лакордеръ, кто, требуя права, исключаетъ изъ него хотя бы только одного человѣка, кто соглашается на рабство хоть бы одного только бѣлаго или чернаго, даже если бы это рабство выразалось самымъ слабымъ образомъ,—не искренній человѣкъ и не заслуживаетъ того, чтобы бороться за святое дѣло человѣческаго рода».

Признайтесь, читатель, вѣдь это благородныя и великодушныя слова: они достойны этого великаго сердца, такъ сильно любившаго справедливость, право и свободу.

III.

Эта внутренняя свобода (свобода воли) представляетъ естественную способность, которая, сама по себѣ, недоступна для посягательства со стороны силы; но сила можетъ связать ея внѣшнія проявленія. Безполезно перечислять нынѣ всѣ тѣ силы, которыя могутъ помѣшать проявленію свободы и пользованію правомъ; я ограничусь однимъ изслѣдованіемъ того, каково должно быть положеніе по отношенію къ естественному праву личности той силы, которую называютъ государствомъ.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ двумя діаметрально противоположными системами: языческой системой и христіанской идеей.

Согласно языческой системѣ, государство имѣетъ всѣ права, а личность—только обязанности; государство это—какое-то божество, къ ногамъ котораго личность должна сложить и принести въ жертву свои блага, свои права, свою свободу, свою жизнь; словомъ государство—все, оно все можетъ, а личность должна покорно дать растереть себя въ колесахъ этой чудовищной машины, которая поглощаетъ и захватываетъ все.

Въ самомъ дѣлѣ, по Платону, государство имѣетъ надъ индивидомъ право жизни и смерти; больныхъ людей и хилыхъ дѣтей убивать, такъ какъ они бесполезны для государства; семью разрушить, потому что семья—независимое общество, а государство должно быть абсолютнымъ господиномъ всего; собственность—уничтожить, ибо собственность одинъ изъ самыхъ прочныхъ устоевъ независимости личности. Государство должно сломить всѣ сопротивленія, все должно молчать и преклоняться предъ его страшнымъ могуществомъ.

Вамъ извѣстно, что Платонъ дошелъ до желанія изгнать поэтовъ. Откуда этотъ остракизмъ (приговоръ объ изгнаніи) противъ людей, которые получили возвышенный и прекрасный даръ украшать истину обаяніемъ воображенія и мечты; которые переводятъ свои душевныя движенія то на нѣжный языкъ вѣтерка, пробѣгающаго по верхушкамъ высокихъ деревьевъ, то на грозный и звучный языкъ морского прибой? За что? Или только изъ-за хороша извѣстной развращенности поэтовъ его времени? Но развѣ, кромѣ того, поэтъ по преимуществу не независимый и свободный человѣкъ? Онъ независимъ, какъ освѣняющее его вдохновеніе, онъ свободенъ, какъ птица, рѣшшая въ безбрежныхъ небесахъ; бодрствующая надъ нимъ муза—божество ревнивое и гордое; она улетаетъ и уноситъ его съ собой въ область идеала, гдѣ онъ защищенъ отъ всякихъ посягательствъ грубой силы:

Поэтъ подобенъ перелетнымъ птицамъ,
Которыя въ пути не вьютъ себѣ гнѣзда на берегу
И не садятся отдохнуть въ лѣсу на вѣткѣ *)...

Вотъ почему Платонъ хотѣлъ изгнать поэтовъ; онъ боялся, что съ ихъ волшебныхъ устъ сорвется слово свободы, онъ боялся ихъ вдохновенія, которое не выносить контроля государства.

Теоріи Аристотеля въ этомъ пунктѣ сходны съ теоріями Платона.

Наконецъ, языческая идея освящала такое чудовищное отрицаніе всѣхъ правъ, какъ рабство.

Эти чловѣкоубійственныя ученія перешли за порогъ школъ, они не были системой, выработанной одиноко стоящимъ философомъ; напротивъ, они нашли свое приложеніе въ государственномъ строѣ Римской Имперіи

*) Ламартинъ.

и наложили на него неизгладимую печать. Цезарь былъ абсолютнымъ властителемъ міра, но онъ не довольствовался тѣмъ, что заставилъ его покорно сносить жестокое иго социальныхъ и политическихъ законовъ; онъ былъ также верховнымъ жрецомъ и, въ качествѣ такового, претендовалъ на господство надъ совѣстью.

И вотъ, въ то время, какъ власть цезаря достигла своего апогея, въ то время какъ міръ дрожалъ подъ абсолютнымъ владычествомъ своего повелителя, въ Іудеѣ явился человѣкъ, проповѣдывавшій новое ученіе. Онъ говорилъ: «Любите другъ друга, ибо вы—братья. Не дѣлайте другимъ того, чего бы вы не хотѣли, чтобы дѣлали вамъ самимъ. Блаженны алчущіе и жаждущіе справедливости, воздайте кесарю кесарево и Богу—Божье...» Чтобы поднять на его законную высоту прекрасное имя человѣка, столь странно презиравшееся языческой идеей, онъ, называвшій себя Сыномъ Божиимъ, еще чаще давалъ себѣ имя сына человѣческаго, поучая насъ такимъ образомъ, что послѣ Бога, нѣтъ ничего болѣе великаго, чѣмъ человѣкъ. Онъ говорилъ еще: «Цари народовъ повелѣваютъ ими, не такъ будетъ среди васъ, но тотъ, кто среди васъ захочетъ быть самымъ великимъ, будетъ слугою всѣхъ...» Вотъ христіанская идея государства. По евангельскому ученію, государство, далеко не поглощая права личности, должно напротивъ, покровительствовать ей, защищать ее и вполнѣ пропихнуться убѣжденіемъ, что оно—лишь сила на службѣ у права. Такъ понимали и толковали слово Христа и великіе учителя католической церкви, въ частности св. Тома Аквинскій: «Единственная роль государства,—говорить онъ,—состоитъ въ томъ, чтобы оберегать право всѣхъ».

Въ виду этого, всякое утвержденіе права личнаго противъ всемогущества государства есть утвержденіе христіанское.

Четвертаго іюля 1776 года великій народъ торжественно справлялъ въ Филадельфіи праздникъ своей независимости. Утромъ этого прекраснаго дня войска, сражавшіяся за свободу, присутствовали при религиозномъ торжествѣ, и люди, которые во главѣ ихъ шли затѣмъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ свободныхъ гражданъ, составили декларацію, въ которой они утверждали ихъ индивидуальныя права и падающій на государство долгъ—пользоваться своей силой для общаго блага.

Декларация 1776 года является какъ бы прелюдией деклараціи 1789 года.

А развѣ эти люди, утверждающіе неотъемлемыя права гражданина и обязанности государства, развѣ они демагоги, революціонеры, бунтовщики, зачинщики возмущеній и враги социального порядка? Нѣтъ, это христіане, сознающіе свое человѣческое достоинство, столь высоко поднятое евангеліемъ, проповѣдующимъ, что Богъ сталъ человѣкомъ; они услышали слова освобожденія, сошедшія съ устъ Христа, и они поняли, что братья Бога не могутъ согласиться быть только рабами человѣка.

Вы видите, читатель, христіанскій духъ это—духъ независимости и свободы; поэтому, христіанская идея лучше всего оберегаетъ право индивидовъ и свободу народовъ.

Состраданіе и естественный отборъ.

(Ж. Бело, членъ главнаго совѣта народнаго просвѣщенія, профессоръ философіи въ лицей Людовика Великаго).

Самый индифферентный человѣкъ, самый большой оптимистъ не можетъ въ настоящее время отрицать, что мы переживаемъ особенно

серьезный нравственный кризисъ. Чувство подобнаго кризиса проявляется со всѣхъ сторонъ до того часто, что само это выраженіе сдѣлалось банальнымъ.

Но не всѣ, пожалуй, имѣютъ точное представленіе о природѣ подобнаго кризиса. Одни видятъ въ немъ лишь болѣе или менѣе замѣтный фазисъ постояннаго превращенія нравовъ и законодательствъ, тѣсно связаннаго съ исканіемъ наилучшаго или вызываемаго измѣненіями въ матеріальныхъ или политическихъ условіяхъ жизни. Другіе, еще менѣе дальновидные, признаютъ въ этомъ кризисѣ одинъ только внѣшній симптомъ нѣкоторое пониженіе уровня практической нравственности, извѣстное ослабленіе воли.

Съ другой стороны, этотъ терминъ подходилъ бы еще меньше, если бы дѣло шло о непрерывной эволюціи, фазисы которой могутъ быть болѣе или менѣе ускоренными, но которая, въ общемъ, измѣняетъ только внѣшнія формы жизни и практическія дѣйствія.

Наоборотъ, что въ настоящее время, выступаетъ наиболѣе рѣзко, такъ это то, что недугъ имѣетъ всецѣло внутреннее начало; самыя основы нравственной жизни кажутся поколебленными, и даже тамъ, гдѣ поведеніе остается порядочнымъ и согласнымъ съ принятыми правилами честной жизни, эта порядочность и эта честность совершенно поверхностныя и вовсе не связаны, или связаны очень слабо, съ принципами, сознательно усвоенными и провозглашенными съ убѣжденіемъ. Какъ будто нѣкоторая доля критическаго сомнѣнія философовъ, такъ долго примѣнявшагося къ отыскиванію подобныхъ принциповъ, проникла въ душу толпы. И толпа, менѣе способная къ восстановленію разрушаемаго критикой, чѣмъ одиноко стоящій мыслитель, и въ то же время горящая большимъ нетерпѣніемъ поскорѣе примѣнить, въ своей упрощенной социологіи, идеи, къ которымъ она, какъ ей кажется, пришла,—повидимому, замѣчаетъ (временно, я убѣжденъ въ этомъ) одни только отрицательные результаты этой критики, которая проникаетъ ее медленно, нечувствительно и тѣмъ болѣе неизбежно, что она въ нѣкоторомъ родѣ безсознательна. Вотъ почему мы слышимъ, какъ провозглашается одно за другимъ банкротство науки, не сумѣвшей якобы организовать жизнь, и банкротство религіи, которая не способна болѣе владѣть душами и руководить ими. Дѣло идетъ о томъ, чтобы вновь обрѣсти самую основу нравственной жизни.

Задачу эту, пожалуй, можно выполнить сравнительно легко, если, примѣняя методъ, не пользующійся въ настоящее время, повидимому, особеннымъ почетомъ, рѣшительно избѣгать всѣхъ вопросовъ, чуждыхъ данному, и возвратить нравственность на ея естественную почву. Ошибка, допущенная съ обѣихъ сторонъ, состоитъ, какъ мнѣ кажется, въ томъ, что основъ морали ищутъ внѣ того, что составляетъ настоящую область, характерное содержаніе нравственности, я хочу сказать, внѣ условій социальной жизни, условій поддержанія и прогресса коллективнаго чело-вѣческаго существованія.

Эту-то идею и хотѣлъ бы я постараться освѣтить на вопросѣ, по поводу котораго особенно рѣзко проявился тотъ нравственный кризисъ, который я только что опредѣлилъ; въ немъ довольно ясно можно различить борьбу принциповъ, терзающую современную совѣсть, но въ то же время упомянутое мною выше чело-вѣческое и социальное рѣшеніе задачи находить въ немъ, какъ мнѣ кажется, особенно удовлетворительное примѣненіе. Задача эта, въ которой сталкивались и сталкиваются до сихъ поръ претензіи религіи и науки, касается отношеній между состраданіемъ

и естественнымъ отборомъ; это—мучительный для совѣсти споръ, между чувствомъ человѣческаго братства и біологическими интересами человѣческой расы.

I.

Такъ какъ я главнымъ образомъ хочу смотрѣть на этотъ вопросъ, какъ на удобный случай для точнаго разсмотрѣнія встающей передъ настоящимъ временемъ нравственной проблемы и ея разрѣшенія, то еще прежде самой проблемы, я позволю себѣ опредѣлить ту точку зрѣнія, на которую я думаю встать. Съ позволенія читателя, я начну съ триумфа. Не будемъ бояться триумфовъ: одно только наше незнаніе проводить границу между очевидностью и истиной, и безграничный умъ могъ бы находить, внѣ абсурда, однѣ только избыткія истины.

Моя избитая истина, которую вначалѣ, я увѣренъ, отвергнуть три четверти мыслителей и девять десятыхъ людей изъ общества, состоитъ въ томъ, что нравственность—дѣло чисто человѣческое, что она постепенно образовывалась человѣчествомъ для человѣчества же.

Такъ оно и слѣдовало. У человѣчества никогда не было внѣшняго учителя, который разъяснялъ бы ему его обязанности и его правила жизни, одинъ только опытъ могъ научить его имъ, т. е. навязать скорѣе его волѣ, чѣмъ открыть ихъ его уму. И эта истина остается даже для того, кто вѣритъ въ откровеніе; дѣйствительно, въ какомъ бы положеніи ни находилось дѣло, никакое откровеніе не могъ о бы быть понято человѣкомъ, если бы умъ его былъ совершенно чуждъ вносимымъ имъ идеямъ; въ особенности, оно было бы бессильно внушить ему какое-либо правило жизни безъ отношенія къ житейскимъ necessitatibus, заставить его полюбить тотъ или иной идеаль, если бы онъ не гармонировалъ съ стремленіями, жившими въ человѣчествѣ еще раньше. Проповѣдь, идущая извнѣ, осталась бы, слѣдовательно, мертвой буквой, и если индивидуальный человѣкъ, повидимому, имѣетъ внѣшнихъ учителей, такихъ же людей, то человѣческая раса всему можетъ научиться только самостоятельно, у своего собственного опыта, столь же компетентнаго въ области нравственности, какъ и въ области науки.

Но эта нравственность, бессознательно создающаяся такимъ образомъ въ близкомъ соприкосновеніи съ условиями существованія, вообще, и въ особенности существованія социальнаго, не представляетъ продукта ума, размышленія; она вытекаетъ не изъ теоріи, но изъ болѣе или менѣе поучительнаго приспособленія. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда человѣкъ начинаетъ наблюдать самого себя и размышлять надъ тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, онъ находитъ въ себѣ въ совершенно сложившемся видѣ эту бессознательную нравственность въ формѣ *совѣсти*, правда, болѣе или менѣе зачаточной, но уже сильной и ясной; находитъ ее также освященной извнѣ правилами и традиціями социальнаго порядка, преступить которыя онъ не можетъ. Что же происходитъ затѣмъ? Если человѣкъ хочетъ познать окружающую природу, то еще сильнѣе хочетъ онъ познать самого себя, хотя желаніе это пробуждается въ немъ поздне. Онъ будетъ искать объясненія и вмѣстѣ съ тѣмъ оправданія для тѣхъ принциповъ поведения, присутствіе которыхъ онъ чувствуетъ въ себѣ самомъ и которые общество навязываетъ ему извнѣ. Пытаясь истолковать нравственный поступокъ, столь ясный для интуиціи и столь непонятный для ума, онъ можетъ измѣнить и даже извратить его; и дѣйствительно, онъ искажаетъ его, и поистинѣ странно видѣть, сколько времени требуется человѣчеству для того, чтобы возстановить естественный порядокъ вещей,

чтобы вновь открыть нравственный поступокъ въ его положительной дѣйствительности подъ смѣлыми и произвольными толкованіями, которыя въ концѣ концовъ замаскировали и даже исказили его.

Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ первобытный человѣкъ, не зная природы, обманываетъ свою болѣе нетерпѣливую, чѣмъ глубокую любознательность, обоготворяя силы и явленія физическаго міра, точно также, встрѣчаясь съ внутренней тайной нравственной совѣсти, онъ прибѣгаетъ къ тому же приему; его воображеніе обоготворяетъ совѣсть и тотъ общественный авторитетъ, который ее санкционируетъ.

А нравственность, она также подверглась идеализаціи? Этого вовсе нельзя и требовать; вѣдь созданное воображеніемъ божество, естественно, отражаетъ въ себѣ всѣ несовершенства самого человѣчества, и присвоенный ему высшій авторитетъ не способенъ уменьшить неразумность или дикость тѣхъ требованій, которыя ему съ тѣхъ поръ приписываются. Нравственность теряетъ связь съ жизнью; чисто теологическія добродѣтели, не имѣющія ничего общаго съ дѣйствительнымъ поведеніемъ людей, чуждыя и даже противорѣчающія реальнымъ условіямъ существованія, заслоняютъ собою истинныя добродѣтели и даже изгоняютъ ихъ. Личность и даже общество потеряли свою нравственную автономію; они не чувствуютъ себя болѣе распорядителями своей судьбы. Кромѣ того, овеществленный символъ ихъ нравственной жизни имѣетъ въ себѣ что-то неподвижное и застывшее, что останавливаетъ ея нормальное развитіе; и совѣсть, приобитая, такимъ образомъ, къ понятіямъ прошлаго, обречена на то, чтобы постоянно отставать отъ жизни въ то время, какъ ея настоящая роль должна была бы состоять въ томъ, чтобы обгонять ее, устремляя свой взоръ къ идеалу.

Безъ сомнѣнія, понятіе божественности очищается такъ же, какъ и сами нравственные понятія. Но хотя, такимъ образомъ, силою вещей, нравственность, быть-можетъ, нѣсколько больше приближается къ дѣйствительности, однако содержаніе ея остается попрежнему искаженнымъ въ своей сущности. Совѣсть попрежнему упускаетъ изъ виду социальную дѣйствительность, продуктъ которой она представляетъ и ту коллективную жизнь, для которой она служитъ орудіемъ и основаніемъ. Она привыкла входить въ непосредственныя сношенія съ Богомъ; и по мѣрѣ того, какъ Богъ отдалялся и идеализировался, нравственное чувство становилось *внутреннимъ, субъективнымъ, индивидуальнымъ*, игнорируя такимъ образомъ свое происхожденіе и погрѣшая противъ своего назначенія?

Такова, мнѣ кажется, была роль первобытнаго воображенія и религіознаго созерцанія въ дѣлѣ выработыванія и, въ особенности, истолковыванія моральной совѣсти.

Какова же теперь роль современнаго научнаго мышленія? Его методъ состоитъ въ употребленіи, во введеніи неизвѣстнаго въ рамки извѣстнаго. Оно возвратитъ человѣка на лоно природы, оно подчинитъ его окружающей средѣ. Мало того, оно опредѣлитъ законы человѣческой природы по аналогіи съ наиболѣе общими законами низшей природы, и въ частности животнаго царства. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ человѣкъ въ силу своей сложности является послѣднимъ изъ объектовъ, встающихъ передъ научной мыслью, то мысль эта, приступая къ его изученію, уже знаетъ то, что она называетъ *природой*, то есть, всю область того, что стоитъ ниже человѣка. Эта тенденція замѣчается уже въ древнемъ ученіи Аристиппа, доказывавшаго на примѣрѣ животнаго, что удовольствіе есть потребность природы, и *вслѣдствіе этого*—правило жизни. Она снова встрѣ-

чается въ другой формѣ въ современныхъ теоріяхъ, которыя составятъ предметъ настоящей статьи. Такимъ образомъ, это первое и, спѣшу добавить, неполное и временное примѣненіе науки къ нравственности привело бы насъ къ регрессу. Кромѣ того, оно почти тотчасъ же подчинило бы человѣческое поведеніе настоящей гетерономіи въ конечномъ счетѣ, это была бы настоящая *аномія* (*беззаконіе*), потому что человѣку не оставалось бы ничего другого, какъ руководиться въ своемъ поведеніи законами окружающей среды, своей собственной природы, даже законами общества, не имѣя возможности создать себѣ никакого самостоятельнаго идеала, никакого правила, составленнаго для достиженія чисто человѣческихъ цѣлей.

Моральная идея состраданія, любви къ ближнему испытала, какъ мнѣ кажется, колебанія, аналогичныя тѣмъ, которыя я только-что описалъ; съ тѣхъ поръ какъ нравственное сознаніе человѣчества окончательно овладѣло этимъ принципомъ, она прошла черезъ тѣ же стадіи. Она очень давно живетъ въ человѣчествѣ, потому что доброжелательность, доброта, преданность съ самыхъ отдаленныхъ временъ и въ самыхъ варварскихъ культурахъ играли важную, почетную роль въ социальной жизни, безъ нихъ невозможна никакая общественная жизнь, и они встрѣчаются даже среди животныхъ, надѣленныхъ социальнымъ инстинктомъ. Но намъ кажется, будто идея эта была открыта въ тотъ день, когда ей дано было имя, когда вмѣсто того, чтобы довольствоваться частными и почти инстинктивными добродѣтелями, которыя она внушала и въ которыхъ она была какъ бы разбѣяна, ее рѣшили сформировать въ видѣ яснаго и сознательнаго принципа всѣхъ этихъ добродѣтелей и, пожалуй, всякой добродѣтели.

Но едва только любовь къ ближнему стала такимъ образомъ сознательной, какъ она измѣнила свой характеръ. Въ то время какъ до того она всецѣло обращалась къ вѣшнему міру, къ своему объекту, цѣликомъ, такъ сказать, претворяясь въ дѣйствіе, съ этого момента она принимаетъ характеръ чисто внутренней; она становится добродѣтелью и чувствомъ, элементомъ личнаго и *субъективнаго* совершенствованія. Абсолютную цѣнность признають за душевнымъ состояніемъ, упуская изъ виду его приложенія и то, какихъ результатовъ можно ожидать отъ этихъ послѣднихъ. Вслѣдствіе этого, добродѣтель эта проявляется, главнымъ образомъ, въ чисто *отрицательной* формѣ: въ вершинѣ нравственной жизни поставили добродѣтель отреченія, самопожертвованія, оставляя въ сторонѣ вопросъ, въ чью пользу отречаются, ради какого высшаго интереса жертвуютъ собою. Полагають, что эгоизмъ можно побѣдить, только оправдывая жертву ради жертвы, и не видятъ, что отъ эгоизма можно излѣчить, лишь обращая его въ его противоположность, что для того, чтобы не слишкомъ много интересоваться самимъ собой, нужно интересоваться кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь другимъ, что позабыть о себѣ можно лишь въ томъ случаѣ, если всецѣло отдаться какому-либо предмету. Состраданіе представляется еще кромѣ того въ *созерцательной* формѣ, потому что предметъ этотъ считали возможнымъ открыть въ самомъ Богѣ; одна только безконечность казалась способной наполнить сердце человѣка, и намъ предлагаютъ любить ближнихъ въ Богѣ и для Бога вмѣсто того, чтобы любить ихъ непосредственно въ нихъ самихъ и ради нихъ же. Если позволительно выразить мою мысль нѣсколько рѣзко, то положенія эти нельзя назвать иначе, какъ обманчивыми и опасными. Мнѣ кажется (и если бы у меня было больше времени, то я могъ бы доказать это на самой исторіи), что они извратили и обезплодили состраданіе, отвращая его отъ практической дѣятельности. Я, конечно, достаточно знаю свое ремесло философа, чтобы

признать за этими положеніями глубокой метафизической смыслъ и даже удовлетворительное нравственное толкованіе. Но нравственность создана для всѣхъ, а толпа состоитъ не изъ метафизиковъ. Она понимаетъ только то, что ей говорятъ вполне ясно, она понимаетъ положеніе буквально, а скрытый смыслъ ея не касается. А если все-таки кому-либо угодно говорить ей что-нибудь, превышающее ея пониманіе, то въ такомъ случаѣ, пожалуй, лучше прибѣгать къ туманнымъ отвличенностямъ, которыя, по крайней мѣрѣ, не могутъ обмануть ее. Но я не вижу, какъ можно поправить дѣло тонкими толкованіями положеній, которыя масса всегда будетъ понимать превратно. Тѣ, о которыхъ я говорилъ, способствовали бы лишь тому, чтобы отвратить состраданіе отъ его настоящаго объекта и его практическаго приложенія и свалить на Бога заботу о результатахъ, вотъ почему я отказываюсь вѣрить имъ.

Чистое научное мышленіе, встрѣтившись съ извращеннымъ, такимъ образомъ, нравственнымъ понятіемъ, еще съ большимъ правомъ относится къ нему съ недоумѣніемъ. Оно осмѣлится потребовать у добродѣтели отчета; оно будетъ требовать у нея уже не субъективнаго, мистическаго, а объективнаго доказательства ея превосходства или вѣрнѣе (такъ какъ дѣло идетъ о наукѣ), ея истинности, ея соответствія съ природой. А такая процедура приводитъ только къ осужденію. Оказывается, какъ полагаютъ многіе, что природа обезпечиваетъ прогрессъ не добротой, не снисходительностью, не добровольнымъ самопожертвованіемъ сильныхъ ради слабыхъ, а, наоборотъ, средствами жестокости, незнаніемъ милости, насильственнымъ и неизбѣжнымъ принесеніемъ слабыхъ въ жертву сильнымъ. *Борьба за жизнь*, приводящая къ *естественному отбору*, то есть къ исчезновенію менѣе одаренныхъ существъ и выживанію сильнѣйшихъ и приспособленнѣйшихъ, которыя одни только призваны продолжать родъ,— вотъ что противопоставляетъ состраданію натуралистическая нравственность во имя біологіи и даже социологіи.

Идеи эти настолько общеизвѣстны, что я не стану излагать ихъ здѣсь. Я долженъ считать ихъ знакомыми читателю и ограничусь дѣломъ самимъ по себѣ достаточно труднымъ: изслѣдованіемъ практическихъ приложеній этихъ идей, ихъ нравственныхъ выводовъ. Выводы эти вкратцѣ можно формулировать такъ:

Положительно: Нужно стараться быть сильнымъ, сильнѣйшимъ, стараться имѣть какъ можно больше козырей въ игрѣ или, употребляя болѣе общепринятую метафору, стараться быть вооруженнымъ какъ можно лучше въ борьбѣ за существованіе. О родѣ оружія и о законности приѣмовъ борьбы нѣтъ больше и рѣчи. Побѣда—вотъ единственное оправданіе: Трудиться для собственнаго счастья, вотъ, слѣдовательно, первый долгъ, потому что тѣмъ самымъ обезпечивается—де лучше всего счастье всѣхъ и прогрессъ расы.

Отрицательно: Нужно тщательно избѣгать помогать слабымъ и искусственно поддерживать жизнь наименѣе одаренныхъ; такъ мы приводимъ расу къ прогрессу; взваливаемъ на плечи общества ничѣмъ не окупаемое бремя, причиняемъ ему тѣлесную потерю, увѣковѣчиваемъ біологическіе и социальныя недостатки. «Всѣ спеціальныя установленія, говоритъ Спенсеръ, которыя въ высокой степени препятствуютъ превосходству пользованія преимуществами превосходства, которыя защищаютъ отсталость противъ порождаемыхъ ею золь, всѣ установленія, которыя имѣютъ цѣлью стереть различіе между высшимъ и низшимъ, представляютъ собою установленія, діаметрально противоположныя прогрессу организаціи и наступленію высшей жизни».

Таковъ, вкратцѣ, тотъ конфликтъ между принципами, который предстоитъ разрѣшить современной морали; передъ нами встаетъ главнымъ образомъ проблема совѣсти, и проблема, надо признаться, серьезная. Дѣйствительно, съ одной стороны, современная совѣсть, освободившаяся уже отъ метафизическихъ и мистическихъ принциповъ, не можетъ совершенно отказаться встать на точку зрѣнія интересовъ расы и биологическаго прогресса. И однако, принимая эти принципы, мы постараемся избѣгнуть опасности власти при этомъ не только въ грубый, но и легкій эгоизмъ такъ называемыхъ *struggleforlifers* (безусловныхъ сторонниковъ борьбы за существованіе); мы считаемъ невозможнымъ отказаться отъ добродѣтели, которая при всемъ несовершенствѣ, при всей неполнотѣ своего практическаго приложенія, навсегда останется составной частью нашей нравственной природы. Внутри насъ живетъ чувство, котораго не въ силахъ изгнать изъ насъ никакое усиліе воли, никакой свѣтъ науки; самые ожесточенные поколебались бы, самые убѣжденные начали бы сомнѣваться, если бы имъ показать на примѣрѣ нѣкоторыя примѣненія ихъ теоріи. Можно ли вообразить, чтобы снова стали топить плохо сложенныхъ дѣтей или возстановили чудовищную систему оставленія прокаженныхъ на произволъ судьбы? Или наконецъ (вѣдь отъ анархіи естественнаго отбора легко можно перейти къ тиранніи искусственнаго), можно ли, во имя современныхъ теорій, осуществить то, что даже древность знала, какъ мечту утописта: государство, пользующееся полнымъ правомъ разрѣшать или запрещать браки, согласно съ предполагаемыми интересами расы, свободно распоряжающееся человѣческимъ скотомъ и не обращающее ни малѣйшаго вниманія на свободу и чувства личности? Не пришлось ли бы тогда въ корнѣ измѣнить или уничтожить большинство социальнихъ институтовъ потому что съ этой точки зрѣнія они должны казаться социальнымъ зломъ, какъ это недавно показалъ одинъ изъ наиболѣе горячихъ противниковъ этихъ теорій *); начать хотя бы съ института правосудія, этого неизмѣннаго защитника слабыхъ противъ сильныхъ, этой первой формы коопераціи отсталыхъ, съ цѣлью обезпечить себѣ силу, это первое дѣло любви и состраданія для борьбы съ жестокостями соперничества!

Отсюда видно, что стоящая передъ нами проблема не только серьезна, но вмѣстѣ съ тѣмъ деликатна, сложна, туманна и что противоположности, въ которыхъ она выражается, далеко не вполне точны. Даже сами натуралисты-соціологи, повидимому, колеблются дѣлать отсюда практическіе выводы. Одни, при видѣ противорѣчія между состраданіемъ и отборомъ, приходятъ къ осужденію перваго въ пользу втораго.

Но другіе, замѣчая, что состраданіе также представляетъ продуктъ эволюціи, допускаютъ, что филантропія—неизбѣжное зло и что нужно примириться съ ея развитіемъ, и заключаютъ отсюда просто, что общественное благо расы составляетъ условный и произвольный нравственный критерій, придуманный лишь впоследствии, въ то время какъ человѣкъ, подъ давленіемъ какого-то рока, повидимому, осужденъ вѣчно трудиться во вредъ самому себѣ и желать собственной гибели!

Это разногласіе выводовъ само по себѣ довольно утѣшительно. Въ самомъ дѣлѣ, если филантропія развивается такъ неизбежно, то поистинѣ невозможно допустить, чтобы она по существу и вообще противорѣчила интересамъ человѣчества. Во имя самой теоріи отбора мы обязаны допустить, что глубоко вредная умственная наклонность должна исключать

*) Ch. Gide: Si les institutions sociales sont en mal social, Revue d'Economie politique, janvier 1899.